

КСД

573.10 К

~~К-597~~

X624.3

н/а

Л. Д. КОКОРЕВ.

ПОДСУДИМЫЙ

**В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

Л. Д. КОКОРЕВ

~~343.10~~
К-597

код экземпляра

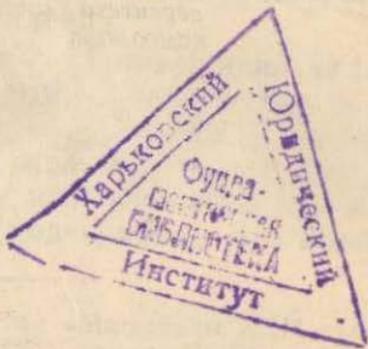
327487

ПОДСУДИМЫЙ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Участники
правосудия
по уголовным
делам*

*Проблемы
процессуального
положения
личности
в уголовном
судопроизводстве*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1973

Монография посвящена проблемам положения личности в уголовном судопроизводстве. В ней рассматриваются такие вопросы, как права и обязанности подсудимого, процессуальные гарантии его законных интересов, роль судебной этики в обеспечении прав подсудимого и успешном решении задач правосудия.

В книге анализируются судебные ошибки, показывается их связь с нарушениями процессуальных прав подсудимого, даются рекомендации по дальнейшему совершенствованию профессиональной деятельности судей, прокуроров, адвокатов.

*Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета Воронежского ордена
Ленина государственного уни-
верситета имени Ленинского
комсомола*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советское государство ведет решительную борьбу с преступностью всей системой государственных и общественных мер. Вопросам укрепления социалистического правопорядка, ликвидации преступности и правонарушений уделяют постоянное внимание Коммунистическая партия и Советское правительство¹.

Общественные интересы борьбы с преступностью, изыскание новых форм и совершенствование методов этой борьбы неразрывно связаны с расширением гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, и прежде всего лиц, привлекаемых к ответственности за совершенные ими преступления.

В. И. Ленин ставил задачу искоренить в обществе все паразитические элементы, в том числе жуликов, тунеядцев, хулиганов, и считал, что для того, чтобы сладить с ними, нужна железная рука². Вместе с тем он всегда выступал в защиту необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, подчеркивая что привлечение к уголовной ответствен-

¹ См.: «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 400; «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 80—81; постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», «Правда», 1 сентября 1970 г.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 200; т. 36, стр. 195; т. 50, стр. 219.

ности за совершенные преступления возможно лишь в отношении лиц, вина которых несомненна, очевидна³.

Эти ленинские идеи отражены в действующем уголовно-процессуальном законодательстве⁴. Статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁵ предусматривает, что задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Изобличение каждого совершившего преступление и ограждение невиновных от уголовной ответственности — неразрывно связанные задачи правосудия по уголовным делам. Их успешное решение зависит от содержания действующего процессуального законодательства, от его точного исполнения. Поэтому одним из направлений дальнейшего развития процессуального закона должно быть совершенствование эффективности процессуальных гарантий, исключающих привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновных лиц. Внимание к защите прав и законных интересов обвиняемых (подсудимых) в уголовном процессе нельзя расценивать как излишнюю заботу о преступнике. В юридической литературе уже неоднократно отмечалось, что идея «поменьше нянчиться с обвиняемыми», несмотря на ее распространенность, ничего общего не имеет с задачами уголовного судопроизводства и не может обеспечить успех в борьбе с преступностью⁶.

В уголовном судопроизводстве необходимо строго соблюдать законы, гарантирующие права и интересы личности, развивать и совершенствовать их. Это обусловливается тем, что в демократии, как писал К. Маркс, не человек существу-

³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 127, 157; т. 37, стр. 410; т. 45, стр. 104; т. 50, стр. 26, 209; т. 53, стр. 196.

⁴ См. об этом: Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве, Л., 1970.

⁵ В дальнейшем — Основы.

⁶ См.: Н. Щелоков, Строительство коммунизма и укрепление правопорядка, «Коммунист», 1972, № 8, стр. 60; А. Орлов, Мудрость закона, «Литературная газета», 7 июня 1972 г., стр. 13.

ет для закона, а закон существует для человека⁷, тем, что охрана прав и законных интересов личности является функцией социалистического государства.

Правовое положение личности в обществе — актуальная проблема для каждой отрасли социалистического права. В уголовном судопроизводстве она охватывает собой процессуальное положение личности в качестве любого участника процесса: обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетеля и т. д.

↓ Особое место в этой проблеме, несомненно, занимают вопросы взаимоотношений интересов обвиняемого и интересов правосудия.

↓ Законные интересы обвиняемого и интересы правосудия в основном едины и заключаются в справедливом наказании лица, виновного в совершении преступления, а также в том, чтобы ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Но между интересами подсудимого и правосудия возникают различные конфликтные ситуации, которые нуждаются в исследовании и решении их с точки зрения наиболее целесообразного сочетания личных и общественных интересов.

Процессуальное положение обвиняемого — проблема, к исследованию которой обращались многие авторы. Это вполне понятно, ибо нет, пожалуй, другого вопроса, который вбирал бы в себя такое множество различных аспектов уголовно-процессуальной теории и практики.

Вся уголовно-процессуальная деятельность, все действия ее субъектов связаны с обвиняемым — лицом, которому предъявлено обвинение в совершении преступления. Это обуславливает разносторонний, многоплановый характер исследований различных проблем, прямо или косвенно относящихся к обвиняемому, а также их неисчерпаемость. Несомненно, еще немало вопросов данной проблемы остаются недостаточно разработанными, а о процессуальном положении подсудимого у нас вообще нет ни одной специальной монографии.

Судебное разбирательство — центральная стадия уголовного судопроизводства, и правовое положение обвиняемого в этой стадии процесса во многом определяет его правовое положение во всем уголовном судопроизводстве.

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 252.

Актуальность исследования проблемы процессуального положения подсудимого и эффективности его участия в уголовном судопроизводстве обуславливается также наличием судебных ошибок, которые еще не так редки при осуществлении правосудия. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 7 июля 1971 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС» отметил, что до сих пор не изжиты случаи необоснованного осуждения граждан, и обратил внимание судей на то, что «необходимо неуклонно соблюдать процессуальные нормы, гарантирующие права участников судебного разбирательства, создавая все условия для их реального осуществления»⁸.

Предлагаемая вниманию читателя работа является продолжением исследований автора процессуального положения участников судебного разбирательства в советском уголовном процессе, проблемы личности в уголовном судопроизводстве⁹. Она не претендует на всесторонний анализ проблем, связанных с участием подсудимого в уголовном судопроизводстве; ее основное направление — исследование процессуальных прав и обязанностей подсудимого, взаимосвязи его интересов и интересов правосудия в решении задач уголовного судопроизводства.

В книге использованы данные, полученные автором при обобщении судебной практики ряда областей РСФСР, и материалы деятельности криминологической лаборатории юридического факультета Воронежского государственного университета.

⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 6, 7.

⁹ См.: Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971; он же, Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе, Воронеж, 1964; Л. Д. Кокорев, Г. Д. Побегайло, Адвокат — представитель потерпевшего в советском уголовном процессе, Воронеж, 1969.

**ПОДСУДИМЫЙ.
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ**

Процессуальные гарантии законности и обоснованности предания обвиняемого суду

Подсудимый — это лицо, которое в установленном законом порядке предано суду по обвинению в преступлении. Это один из основных участников судебного разбирательства, занимающий в нем центральное место, поскольку именно в связи с его действиями осуществляется уголовное судопроизводство, процессуальная деятельность всех других участников правосудия по уголовным делам.

В судебном заседании решаются вопросы о виновности или невиновности подсудимого, о применении или неприменении к нему наказания. Их решение существенно отражается на положении личности в обществе, на ее правах и законных интересах.

Защита и охрана прав и законных интересов личности обеспечивается прежде всего всем ходом судебного разбирательства, но немаловажную роль в этом играют и предшествующие ему стадии уголовного процесса.

Существенной гарантией в том, что без достаточных ос-

нований человек не окажется подсудимым, является определенный порядок предания обвиняемого суду¹.

К сожалению, анализ судебной практики показывает, что нередко еще человека предают суду без достаточных к тому оснований. Ошибки эти порой исправляются в ходе судебного разбирательства, а иногда и на более поздних стадиях судопроизводства. Оправдательные приговоры, прекращение уголовных дел в кассационных и надзорных инстанциях, изменение судами квалификации действий подсудимых свидетельствуют и об ошибках, допущенных при предании обвиняемых суду. Все это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования порядка предания суду.

В истории развития советского уголовного судопроизводства порядок предания суду неоднократно изменялся. В разные периоды предание суду осуществлялось то судом коллегиально, то судьей единолично, то несудебными органами. По действующему законодательству вопрос о предании суду решается единолично судьей, а в некоторых случаях (по делам о преступлениях несовершеннолетних, по делам о преступлениях, за которые может быть применена смертная казнь, а также в тех случаях, когда судья не согласен с выводами обвинительного заключения или считает необходимым изменить обвиняемому меру пресечения) коллегиально в распорядительном заседании суда (ст. 36 Основ).

Многолетняя практика предания суду единолично судьей выявила положительные моменты этого порядка предания суду в сравнении с действовавшим ранее.

Предание суду единолично судьей устранило излишние формальную и сложную процедуру предания суду коллегиально судом в тех случаях, когда в ней нет необходимости: когда обвинение не оспаривается ни обвиняемым, ни его защитником; когда и у судьи, познакомившегося с уголовным делом, не возникает каких-либо возражений против предъявленного обвинения. Рассматривать дело в распорядительном заседании суда при условии, если ни у одного из возможных его участников (судьи, народных заседателей, прокурора, об-

¹ Подробнее об этом см.: И. Д. Перлов, Предание суду в советском уголовном процессе, М., 1948; И. М. Гальперин, В. З. Лукашевич, Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву, М., 1965; В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду, Л., 1966.

виняемого, защитника) нет каких-либо спорных вопросов, нуждающихся в коллегиальном их обсуждении и решении, вряд ли целесообразно. Такое заседание всегда носило бы характер тягостной, формальной обязанности для суда. Поэтому не следует, вероятно, соглашаться с предложениями² вернуться к прежнему порядку предания суду коллегиальным судом по всем делам.

Однако предание суду единолично судьей имеет и свои отрицательные стороны. Они заключаются в том, что такой порядок предания суду дает возможность судье не считаться с мнением других участников уголовного судопроизводства при решении вопроса о достаточности оснований для предания обвиняемого суду.

По действующему законодательству при решении вопроса о предании обвиняемого суду судья или суд в распорядительном заседании обязаны рассмотреть имеющиеся ходатайства и вправе вызвать для дачи объяснений лиц, их заявивших (ст. 223 УПК РСФСР и аналогичные статьи УПК других союзных республик³). Но решение всех этих вопросов зависит от усмотрения одного судьи. Он один решает, удовлетворить или отклонить ходатайство, назначить или не назначать распорядительное заседание. Разумеется, судья, как правило, уверен в правильности своего единоличного решения, но и ему свойственно ошибаться.

Судебная практика свидетельствует о том, что иногда судьи оставляют без рассмотрения в стадии предания суду заявленные ходатайства и переносят их обсуждение в судебное заседание. А бывают случаи, когда подсудимые, защитники и другие участники процесса заявляют такие ходатайства, которые судья не вправе решать единолично: об изменении квалификации преступления, меры пресечения, прекращения дела и т. д. Признавая эти и подобные им ходатайства необоснованными, судья вынужден обходить их молчанием, так как принять по ним решение он не имеет права, а для внесения дела в распорядительное заседание не видит оснований. Судья принимает решение по этим ходатайствам, но процессуально никак его не оформляет. Все это отрицатель-

² См., например: С. Раджабов, Спорные вопросы предания суду, «Социалистическая законность», 1967, №3, стр. 36.

³ В дальнейшем при ссылке на УПК имеются в виду УПК РСФСР и аналогичные статьи УПК других союзных республик.

но отражается на законности и обоснованности решений о предании обвиняемых суду.

В литературе высказывались сомнения по поводу необходимости расширения оснований для внесения дел на рассмотрение распорядительного заседания⁴. Однако судебная практика и законодательство пошли по другому пути. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. внес изменения в ст. 36 Основ, расширив основания для проведения распорядительных заседаний суда. На необходимость повысить значение и роль распорядительных заседаний в целях более тщательной подготовки дел к рассмотрению в судебных заседаниях обращает внимание судов Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 6 октября 1970 г. «О задачах судебных органов по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов»⁵.

В литературе высказаны различные соображения о расширении оснований для рассмотрения вопроса о предании суду в распорядительном заседании⁶. В частности, предлагается расширить перечень категорий дел, подлежащих рассмотрению в распорядительном заседании, или ввести коллегиальную форму предания суду по всем делам. Но вряд ли это, как уже отмечалось, приведет к существенному улучшению порядка предания суду. И все же расширение оснований для коллегиального порядка предания суду необходимо. Одно из соображений в пользу этого заключается в следующем. Коллегиальный порядок предания суду, несомненно, всегда будет оправдан, если по делу, поступившему в суд, свое несогласие с выводами обвинительного заключения выразит кто-либо из таких участников процесса, как обвиняемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а не только судья, как это сейчас предусмотрено законом.

⁴ См.: В. Пантелеев, Спорные вопросы предания суду, «Социалистическая законность», 1967, № 3, стр. 37.

⁵ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 12.

⁶ См.: В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 144; М. М. Выдря, Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанций, автореф. докт. дисс., М., 1967, стр. 12; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 187—188; Г. Анашкин, Суд народный, «Литературная газета», 19 января 1972 г., стр. 12.

Во всех этих случаях, когда не только у судьи, но и у других участников уголовного судопроизводства возникают сомнения в обоснованности тех или иных выводов обвинительного заключения, они должны быть тщательно проверены, и лучшей гарантией этому, разумеется, является коллегиальное их обсуждение.

В стадии предания суду участники процесса могут заявить различные ходатайства. Проводить распорядительные заседания по каждому из них нет необходимости, так как некоторые из них могут быть удовлетворены судьей единолично. В тех же случаях, когда судья не вправе единолично разрешить ходатайство, обсуждение этого ходатайства и решение вопроса о предании суду лучше вынести на рассмотрение распорядительного заседания суда. Так же следовало бы поступать и тогда, когда заявлено ходатайство, разрешение которого относится к единоличной компетенции судьи, однако судья находит это ходатайство необоснованным. Таким образом, судья будет ограничен возможностью лишь удовлетворить, а не отклонять ходатайства.

Уголовно-процессуальный закон следовало бы дополнить, предусмотрев в нем, что предание суду решается в распорядительном заседании суда и в тех случаях,

а) когда обвиняемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители заявили ходатайства, рассмотрение которых не относится к единоличной компетенции судьи;

б) когда судья считает необходимым отклонить ходатайства, заявленные участниками процесса до решения вопроса о предании суду.

Надо полагать, внесение такого дополнения в закон явилось бы дополнительной гарантией прав и законных интересов обвиняемых, содействовало бы более обоснованному решению вопроса о предании суду.

Данные рекомендации не противоречат действующему законодательству, поэтому в указанных случаях можно было бы и сейчас проводить распорядительные заседания суда и коллегиально решать вопрос о предании суду. Отклоняя заявленное в стадии предания суду ходатайство или перенося его рассмотрение в судебное заседание, судья нередко на практике допускает ошибку. Судье не следует переоценивать свое убеждение в правильности принятого им единолично ре-

шения по тем или иным вопросам, возникшим в стадии предания суду, и тем более, когда по этим вопросам есть иные мнения других участников процесса. Коллегиальное обсуждение и решение этих вопросов, несомненно, лучшая гарантия законности и обоснованности предания суду, гарантия того, что без достаточных оснований человек не окажется подсудимым.

Определенной гарантией в этом отношении является и степень активности обвиняемого, его защитника в стадии предания суду.

По действующему порядку обвиняемый, а точнее, уже подсудимый и его защитник знакомятся с обвинительным заключением только после предания суду. Они, как правило, в стадии предания суду даже не знают, когда и какой суд будет решать вопрос о предании суду. Поэтому есть необходимость установить такие процессуальные правила, которые содействовали бы максимальной процессуальной активности обвиняемого и его защитника при решении вопроса о предании обвиняемого суду. Такого рода предложения неоднократно высказывались в юридической литературе⁷.

Обвиняемый и его защитник смогут реально и активно влиять на решение вопросов в стадии предания суду, если их участие в этой стадии будет зависеть от них самих, а не от усмотрения судьи. В связи с этим следовало бы прежде всего изменить порядок вручения обвиняемому копии обвинительного заключения и извещения его о направлении дела в суд. Вручать обвинительное заключение обвиняемому должен не суд, как это имеет место сейчас, а прокурор или по его поручению следователь. Такой порядок больше соответствовал бы характеру деятельности прокурора, осуществляющего обвинение, и не создавал бы впечатления, что обвинение исходит от суда. При таком порядке обвиняемый и его защитник, получив обвинительное заключение задолго до предания суду, могли бы эффективнее реализовать право на защиту именно в этой стадии процесса.

В настоящее время никто не разъясняет обвиняемому его прав в стадии предания суду. В законе целесообразно бы было указать и на то, что прокурор или следователь по его

⁷ См.: М. М. Гродзинский, Начало состязательности в стадии предания суду, «Советская юстиция», 1939, № 9; И. Д. Перлов, Предание суду в советском уголовном процессе, М., 1948, стр. 173; В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 124—146.

поручению одновременно с копией обвинительного заключения вручали бы обвиняемому и бланк с перечнем тех прав, которыми он пользуется в стадии предания суду, в частности его право заявлять ходатайства перед судом (судьей), присутствовать при решении вопроса о предании его суду и давать свои объяснения. Кроме того, в законе следовало бы предусмотреть обязательное извещение обвиняемого и его защитника о том, какой суд, где и когда будет рассматривать вопрос о предании обвиняемого суду.

Иногда обвиняемые обращаются за юридической помощью к адвокатам после окончания предварительного следствия, но еще до решения вопроса о предании их суду. Не ознакомившись с материалами уголовного дела, адвокат не может оказать обвиняемому квалифицированную юридическую помощь. Поэтому защитнику необходимо предоставить право знакомиться с материалами дела в стадии предания суду, если он не участвовал в предварительном расследовании по делу. На практике судьи иногда так и поступают. То, что они разрешают защитнику ознакомиться с материалами уголовного дела до, а не после предания обвиняемого суду, вряд ли следует расценивать как отступление от требования ст. 236 УПК.

В юридической литературе было высказано мнение о необходимости в целях расширения состязательных начал уголовного судопроизводства предоставить адвокату право излагать свои возражения против обвинительного заключения в так называемом защитительном заключении⁸.

Обязанность адвокатов представлять такое заключение в суд к моменту решения вопроса о предании обвиняемого суду, несомненно, повлияла бы на повышение их роли в данной стадии уголовного процесса. По действующему законодательству адвокат может в стадии предания суду оспаривать обвинение, используя свое право заявлять те или иные ходатайства, но, как свидетельствует практика, адвокаты редко прибегают к этому. Поэтому возложение на них обязанности представлять в суд защитительное заключение, когда они не согласны с выводами обвинительного заключения, явилось

⁸ См.: А Попов, Наше предложение, «Социалистическая законность», 1968, № 3, стр. 55; Слово предоставляется адвокату, «Литературная газета», 5 августа 1970 г., стр. 11.

бы дополнительной гарантией законности и обоснованности предания обвиняемого суду.

Рассматривая проблему гарантий от необоснованного предания человека суду, вероятно, следует иметь в виду, что они прежде всего зависят от правильного решения проблемы «достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании». Ст. 36 Основ предусматривает, что судья (суд) при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предрешая вопроса о виновности, принимает решение о предании обвиняемого суду. В юридической литературе имеются различные точки зрения по вопросу о том, что следует понимать под достаточными основаниями для предания обвиняемого суду. Причем очень распространено мнение, что «суд в стадии предания суду не имеет права касаться вопроса о доказанности или недоказанности преступления»⁹, что «вопрос о виновности в стадии предания суду не ставится»¹⁰, что «в данной стадии процесса судьи не могут делать никакие, в том числе и предварительные, выводы о доказанности обвинения, о виновности обвиняемого в совершении инкриминируемого преступного деяния»¹¹. Подобные суждения обосновываются положениями закона о том, что суд в стадии предания суду не должен предрешать вопрос о виновности (ст. 36 Основ), что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда.

Утверждения о том, что в стадии предания суду не обсуждается вопрос о виновности обвиняемого, совершенно не вытекает из этих и каких-либо иных положений закона. Закон запрещает предрешать вопрос о виновности, когда суд (судья)

⁹ Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 278.

¹⁰ Уголовный процесс, под ред. М. С. Чельцова, М., 1969, стр. 279.

¹¹ Ф. Н. Фаткуллин, Изменение обвинения, М., 1971, стр. 87; см. также: В. Майсурадзе, Г. Мосесян, Стадия предания суду. Спорные вопросы, ошибки, «Социалистическая законность», 1968, № 9, стр. 30; Г. П. Саркисянц, Защитник в уголовном процессе, Ташкент, 1971, стр. 86; В. Анпилогова, И. Малхазов, В. Назаров, Предание суду — важная стадия уголовного процесса, «Советская юстиция», 1971, № 24, стр. 6.

принимает решение о предании обвиняемого суду. Но это совсем не означает, что суд не вправе касаться вопроса о доказанности обвинения в стадии предания суду, что вопрос о виновности в этой стадии вообще не ставится.

В стадии предания суду суд может и должен прекратить дело при наличии к тому оснований, предусмотренных в законе (ст. 234 УПК). Так, суд обязан прекратить дело за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления, за истечением сроков давности, вследствие акта амнистии, в отношении лица, не достигшего возраста, с которого возможна уголовная ответственность (ст. 5 УПК). Дело должно быть прекращено в стадии предания суду, если к этому моменту вследствие изменения обстановки совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным (ст. 6 УПК). Закон допускает прекращение в стадии предания суду уголовного дела с передачей виновного на поруки (ст. 9 УПК). В этой стадии дело может быть прекращено и при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (п. 2 ст. 208 УПК).

Принять решение о прекращении дела по любому из этих оснований просто невозможно, не обсудив вопроса о виновности, о доказанности или недоказанности обвинения.

Прекращая уголовное дело, суд в одних случаях исходит из недоказанности обвинения, в других — из факта установления вины обвиняемого.

Право и обязанность суда как в тех, так и в других случаях прекратить дело в стадии предания суду необходимо рассматривать прежде всего как гарантию охраны прав и законных интересов личности.

Особой гарантией прав человека является возможность прекращения дела в стадии предания суду по основаниям, полностью реабилитирующим обвиняемого, в том числе по такому основанию, как недоказанность обвинения. Поэтому никак нельзя согласиться с авторами, которые полагают, что в стадии предания суду недопустимо прекращать дела по мотивам недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, поскольку это якобы прерогатива судебного

разбирательства¹². Если в материалах уголовного дела нет никаких доказательств обвинения или их явно недостаточно, то, как правильно замечает М. С. Строгович, снять обвинение, признать его недоказанным, прекратить дело является обязанностью следователя, прокурора, и если они это не сделали, то обязан сделать суд в стадии предания суду¹³.

Прекращение дела в стадии предания суду по основаниям, не реабилитирующим обвиняемого (ст. ст. 6—9 УПК), необходимо также рассматривать как гарантию против необоснованного предания суду, осуждения и применения уголовного наказания. Но при этом возникает проблема гарантий от необоснованного вывода суда в стадии предания суду о виновности обвиняемого. Одной из таких гарантий должно быть право обвиняемого возражать против прекращения в отношении его дела по нереабилитирующим основаниям и требовать рассмотрения дела в судебном заседании¹⁴.

Однако то, что суд в стадии предания суду должен обсуждать вопрос о доказанности обвинения и принимать в связи с этим решения, в частности о прекращении дела, если, например, обвинение не доказано (п. 2 ст. 208 УПК) или вина обвиняемого установлена (ст. 9 УПК), вовсе не означает, что суд на этой стадии процесса может признать обвиняемого виновным в том смысле, который вкладывается в это понятие ст. 7 Основ уголовного судопроизводства. Признать обвиняемого виновным — это значит принять решение, которое имеет общеобязательное значение; сделать это может только суд в своем приговоре¹⁵. Решения суда в стадии предания суду не могут иметь такого значения. Вместе с тем возможность и в данной стадии обсуждать вопрос о виновности является необходимой гарантией в том, что без достаточных оснований обвиняемый не станет подсудимым.

¹² См., например: С. Новиков, Стадия предания суду и ее значение, «Советское государство и право», 1966, № 1, стр. 152; С. Раджабов, Спорные вопросы предания суду, «Социалистическая законность», 1967, № 3, стр. 36—37.

¹³ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 217.

¹⁴ См.: В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 106.

¹⁵ См. об этом: М. С. Строгович, Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 53—56.

445663

Таким образом, достаточные основания для предания обвиняемого суду необходимо рассматривать прежде всего как отсутствие указанных в законе обстоятельств для прекращения уголовного дела.

Обвиняемый может быть предан суду и стать подсудимым, если предварительное расследование было проведено в полном соответствии с требованиями процессуального закона, если при расследовании уголовного дела не были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. В противном случае предание суду состояться не может, а дело подлежит возвращению для дополнительного расследования. Законом предусмотрены и иные обстоятельства, требующие возвращения уголовного дела органам предварительного расследования (ст. 232 УПК). Наличие их делает невозможным предание обвиняемого суду.

Отсутствие оснований для прекращения уголовного дела или возвращения его для дополнительного расследования в то же время свидетельствует о наличии оснований для предания обвиняемого суду. Но вряд ли следует сводить лишь к этому проблему достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании. Достаточными основаниями для предания обвиняемого суду могут быть лишь сведения о фактических данных — доказательства, которые положены в обоснование обвинения.

В настоящее время в юридической литературе, видимо, никем уже не оспаривается право суда оценивать доказательства при решении вопроса о предании суду. Наверное, общепринятым является и мнение, что особенность оценки доказательств в стадии предания суду заключается в том, что суд (судья) не может на этой стадии процесса оценивать доказательства с точки зрения их достоверности, поскольку он лишен возможности проверить их достоверность.

По вопросу же о том, какие на основании этой оценки доказательств суд (судья) должен сделать выводы, к какому убеждению должны прийти судьи, решая вопрос о предании обвиняемого суду, в юридической литературе высказаны различные и не всегда определенные суждения. Так В. В. Лукашевич считает, что у судей «складывается не внутреннее убеждение в доказанности обвинения и виновности обвиняемого, а внутреннее убеждение в законности и обоснованности обвинения и в достаточности доказательств для рассмотрения

уголовного дела в судебном разбирательстве»¹⁶. Но в чем состоит отличие первого убеждения от второго, скажем, «убеждения в доказанности обвинения» от «убеждения в законности и обоснованности обвинения»? Уловить эти различия теоретически, а тем более на практике очень трудно и, наверное, невозможно. Обосновать обвинение — это значит доказать его правильность. Быть уверенным в обоснованности обвинения — это значит и быть убежденным в виновности обвиняемого, но такое убеждение не может возникнуть у судей в стадии предания суду, так как они на этой стадии не проверяют и не оценивают достоверность доказательств. В чем же в таком случае должны быть убеждены судьи, предавая обвиняемого суду? Они должны быть убеждены в том, что доказательства, имеющиеся в материалах дела, при проверке и подтверждении их достоверности в судебном заседании могут повлечь осуждение подсудимого по тому обвинению, по которому он предается суду¹⁷.

Я. О. Мотовиловкер, расценивая такой вывод как предположение вопроса о виновности обвиняемого, полагает, что достаточным основанием для предания обвиняемого суду является «вывод, что собранные доказательства с учетом специфики и условий деятельности суда (судьи) в данной стадии процесса не убеждают в том, что, если даже они найдут подтверждение в судебном заседании, будет вынесен оправдательный приговор»¹⁸. Верно, что, предавая обвиняемого суду, судьи не убеждены в том, что в судебном заседании будет вынесен оправдательный приговор. Но разве это не означает, что в таком случае они допускают возможность вынесения обвинительного приговора? Представляется искусственной попытка автора заставить судей думать при предании обвиняемого суду лишь о том, что они не убеждены в возможности оправдания подсудимого, и не думать о возможности его осуждения, так как последнее якобы будет означать предположение вопроса о виновности подсудимого.

Оценивая доказательства и находя их достаточными для

¹⁶ В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 64—65.

¹⁷ См.: В. Майсурадзе, Г. Мосесян, Стадия предания суду. Спорные вопросы, ошибки, «Социалистическая законность», 1968, № 9, стр. 81.

¹⁸ Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, Томск, 1971, стр. 159.

предания обвиняемого суду, судьи, разумеется, не приходят к выводу, что осуждение подсудимого теперь стало неизбежным, если в судебном разбирательстве подтвердится достоверность доказательств, имеющих в деле, но несомненно, что их вывод о предании суду вытекает из убеждения о возможности осуждения подсудимого. Если у судьи не сложилось такое убеждение, то, следовательно, у него нет ни правовых, ни моральных оснований для предания человека суду. Не означает ли это предрешение в стадии предания суду вопроса о виновности? Нет, не означает. Судья, допуская возможность осуждения подсудимого, понимает, что это еще не убеждение в виновности или обоснованности обвинения, которое может сложиться только в ходе проверки и оценки достоверности доказательств в условиях состязательности, непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства.

Можно следующим образом представить себе рассуждения судьи, принимающего решение о предании обвиняемого суду: «Если факты, содержащиеся в материалах уголовного дела, имели место в действительности, то подсудимый может быть признан виновным в том, в чем его обвиняют. Но имели ли они место в действительности? Достоверны ли в материалах уголовного дела сведения об этих фактах? Это предстоит еще проверить». Именно в этом смысл того, что, предавая суду, судья не предрешает вопроса о виновности подсудимого. Судья должен ясно представлять себе, что дело даже не в том, что закон запрещает ему в стадии предания суду предрешать вопрос о виновности подсудимого, а в том, что он не в состоянии, не может это сделать с учетом тех условий, в которых осуществляется предание суду. Именно непонимание того, что без проверки достоверности доказательств невозможно, предавая обвиняемого суду, одновременно решить вопрос и о его виновности, приводит к ошибкам на практике, к тому, что порой уже в стадии предания суду предрешается вопрос о виновности подсудимого.

Отмечая серьезные недостатки судебной практики, связанные с решением вопроса о предании обвиняемых суду, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» потребовал «устранить из судебной практики случаи невнимательного, механического подхода к

решению вопросов, связанных с преданием суду и назначением дел к рассмотрению в судебных заседаниях. Тщательно проверять и убеждаться в надлежащей полноте предварительного следствия, обоснованности и правильности предъявленного обвинения и его квалификации»¹⁹. Разумеется, требование убеждаться при предании суду в обоснованности обвинения не означает необходимости убеждаться в виновности обвиняемого. Верховный Суд неоднократно указывал на это²⁰.

В то же время Верховный Суд СССР обращает внимание на обязательность обоснованного решения вопроса о достаточности оснований для рассмотрения дела в судебном разбирательстве, как определенной гарантии законности в правосудии.

Предание суду является существенной гарантией обеспечения интересов правосудия и личности в уголовном судопроизводстве. Для лиц, привлеченных в качестве обвиняемых, эта стадия процесса представляет собой определенную гарантию в том, что без достаточных оснований они не будут поставлены в положение подсудимых, не будут преданы суду.

Всесторонне анализируя значение стадии предания суду, Я. О. Мотовиловкер²¹ вместе с тем приходит к выводу, с которым никак нельзя согласиться и который не соответствует его предшествующим суждениям о важности предания суду как гарантии прав обвиняемого. Так, он пишет: «Если вынесенный обвинительный приговор является обоснованным, то кассационная инстанция не должна, по нашему мнению, отменить приговор только потому, что в деле отсутствует акт предания суду. При указанных условиях нарушение формы судопроизводства не могло бы быть признано существенным в понимании ст. 345 УПК РСФСР. Кроме того, само собой разумеющимся является в уголовном процессе правило, согласно которому бесцельных действий производить не следует»²². Последнее верно, но отмена приговора по делу, в ко-

¹⁹ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970», М., 1970, стр. 259.

²⁰ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 2, стр. 47—48; «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг.», М., 1964, стр. 190—191.

²¹ См.: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 151 и сл.

²² Там же, стр. 166.

тором нет акта предания суду, — не бесцельное действие. Оно направлено на обеспечение законности в уголовном судопроизводстве.

Если в деле отсутствует акт предания суду, то это означает, что дело не рассматривалось в данной стадии процесса, а осудили человека, который не был подсудимым, не был предан суду. Такое существенное нарушение прав и законных интересов личности непременно должно повлечь за собой отмену приговора.

Судебному разбирательству по любому уголовному делу должна предшествовать такая стадия уголовного процесса, как предание суду, и если в деле нет акта предания суду, то это объясняется, конечно, не тем, что соответствующий судебный документ забыли положить в дело или потеряли его, а тем, что предание суду по делу не проводилось.

Верховный Суд РСФСР в одном из своих определений указал: «Отсутствие в деле судебного документа, которым должен быть решен вопрос о предании суду... свидетельствует о том, что не выполнено требование закона о проведении такой стадии уголовного процесса, в которой проверяется объективность и полнота проведенного расследования и проводится подготовка к всестороннему исследованию дела в судебном заседании. Поэтому невыполнение требований ст. 221 УПК о предании обвиняемых суду является существенным нарушением уголовно-процессуального закона»²³. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР отменила приговор народного суда, допустившего такое нарушение, и передала дело на новое рассмотрение со стадии предания суду.

В отношении лиц, не преданных суду, судебное разбирательство проводиться не может. Непременное соблюдение этого правила является гарантией прав и законных интересов личности.

*Пределы судебного
разбирательства как гарантия
прав подсудимого*

Правовое, процессуальное положение подсудимого в уголовном судопроизводстве определяется прежде всего той совокупностью конкретных процессуальных прав и обязанно-

²³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 11, стр. 12.

стей, которыми его наделил закон, но оно во многом зависит и от решения некоторых общих процессуальных проблем. К их числу следует отнести пределы обвинения подсудимого в суде, пределы судебного разбирательства.

Пределы судебного разбирательства, установленные законом, служат определенной гарантией прав и законных интересов подсудимого, в частности его права на защиту. Они указывают, насколько возможно публичное вторжение в поступки лица, судебное разбирательство его действий, заключающихся в совершенном преступлении.

Прежде чем состоится гласное судебное разбирательство по обвинению человека в совершенном им преступлении, ему должно быть предъявлено конкретное обвинение, он должен быть предан суду по обвинению в этом преступлении. Причем судебное разбирательство возможно только в отношении подсудимых, т. е. лиц, преданных суду, и лишь по тому обвинению, по которому они были преданы суду (ст. 42 Основ). Суд не может осуществлять судебное разбирательство, не может постановить приговор в отношении лиц, которые не были преданы суду. Не может суд и постановить приговор, осудить человека за преступление, обвинение в котором ему не предъявлено и по которому он не был предан суду.

Суды иногда выходят за предусмотренные законом пределы судебного разбирательства, нарушая тем самым права и законные интересы подсудимых. Отмечая это как недостаток судебной деятельности, Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно подчеркивали, что рассмотрение дела в судебном заседании производится лишь в отношении лиц, преданных суду, и лишь в отношении предъявленного им обвинения²⁴.

Для правового положения подсудимого характерно то, что обвинение, по которому он был предан суду, не может быть изменено самим судом в судебном заседании, если этим ухудшается положение подсудимого. Для такого изменения обвинения установлен особый процессуальный порядок, в большей степени гарантирующий права и законные интересы обвиняемого. Дело должно быть направлено судом для до-

²⁴ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969 гг.)», М., 1971, стр. 320—322; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 2, стр. 27—28; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 12, стр. 8—9.

полнительного предварительного расследования и предъявления обвиняемому нового обвинения.

Непосредственно в судебном разбирательстве суд может изменить обвинение при соблюдении двух условий: если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ст. 254 УПК). Этим общим условиям должно соответствовать любое решение суда об изменении обвинения. Являясь именно общими условиями, они несколько конкретизированы в законе. Так, ст. 254 УПК предусматривает, что в суде не допускается изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду²⁵. Однако следует заметить, что эти два последних критерия, т. е. тяжесть обвинения и его существенное отличие по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду, не исчерпывают собой всех возможных частных случаев, при которых недопустимо изменение обвинения в суде, так как оно повлечет за собой ухудшение положения подсудимого и нарушение его права на защиту.

В связи с этим нельзя согласиться с И. Д. Перловым, который писал: «В тех случаях, когда тем же фактическим обстоятельствам дела дается иная юридическая оценка и преступление квалифицируется по закону, не предусматривающему более тяжкой меры наказания... дело может быть рассмотрено в данном судебном заседании. Это не ограничивает права подсудимого на защиту»²⁶. Иногда в судебном разбирательстве фактические обстоятельства дела полностью подтверждаются, но меняется их юридическая оценка, квалификация преступления. Если такое изменение (например, с ч. II ст. 117 УК РСФСР на ч. I ст. 117 УК РСФСР) является несущественным, то оно не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту. Но иное дело, когда новая юридическая оценка существенно отличается от прежней; например, при тех же фактических обстоятельствах действия подсудимого необходимо квалифицировать по ст. 113 УК

²⁵ Подробнее об условиях изменения обвинения судом см.: И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 238—262; Ф. Н. Фаткуллин, указ. соч., стр. 172—289.

²⁶ И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, стр. 244.

РСФСР, а не по ст. 117 УК РСФСР или по ст. 206 УК РСФСР, а не по ст. 146 УК РСФСР. Подобные изменения, надо полагать, недопустимы. Несмотря на то что новое обвинение в данном случае не является более тяжким и не отличается по фактическим обстоятельствам от первоначального, однако существенно изменилась юридическая оценка действий подсудимого, которые первоначально, в стадии предания суду были неправильно квалифицированы, и это влечет за собой существенное изменение обвинения. Последнее же нарушает право подсудимого на защиту. Несмотря на то что фактические обстоятельства преступления не меняются, подсудимый оказывается в затруднительном положении. Он не готов заранее к защите от обвинения, которое существенно отличается от предъявленного ему, и, разумеется, поэтому не может осуществлять ее в полной мере.

Уточнение в УПК, что невозможно изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального не только по фактическим обстоятельствам, но и по юридической квалификации действий обвиняемого, в большей степени соответствовало бы общему предписанию закона, допускающему изменение обвинения в суде, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Положение подсудимого в судебном разбирательстве определяется, как уже отмечалось, тем, что он не может быть осужден за преступление, по которому ему не предъявлено обвинение и по которому он не предан суду. Если в судебном разбирательстве будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение подсудимым преступления, по которому обвинение ему ранее предъявлено не было, суд возбуждает дело по новому обвинению (ст. 255 УПК). Но в том же судебном разбирательстве это новое обвинение рассмотрению не подлежит. Суд направляет необходимые материалы для производства предварительного расследования в общем порядке. Рассмотрение же дела, по которому подсудимый был предан суду, как правило, не приостанавливается. Лишь в случае, когда новое обвинение связано с первоначальным и раздельное их рассмотрение не представляется возможным, все дело подлежит направлению для производства дополнительно-го предварительного расследования (ст. 255 УПК).

Объединение дел по новому и первоначальному обвине-

нию в одно дело, в одно производство желательно не только в указанном случае, но и в некоторых других.

Задачам правосудия и законным интересам подсудимого, в частности необходимости в каждом случае, по каждому делу всесторонне выяснять данные о личности подсудимого, больше отвечало бы одновременное рассмотрение в одном производстве всех дел по обвинению лица в различных преступлениях. Кроме того, объединение дел по новому и первоначальному обвинению и рассмотрение их в одном производстве исключило бы необходимость проведения несколько судебных разбирательств с участием одних и тех же лиц.

В решении данного вопроса требуется учесть и следующее. Если суд в ходе судебного разбирательства выносит определение о возбуждении против подсудимого уголовного дела по новому обвинению, то вряд ли продолжение рассмотрения основного дела тем же судом будет в дальнейшем совершенно объективным. Суд, возбудив против подсудимого дело по новому обвинению, в определенном смысле связывает себя этим обвинением. Он становится, хотя и по другому делу, как бы обвинителем подсудимого. С точки зрения психологии это не может не повлиять на отношение суда к подсудимому. Как бы суд ни старался остаться на объективных позициях, ему не всегда это удастся, но еще меньше ему удастся быть объективным в представлении других лиц, других участников процесса.

Все это убеждает в необходимости внести некоторые изменения в ст. 255 УПК, предусмотрев в ней следующее:

а) Если суд в ходе судебного разбирательства примет решение о возбуждении против подсудимого уголовного дела по новому обвинению, то разбирательство дела должно быть отложено и поручено суду в ином составе судей.

б) Если суд признает целесообразным рассмотрение дел по новому и первоначальному обвинению объединить в одно производство, то он вправе приостановить рассмотрение дела до окончания расследования дела по новому обвинению.

в) В тех же случаях, когда новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам связано с первоначальным обвинением, суд должен направить все дело для производства дополнительного расследования.

С правовым положением подсудимого и пределами судебного разбирательства связан еще один дискуссионный во-

прос. Если прокурор, утверждая обвинительное заключение, изменил обвинение, квалификацию преступления и применил закон о менее тяжком преступлении, то вправе ли суд, принимая решение о предании обвиняемого суду, восстановить то обвинение, ту квалификацию преступления, которые первоначально содержались в обвинительном заключении? В юридической литературе это право суда и обосновывается²⁷ и оспаривается²⁸.

Прежде всего, никак нельзя согласиться с тем, что это право суда вытекает из действующего законодательства. В. З. Лукашевич пишет: «...ст. 36 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. устанавливает предел изменения обвинения в распорядительном заседании, но ничего не говорит о том, что для отмены постановления прокурора об изменении обвинения при утверждении обвинительного заключения необходимо направить уголовное дело на дополнительное расследование»²⁹. Такое толкование ст. 36 Основ не соответствует ее содержанию. В указанной статье предусмотрено, какие изменения в обвинительное заключение может вносить суд в случае предания обвиняемого суду: он может исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении. И никаких других изменений в обвинительное заключение суд вносить не вправе. Обвинительное заключение приобретает для суда значение процессуального акта только после утверждения его прокурором. И дело совсем не в том, что в ст. 36 Основ не говорится о необходимости направления уголовного дела на дополнительное расследование для отмены решения прокурора об изменении обвинения на менее тяжкое, а в том, что Основы не допускают при предании суду изменения обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, на более тяжкое. Это находится в полном соответствии с решени-

²⁷ См.: В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 75—78; В. Майсурадзе, Г. Мосесян, Стадия предания суду. Спорные вопросы, ошибки, «Социалистическая законность», 1968, № 9, стр. 32; М. И. Бажанов, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, М., 1954, стр. 23.

²⁸ См.: Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, стр. 283; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 204—206; В. И. Басков, Прокурор в суде первой инстанции, М., 1968, стр. 60—61; Ф. Н. Фаткуллин, указ. соч., стр. 93—97.

²⁹ В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 76.

ем аналогичных вопросов в других стадиях уголовного процесса.

Так, если прокурор сочтет нужным восстановить первоначальное обвинение, предъявленное обвиняемому, которое является более тяжким в сравнении с предъявленным позже, то он должен вернуть дело органу дознания или следователю (ст. 215 УПК). Не вправе и суд в судебном разбирательстве восстановить первоначальное обвинение по обвинительному заключению, если оно было изменено в стадии передачи суду на менее тяжкое (ст. ст. 232, 254, 258). Не вправе принимать аналогичные решения кассационные и надзорные инстанции (ст. ст. 340, 350, 380 УПК). Такое единство в решении данного вопроса — правило не ухудшать при изменении обвинения положения обвиняемого (подсудимого, осужденного) — является определенной гарантией права обвиняемого на защиту. Действующее законодательство предельно ясно в данном вопросе; оно не допускает, в частности, и в стадии передачи суду восстановление первоначального обвинения по обвинительному заключению, если оно было изменено прокурором на менее тяжкое при утверждении им обвинительного заключения.

Как же должен поступить суд, если, по его мнению, прокурор допустил ошибку, изменив обвинение на менее тяжкое, когда утверждал обвинительное заключение? Согласно п. 3 ст. 232 УПК суд направляет дело прокурору для дополнительного расследования. Эта норма, как видно, не отражает всей специфики данного случая, при котором изменение обвинения на более тяжкое не будет связано с необходимостью в дополнительном предварительном расследовании; следует всего лишь исправить ошибку, допущенную прокурором, и восстановить то более тяжкое обвинение, которое уже было предъявлено обвиняемому. Ф. Н. Фаткуллин предлагает направлять дело прокурору, который должен исправить свою ошибку, составить новое обвинительное заключение и снова направить дело в суд для передачи обвиняемому суду³⁰. Ну а как быть, если прокурор свое решение об изменении обвинения не менее тяжкое не считает ошибкой и не намерен ничего исправлять? Вероятно, в подобных случаях суду целесообразнее своим определением направлять дело вышестоящему

³⁰ См.: Ф. Н. Фаткуллин, указ. соч., стр. 96—97.

прокурору для решения соответствующего вопроса. Это право суда следовало бы закрепить в законе.

Почти аналогичная ситуация возникает и в том случае, когда в судебном заседании суд приходит к выводу, что прокурор, утверждая обвинительное заключение, или суд в стадии предания суду допустили ошибку, изменив предъявленное обвиняемому обвинение на менее тяжкое. Точно соблюдая закон (ст. 258 УПК), суд должен направить дело для производства дополнительного расследования. Но в данном случае в нем нет необходимости. Ф. Н. Фаткуллин полагает, что дело «должно быть направлено тому органу, который на соответствующем этапе процесса необоснованно изменил обвинение, правильно сформулированное на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства. Исправив свою ошибку, этот орган должен дать дальнейший ход данному делу в общем порядке»³¹. Рекомендация эта не соответствует действующему законодательству, согласно которому суд первой инстанции не может отменять определение о предании суду и повторно решать этот вопрос. В целях сохранения необходимой стабильности судебных решений, очевидно, нет смысла наделять суд этим правом. Поэтому в тех случаях, когда в судебном разбирательстве суд приходит к выводу, что определение распорядительного заседания об изменении обвинения было вынесено ошибочно и следует восстановить обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, суду следует отложить рассмотрение дела и направить его председателю вышестоящего суда для решения вопроса об опротестовании в порядке надзора определения распорядительного заседания.

Право суда первой инстанции восстановить в судебном разбирательстве обвинение в более тяжком преступлении не вытекает из действующего законодательства, и о нем можно говорить лишь в порядке предложения по совершенствованию законодательства. Однако аргументы³², высказанные в пользу этого предложения, неубедительны. Утверждают, что в данном случае право обвиняемого на защиту не нарушается, так как он предается суду по обвинению в том преступлении, за которое он привлекался к уголовной ответственности в стадии предварительного расследования, а об изменении обвинения прокурором даже не знает.

³¹ См. там же, стр. 112.

³² См.: В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 75—76.

Обвиняемый на каждой стадии процесса, в том числе и при решении вопроса о предании его суду, защищается от того обвинения, которое сформулировано против него именно в данной стадии процесса, на данный момент. И право на защиту может быть реально обеспечено лишь в случае, если обвинение конкретно и четко сформулировано, известно обвиняемому и он имеет возможность давать свои объяснения по предъявленному обвинению, оспаривать его. По существующему положению обвиняемый действительно может не знать, что прокурор, утверждая обвинительное заключение, изменил обвинение, применив закон о менее тяжком преступлении. Но вряд ли это следует использовать как аргумент в обоснование права суда восстановить прежнее обвинение, применив закон о более тяжком преступлении. Тот факт, что обвиняемый не знает об изменении в отношении его обвинения, и основанное на этом последующее решение суда, несомненно, нарушают его право на защиту. С тем, чтобы это право в большей степени гарантировать, обвиняемому следует сообщать о решении, которое принял прокурор, утверждая обвинительное заключение, и обеспечить ему возможность принимать участие в решении вопроса о предании его суду. Но если обвиняемого и не информировать своевременно об изменении обвинения прокурором, то он все равно позже узнает об этом, а также о том, что суд при решении вопроса о предании его суду признал действия прокурора неправильными и восстановил прежнее обвинение, применив закон о более тяжком преступлении.

Все это весьма осложнит процессуальные отношения участников судебного разбирательства, и в частности отношения подсудимого, защитника с судом и прокурором. В этой ситуации подсудимый и защитник должны будут осуществлять защиту не столько против обвинения, которое поддерживает прокурор, сколько против обвинения, сформулированного судом, и исходить из того, что суд до рассмотрения дела в судебном разбирательстве уже сделал свой вывод о том, что преступление подсудимого является более тяжким в сравнении с обвинением, поддерживаемым прокурором. Прокурор, убежденный в обоснованности принятого им решения, будет поддерживать обвинение в пределах своего решения. Суду же, признавшему это решение ошибочным, не всегда удастся остаться на позициях объективности, и, возможно, он будет стремиться к обоснованию правильности своего решения о

необходимости применения к действиям подсудимого закона о более тяжком преступлении. Это отрицательно отразится на всестороннем, полном, а главное, объективном исследовании обстоятельств преступления.

В. З. Лукашевич, обосновывая право суда восстанавливать квалификацию преступления по обвинительному заключению в том случае, когда, по его мнению, прокурор ее необоснованно изменил, утверждая обвинительное заключение, вместе с тем считает, что если это изменение квалификации осуществлено путем составления прокурором нового обвинительного заключения, то «восстановление неправильно измененной прокурором квалификации в стадии предания суду недопустимо»³³. Он также поддерживает предложение о необходимости предусмотреть в законе, чтобы копию обвинительного заключения обвиняемому до предания его суду вручали прокурор или следователь³⁴. Эти суждения в большей степени соответствуют обеспечению прав и законных интересов обвиняемых, и с ними просто не согласуется утверждение о праве суда восстанавливать более тяжкое обвинение, измененное прокурором при утверждении обвинительного заключения.

*Презумпция невиновности
и процессуальное положение
подсудимого*

Правовое положение подсудимого во многом определяется презумпцией невиновности. Проблема эта была и в известной степени остается одной из наиболее дискуссионных в уголовном судопроизводстве. О презумпции невиновности не только в прошлом писали как об абстрактно-формальной декларации, заимствованной из буржуазного права и не имеющей никакого практического значения³⁵. С подобного рода

³³ Там же, стр. 78.

³⁴ Там же, стр. 129.

³⁵ См.: К. А. Мокичев, Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве, М., 1959, стр. 32—34; М. А. Чельцов, Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма, сб. «Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 69—70; Н. Я. Калашникова, Обеспечение обвиняемому права на защиту, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, М., 1959, стр. 167.

суждениями можно встретиться и в литературе последних лет³⁶. Иногда при анализе смежных с этой проблемой вопросов, по существу, отрицается презумпция невиновности. Так, рассматривая проблему уголовной ответственности, некоторые авторы полагают, что начальной стадией ее реализации является предъявление обвинения³⁷. Но это противоречит презумпции невиновности. Если согласиться с таким суждением, то следует признать, что все уголовное судопроизводство утрачивает свой смысл, так как до установления вины уже наступает уголовная ответственность. Ошибочность такого суждения, надо полагать, является результатом смешения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Рассматривая уголовно-правовые отношения, необходимо отметить, что уголовная ответственность возникает в момент совершения преступления, но реализация ее, с учетом уголовно-процессуальных отношений, возможна лишь после установления вины лица вступившим в законную силу приговором.

О важности данной проблемы для осуществления правосудия свидетельствует уже то, что она неоднократно затрагивалась в выступлениях на сессиях Верховного Совета СССР³⁸.

Происхождение презумпции невиновности связано с буржуазным правом, однако это не умаляет ее роли для социалистического правосудия. Уместно в связи с этим вспомнить, что при подготовке проекта Гражданского кодекса РСФСР В. И. Ленин писал: «Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно»³⁹.

Презумпция невиновности предусмотрена законодательством ряда социалистических стран⁴⁰ /она нашла свое отражение в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой 2 чпк

³⁶ См.: Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 95—96.

³⁷ См.: Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, Л., 1968, стр. 35.

³⁸ См.: Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия), стенографический отчет, М., 1957, стр. 511—512; Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (вторая сессия), стенографический отчет, М., 1959, стр. 526—527.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 412.

⁴⁰ См.: ст. 8 УПК Народной Республики Болгарии; § 2 УПК Чехословацкой Социалистической Республики; § 6 УПК ГДР.

Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. при участии Советского Союза.

Сущность и значение презумпции невиновности раскрывается в работах многих советских авторов⁴¹.

В уголовно-процессуальном законе сам термин «презумпция невиновности» не встречается. На этом иногда и строится отрицание ее в уголовном судопроизводстве. Но нельзя не заметить, что ее смысл с несомненной очевидностью вытекает из ряда уголовно-процессуальных норм. Так, ст. 7 Основ предусматривает, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда». Такой же смысл заложен и в ст. ст. 2, 14, 36, 43 Основ.

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на недопустимость нарушения тех требований закона, которые составляют как бы суть презумпции невиновности. Так, отменяя судебные решения по одному из дел, Пленум Верховного Суда СССР указал, что «каждое лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке»⁴². В данном случае ясно сформулировано понятие презумпции невиновности. Остается только пожелать, чтобы оно нашло свое закрепление и в действующем законодательстве.

Презумпцию невиновности необходимо рассматривать в общеправовом и процессуальном значении. Как общеправовое

⁴¹ См.: М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, гл. IV; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 349—353; И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 38—40; Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 110—121; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, отв. ред. Н. В. Жогин, М., 1966, стр. 434—454; В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность, М., 1967, стр. 341; И. И. Малхазов, Важная гарантия социалистического правосудия, Ростов-на-Дону, 1961; В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 42—59; В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 186—192; В. И. Каминская, Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе, М., 1948; Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 122—125; Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 28—38; Уголовный процесс, отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 165—167.

⁴² «Сборник постановлений Пленума и определенной Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 46—47.

требование, оно определяет правовое положение личности в обществе, согласно которому человек может быть объявлен преступником со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями только после того, как его вина в совершении преступления будет установлена вступившим в законную силу приговором, а до этого человек считается невиновным, и это определяет его положение в обществе, отношение к нему других лиц.

В процессуальном значении презумпцию невиновности необходимо рассматривать как требование, определяющее правовое положение участников уголовного судопроизводства⁴³, и прежде всего, конечно, правовое положение обвиняемого (подсудимого). При этом необходимо отметить и некоторую специфику ее требования, определяющего правовое положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, отношение к нему других участников процесса. Презумпция невиновности в ее общеправовом понимании определяет положение обвиняемого и в уголовном судопроизводстве, отношение к нему всех других участников процесса. Однако по отношению к следователю, лицу, производящему дознание, прокурору и суду требование считать обвиняемого (подсудимого) невиновным сохраняет свою силу до тех пор, пока каждый из них в установленном законом порядке не придет к выводу о виновности обвиняемого на основании собранных по делу доказательств. Но, будучи убежденными в виновности обвиняемого (подсудимого), следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд в силу презумпции невиновности должны сознавать, что это убеждение остается их субъективным мнением до тех пор, пока вина подсудимого не будет установлена вступившим в законную силу приговором.

Презумпцию невиновности необходимо рассматривать как объективную и субъективную категорию. Ее объективный характер, как верно пишет И. Л. Петрухин, состоит «не в том, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности, по

⁴³ Пленум Верховного Суда СССР в одном из своих постановлений указал, что «в частном (особом) определении суд не вправе утверждать о виновности лиц, допрошенных в судебном заседании в качестве свидетелей или потерпевших и не привлеченных к уголовной ответственности» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 5, стр. 19). Данное указание, несомненно, вытекает из общего требования презумпции невиновности, определяющего правовое положение участников уголовного судопроизводства.

общему правилу невиновно», а в том, что «выводу о виновности должно предшествовать расследование и судебное рассмотрение уголовного дела со всеми присущими им гарантиями, и этот установленный законом порядок не может быть изменен, т. е. отвергнут, по усмотрению следователя, прокурора, суда, хотя бы они и собрали неоспоримые, с их точки зрения, доказательства виновности обвиняемого»⁴⁴.

Объективный характер презумпции невиновности, таким образом, состоит в том, что обвиняемого считает невиновным прежде всего закон, пока те, кто считают его виновным, не докажут это в установленном законом порядке.

Но презумпция невиновности потеряла бы во многом свой смысл и практическое значение, если бы она оставалась лишь объективной категорией, если бы обвиняемого только закон считал невиновным, а люди относились бы к нему как к виновному. Поэтому презумпцию невиновности необходимо рассматривать и как требование, согласно которому обвиняемого считают невиновным все, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором, а следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд — пока на основании собранных доказательств, в предусмотренном законом порядке, они не придут к убеждению в виновности обвиняемого.

Было бы ошибкой требовать от следователя, прокурора и суда, чтобы и они считали обвиняемого невиновным до вступления приговора в законную силу. Особенности отношения этих лиц к виновности обвиняемого не противоречат презумпции невиновности, а вытекают из нее. Государство, общество, охраняя, защищая интересы личности и общественные отношения, сформулировало презумпцию невиновности, согласно которой человек считается невиновным, пока его вина в совершении преступления не будет установлена в предусмотренном законом порядке. Доказать эту вину государство поручает определенным органам и лицам. И прежде чем доказать ее для всех, убедить в ней всех, с тем чтобы конкретное лицо всеми было признано виновным, соответствующие органы и лица должны доказать это для себя, сами убедиться в этом.

⁴⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 446.

Значение презумпции невиновности для уголовного судопроизводства можно рассматривать в разных аспектах, но, вероятно, прежде всего нужно отметить следующие моменты:

а) презумпция невиновности определяет собой правовое положение обвиняемого (подсудимого) в уголовном судопроизводстве; является основой всех его процессуальных прав, в том числе права на защиту, основой всех процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве;

б) презумпция невиновности как бы стимулирует активную процессуальную деятельность органов расследования и суда — предписывает им всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства преступления; не ограничиваться своим личным убеждением в виновности лица, а собирать доказательства, на основании которых вопрос о виновности лица можно было бы решить приговором суда;

в) презумпция невиновности является основой всей системы доказывания в уголовном процессе. Из нее вытекают конкретные процессуальные правила, связанные с порядком и условиями доказывания вины обвиняемого (подсудимого).

Интересные соображения о значении презумпции невиновности, о соотношении принципов объективной истины и презумпции невиновности высказал Я. О. Мотовиловкер⁴⁵, но не с каждым из них можно согласиться. Так, Я. О. Мотовиловкер пишет: «...целевое назначение принципа презумпции невиновности не в том, что он усиливает действие принципа объективной истины, а в том, что он дает ответ на вопрос, каким должен быть юридический результат в той части, в какой не удалось достигнуть познавательного результата, а следовательно, в ситуации, в какой принцип объективной истины ответа не дает и дать не может»⁴⁶. Как видно, автор исходит из того, что назначение презумпции невиновности — определять юридический результат по делу, когда не удалось достигнуть познавательного результата. Такое толкование значения презумпции невиновности вызывает возражения.

Прежде всего, презумпция невиновности определяет не только результат процессуальной деятельности, но и ее содержание. Поэтому не только приговор суда, но и все процессу-

⁴⁵ См.: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 31—38.

⁴⁶ Там же, стр. 32.

альные действия участников судопроизводства должны ей соответствовать.

Вряд ли можно признать удачным и определенное противопоставление принципов объективной истины и презумпции невиновности. Я. О. Мотовиловкер считает, что приговор отражает либо объективную истину, либо презумпцию невиновности и что презумпцией невиновности руководствуются, когда не установлена объективная истина. «Если бы,— пишет он,— законодатель действительно не исходил из того, что по отдельным делам истина может быть и не установлена, то... не было бы места для таких проблем, как презумпция невиновности...»⁴⁷. Сомнительно. Если даже судебные ошибки будут полностью исключены, а истина будет устанавливаться в каждом случае, по каждому делу, презумпция невиновности сохранит свою роль в правосудии, так как несомненно ее значение для решения вопроса о признании человека виновным. Пока не проведено расследование преступления и судебное разбирательство, пока приговор суда, постановленный с соблюдением всех процессуальных гарантий прав личности, не вступил в законную силу, человек считается невиновным. В этом общеобязательное значение презумпции невиновности в каждом случае, по каждому уголовному делу.

Отличаясь своим особым содержанием, принципы объективной истины и презумпции невиновности имеют общее значение для осуществления правосудия. Оно заключается в том, что каждый из этих принципов определяет как процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, так и его результат.

В судебном разбирательстве действие презумпции невиновности особо ощутимо. В данном случае ее можно было бы кратко сформулировать так: подсудимый не есть еще виновный. Он может быть оправдан судом, уголовное дело в отношении его может быть прекращено. Именно это определяет правовое положение подсудимого в судебном разбирательстве. Этим определяется и отношение к нему других участников судопроизводства, которые не вправе и не могут рассматривать его как лицо, виновное в совершении преступления, до постановления приговора суда.

Единственным участником судебного разбирательства,

⁴⁷ Там же, стр. 36.

который уже исходит из доказанности вины подсудимого, является прокурор. Но презумпция невиновности обязывает и его быть объективным и в случае неподтверждения вины подсудимого в судебном разбирательстве отказаться от обвинения⁴⁸.

В условиях судебного разбирательства, как и на других стадиях уголовного процесса, из презумпции невиновности вытекают конкретные процессуальные правила, определяющие права подсудимого и основные процессуальные положения, связанные с установлением его вины:

а) признать подсудимого виновным и в связи с этим подвергнуть уголовному наказанию может только суд и никакой другой орган.

Этому не противоречит право суда прекратить уголовное дело как в стадии предания суду, так и в судебном разбирательстве. Суд вправе прекратить дело при наличии оснований, указанных в законе (ст. ст. 234, 259 УПК), причем как по реабилитирующим основаниям, так и по нереабилитирующим. В последнем случае суд исходит из доказанности вины подсудимого. Это возможно, например, при прекращении дела с передачей виновного на поруки (ст. 9 УПК) и в других случаях. Видеть здесь отступление от презумпции невиновности не следует, так как в этих исключительных случаях вывод о виновности лица, как правило, согласуется с признанием им самим своей вины, а нередко и с чистосердечным раскаянием.

Но главное не в этом. Дело в том, что во всех этих случаях обвиняемый (подсудимый) вправе обжаловать решение суда о прекращении в отношении его дела, если такое решение его не реабилитирует, а он с этим не согласен. И тогда должно состояться судебное разбирательство, вопрос же о виновности или невиновности подсудимого должен быть решен в приговоре суда;

б) вина подсудимого в ходе судебного разбирательства должна быть убедительно доказана. Обязанность доказывания лежит на государственном обвинителе — прокуроре⁴⁹. Суд же должен стремиться к всестороннему, полному и объ-

⁴⁸ Подробнее об отказе прокурора от обвинения см.: В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, стр. 193—230.

⁴⁹ Об обязанности доказывания в суде см.: В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, стр. 145—192.

активному выяснению всех обстоятельств дела, связанных с виной подсудимого.

В судебном разбирательстве суд, прокурор не вправе переложить обязанность доказывания на подсудимого (ст. 14 Основ). Подсудимый не должен доказывать свою невиновность — она вытекает из презумпции невиновности. Нельзя признать его виновным лишь потому, что он не доказал свою невиновность.

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на то, что на обвиняемого не может быть возложена обязанность доказывать свою невиновность, что органы расследования и суд не вправе переложить обязанность доказывания на обвиняемого⁵⁰. Но подобного рода недостатки в судебной практике продолжают иметь место. Так, Пленум Верховного Суда СССР отмечал, что «объяснения подсудимого нередко отвергаются по таким мотивам, которые свидетельствуют о попытке переложить обязанность доказывать невиновность на самого подсудимого, что категорически запрещается законом»⁵¹;

в) обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана (ст. 43 Основ). Изучение судебных ошибок свидетельствует о том, что среди отмененных приговоров встречается большое число таких, которые основаны не на доказательствах, а на предположениях⁵². Именно поэтому Верховный Суд СССР не раз указывал на недопустимость выводов о виновности подсудимого на основании предположений⁵³;

⁵⁰ См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 8, стр. 37; вып. 10, стр. 17; 1952, № 1, стр. 28; «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 47—48.

⁵¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 254.

⁵² См.: В. Алексеев, Б. Шишкин, Толкование сомнений в пользу обвиняемого, «Советская юстиция», 1970, № 5, стр. 8.

⁵³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 32; 1969, № 1, стр. 21; № 4, стр. 30; «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 67, 221, 227; «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 253, 519; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 2, стр. 34—36.

г) с последним правилом связано и другое — недопустимость выводов о виновности подсудимого на основании противоречивых данных⁵⁴. Пленум Верховного Суда СССР особо обращал внимание на то, что обвинение в совершении преступления не может быть основано на противоречивых данных без надлежащей всесторонней и объективной проверки объяснений обвиняемых⁵⁵. Учитывая, что противоречия чаще всего возникают в показаниях свидетелей, заключениях экспертов, Верховный Суд особо подчеркивал, что обвинение не может быть основано на показаниях свидетелей, если эти показания противоречат другим не опровергнутым доказательствам по делу⁵⁶, что обвинение не может считаться доказанным, если оно основано на противоречивых заключениях экспертов, допускающих наряду с версией обвинения и другие версии, находящиеся с ней в противоречии⁵⁷. В постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда СССР указал, что «судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»⁵⁸;

д) все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого⁵⁹. Данное правило сформулировано судебной практикой и нашло свое отражение в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР.

В судебном разбирательстве у судей и других участников процесса могут возникнуть различные сомнения относительно события преступления, вины подсудимого и иных обстоятельств уголовного дела. В ходе судебного следствия их

⁵⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 1, стр. 31; № 4, стр. 21; «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 69, 128; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 3, стр. 10—11.

⁵⁵ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 1, стр. 17.

⁵⁶ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 91.

⁵⁷ Там же, стр. 124.

⁵⁸ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 519.

⁵⁹ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 519; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 1, стр. 35; 1972, № 1, стр. 20—22.

необходимо разрешить, используя для этого все предоставленные суду возможности и средства, но если это сделать не удалось и сомнения остались, то в решении любого вопроса, которого они касаются, их следует толковать лишь в пользу подсудимого.

Если сомнение касается уличающего доказательства, такое доказательство следует отбросить. Если сомнение касается опровержения доказательства, говорящего в пользу подсудимого, таким доказательством необходимо руководствоваться.

Вина подсудимого должна быть установлена с несомненностью, и, очевидно, заслуживает внимания предложение ввести правило о единогласном решении судей по вопросу о виновности подсудимого⁶⁰. Действительно, если из трех судей даже один считает вину подсудимого недоказанной, то этого уже достаточно, чтобы поставить под сомнение обоснованность обвинительного приговора.

Правилом о том, что всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого, необходимо руководствоваться не только в процессе доказывания. Оно, несомненно, оправдывает себя как гарантия защиты законных интересов личности и справедливого решения других вопросов, в частности при квалификации преступления и назначении наказания. Возможные при этом различного рода сомнения следует учитывать в пользу подсудимого⁶¹;

е) признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении этого признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК).

Правило это рождено общественной, судебной практикой, которая в прошлом нередко переоценивала факт признания подсудимым своей вины. Это порой приводило к судебным ошибкам, осуждению невиновных лиц. Закрепление данного правила в законе свидетельствует о значении презумпции невиновности в общественной жизни, о том, что, даже несмотря на личное признание человеком своей вины,

⁶⁰ См.: И. Перлов, Наука советского уголовного процесса и совершенствование законодательства, «Социалистическая законность», 1967, № 11, стр. 42.

⁶¹ См.: В. Алексеев, Б. Шишкин, Толкование сомнений в пользу обвиняемого, «Советская юстиция», 1970, № 5, стр. 8—9.

общественные интересы не допускают осуждения его за преступление, пока его вина с достоверностью не будет доказана в установленном законом порядке.

На ошибки, которые связаны с нарушениями социалистической законности и вытекают из переоценки судами значения признания подсудимым своей вины, неоднократно обращалось внимание в юридической литературе⁶². Обращал на это внимание судей и Верховный Суд СССР. Так, в постановлении его Пленума от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» говорится: «Находясь в плену распространявшихся ранее лженаучных взглядов, выражающихся в переоценке доказательственного значения признания обвиняемым своей вины, некоторые судьи основывают вывод о виновности подсудимого только на его признании, а не на оценке всех доказательств, исследованных во время судебного разбирательства»⁶³. Подобные ошибки все еще не изжиты из судебной практики. Именно поэтому Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» указал: «При постановлении приговора суду надлежит иметь в виду, что признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу»⁶⁴.

Все это делает особо актуальной разработку проблем, связанных с презумпцией невиновности как гарантией от необоснованного и несправедливого осуждения.

*Общая характеристика
процессуальных прав
и обязанностей подсудимого*

Как участник судебного разбирательства подсудимый обладает определенными процессуальными правами и несет

⁶² См.: И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 59—61; М. Л. Якуб, Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе, М., 1963, стр. 34 и сл.; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть особенная, отв. ред. Н. В. Жогин, М., 1967, стр. 138—141. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 417—427.

⁶³ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 253—254.

⁶⁴ Там же, стр. 520.

процессуальные обязанности. Они определяют правовое положение подсудимого в суде, обеспечивают защиту его законных интересов и содействуют его активному участию в осуществлении правосудия, в решении задач уголовного судопроизводства. Все это становится возможным именно благодаря правильному сочетанию процессуальных прав и обязанностей подсудимого. Ведь правовое положение любого участника судебного разбирательства определяется не только их субъективными правами, но и определенными процессуальными обязанностями. Это вытекает из единства прав и обязанностей в правовом статусе личности в обществе. Значение этого единства неоднократно подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, К. Маркс писал: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»⁶⁵. «Вместо «за равное право всех», — писал Ф. Энгельс, — я предлагаю: «за равные права и равные обязанности всех»...»⁶⁶.

Единство прав и обязанностей граждан СССР последовательно закреплено в Конституции СССР, в конституциях союзных и автономных республик. Структура же уголовно-процессуального законодательства не отражает в должной мере единства прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, в том числе подсудимого. Так, раздел II Основ уголовного судопроизводства называется «Участники процесса, их права и обязанности», но в ней идет речь лишь о правах обвиняемого и ничего не говорится о его обязанностях; в ст. 27 Основ предусмотрено разъяснение подсудимому его прав — опять же ничего не говорится об обязанностях. Аналогично решен вопрос в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

Некоторые авторы полагают, что обвиняемый обладает лишь процессуальными правами и оспаривают наличие у

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 13.

Анализируя эту мысль К. Маркса, В. А. Патюлин полагает, что тезис о единстве прав и обязанностей означает, что всякое право предполагает чью-то обязанность обеспечить это право, а всякая обязанность предполагает чье-то право требовать ее исполнения (см.: В. А. П а т ю л и н, Интересы государства и граждан при социализме, «Советское государство и право», 1972, № 5, стр. 26—27). Само по себе это верно, но следует заметить, что содержание работы К. Маркса свидетельствует о том, что в ней речь идет о единстве прав и обязанностей гражданина, о том, что, имея права, он должен выполнять и свои обязанности.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 235.

него процессуальных обязанностей⁶⁷. Но это не соответствует прежде всего процессуальному законодательству, которое не только предоставляет обвиняемому (подсудимому) процессуальные права, но и возлагает на него в ряде своих норм процессуальные обязанности. Единство прав и обязанностей подсудимого можно проследить хотя бы в следующем. Подсудимый имеет право участвовать в судебном разбирательстве (ст. 21 Основ, ст. 46 УПК), но это право связано и с обязанностью подсудимого принимать участие в судебном заседании. Если подсудимый не явился в судебное заседание, суд вправе подвергнуть его приводу (ст. ст. 246, 247 УПК).

В Основах уголовного судопроизводства и в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик в разделе «Участники процесса, их права и обязанности» следовало бы наряду с правами обвиняемого (подсудимого) привести и его основные обязанности, а также предусмотреть разъяснение ему не только процессуальных прав, но и обязанностей.

Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания (ст. 8 Основ, ст. 14 УПК). С этим демократическим принципом связан и принцип равенства прав участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК). В судебном разбирательстве обвинитель, подсудимый, защитник и некоторые другие участники процесса пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств. Разумеется, у каждого участника судебного разбирательства есть свои, особые права, которые принадлежат только ему и никому другому. Например, лишь подсудимому принадлежит право последнего слова. Но делать вывод, что «все это не позволяет говорить о процессуальном равноправии обвиняемого и других участников процесса»⁶⁸ было бы неверно.

Для успешного осуществления правосудия процессуальное равенство участников судебного разбирательства в основных правах просто необходимо, оно предусмотрено законом и фактически существует. Только процессуальное равен-

⁶⁷ См.: Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 75.

⁶⁸ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 101.

ство в основных правах обвинителя, подсудимого, его защитника и некоторых других участников судебного разбирательства создает необходимые условия для отыскания истины по делу и успешному решению всех задач правосудия. Пленум Верховного Суда СССР указал судам, что «особое внимание следует обратить на необходимость строжайшего соблюдения норм, гарантирующих равенство прав участников судебного разбирательства»⁶⁹.

Это равенство процессуальных прав прежде всего связано с доказыванием и заключается в равных возможностях участвовать в исследовании доказательств, представлять доказательства, заявлять ходатайства. Кроме того, для процессуального положения участников судебного разбирательства характерно равенство и в иных основных правах участников процесса.

Участники судебного разбирательства имеют равное право заявлять отводы (ст. 18 Основ, ст. 272 УПК), выступать в судебном заседании на своем родном языке (ст. 11 Основ, ст. 17 УПК), излагать суду свое мнение, связанное с оценкой материалов дела и по вопросам, которые предстоит решить суду (ст. ст. 295—298 УПК), они имеют также равную возможность обжаловать приговор суда (ст. 44 Основ, ст. 325 УПК).

Таким образом, закон обеспечивает участникам судебного разбирательства равные возможности активного участия в решении всех основных вопросов, от которых зависит успешное осуществление правосудия. Однако это не исключает необходимости дальнейшего развития и совершенствования процессуальных прав участников судебного разбирательства. Равенство прав участников судебного разбирательства — это процессуальный принцип, которому должны соответствовать конкретные процессуальные нормы. Их постоянное развитие и совершенствование в этом направлении — неисчерпаемая задача. Именно с этих позиций, например, нужно подойти к решению вопроса о праве участников судебного разбирательства обжаловать постановления судьи и определения суда (ст. 331 УПК)⁷⁰, а также к решению некоторых других вопросов.

⁶⁹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 35.

⁷⁰ Подробнее об этом см. стр. 164—165.

Характеризуя процессуальные права и обязанности подсудимого, прежде всего следует обратить внимание на то, что подсудимый имеет право и должен их знать.

Суд обязан разъяснить подсудимому его права в судебном разбирательстве и обеспечить возможность осуществления этих прав (ст. 27 Основ, ст. 58 УПК). Конкретно такая обязанность лежит на председательствующем, который и должен в подготовительной части судебного заседания разъяснить подсудимому его права (ст. 273 УПК). Закон предусматривает разъяснение подсудимому его прав, указанных в ст. 46 УПК, но в этой статье кодекса изложены основные права обвиняемого на всех стадиях уголовного судопроизводства, поэтому разъяснять подсудимому следует не только права, указанные в ст. 46 УПК, но и права, предусмотренные иными статьями кодекса, в частности ст. ст. 280, 283, 288, 295, 298, 317 УПК.

От того, насколько правильно подсудимому будут разъяснены права, зависят его поведение и активность в судебном разбирательстве. К сожалению, иногда в суде можно наблюдать, как председательствующий невнятно, скороговоркой перечисляет только некоторые права подсудимого, указывая лишь на возможность заявлять отводы, ходатайства и активно участвовать в процессе. В известной степени это психологически объяснимо, поскольку судье приходится очень часто, многократно повторять одни и те же процессуальные действия, но оправдывать этим их упрощение нельзя.

Председательствующий должен всякий раз четко и обстоятельно разъяснять подсудимому его права, убеждаться в том, что подсудимый действительно их понимает.

Иногда в суде разъясняют права одновременно всем участникам заседания: подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику. Это недопустимо. У всех участников судебного разбирательства наряду с общими правами есть и свои особые права, которые должны быть им разъяснены отдельно. Если в судебном заседании участвует несколько подсудимых, то права разъясняют им всем вместе, а не каждому отдельно. В этом случае следует особо убедиться, что каждый подсудимый понимает, какими правами он может пользоваться в судебном заседании.

Разъяснение подсудимому его прав нельзя сводить лишь к простому их перечислению. Суть некоторых прав необходи-

мо обстоятельно и терпеливо объяснять. Так, говоря о праве подсудимого участвовать в исследовании доказательств, нужно обратить внимание подсудимого на то, что он может давать показания в любой момент судебного следствия, допрашивать свидетелей, ставить вопросы перед экспертом и т. д.

Если в судебном разбирательстве не участвует защитник, то подсудимому необходимо особо разъяснить его право на защиту, и в частности возможность пригласить в судебное заседание защитника. Судьи иногда обходят это право подсудимого молчанием, с тем чтобы просьба подсудимого назначить ему защитника не повлекла за собой откладывания судебного заседания до следующего дня. Однако никакие трудности и сложности процесса не должны препятствовать полному и реальному осуществлению права подсудимого на защиту.

Подсудимому должно быть разъяснено, в каких случаях он может участвовать в судебных прениях, и его право на последнее слово.

На практике подсудимые почти никогда не прибегают к своему праву, предусмотренному ст. 298 УПК. В определенной степени это объясняется тем, что судьи не сообщают подсудимым об этом их праве. Председательствующий должен разъяснить подсудимому, что он может представить суду в письменном виде предлагаемую им формулировку решения некоторых вопросов, которые предстоит решить суду при постановлении приговора.

Порядок и сроки обжалования приговора разъясняются при провозглашении приговора (ст. ст. 317, 318 УПК), но подсудимый имеет право обжаловать не только решения суда, но и его действия. Поэтому подсудимому уже в подготовительной части судебного заседания необходимо разъяснить, что жалобы на действия суда он может заявлять как в ходе судебного разбирательства, так и одновременно с жалобой на приговор или иное решение, которым заканчивается судебное разбирательство.

Как уже отмечалось, закон обязывает суд разъяснять подсудимому только его права (ст. 27 Основ, ст. ст. 58, 273 УПК) и не предусматривает разъяснение обязанностей. В результате у самого подсудимого может сложиться впечатление, что закон наделяет его лишь правами и не возлагает на него в судебном разбирательстве никаких обязанностей. Но

это не так. В законе сформулированы определенные процессуальные обязанности подсудимого, которые он должен знать, так как от этого зависит и его поведение в судебном разбирательстве. Так, иногда внимание подсудимого следует обратить на его обязанность участвовать в судебном заседании, не скрываться от суда, являться по вызову и т. д. Подсудимому необходимо объяснить и те последствия, которые могут наступить при невыполнении данных обязанностей (ст. ст. 246, 247, 260, 262, 263 УПК).

В определенных случаях подсудимым надо разъяснить и некоторые другие их обязанности. Поэтому в законе следовало бы предусмотреть, что суд разъясняет подсудимому, а также другим участникам процесса не только их права, но и обязанности.

Разъяснять в суде процессуальные права и обязанности подсудимому будет значительно проще, если после предания суду, но до начала судебного разбирательства подсудимого ознакомить с теми правами и обязанностями, которыми он наделен как участник судебного разбирательства. С этой целью подсудимому, который участвовал в распорядительном заседании, после вынесения решения о предании его суду, можно было бы разъяснять устно эти права и обязанности. Кроме того, всем подсудимым можно было бы наряду с повесткой о вызове в суд вручать бланк с перечнем их прав и обязанностей при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

*Правосудие
и законные интересы
подсудимого*

С проблемой процессуальных прав и обязанностей неразрывно связан вопрос о законном интересе личности в уголовном судопроизводстве. Прежде всего это, конечно, вопрос о взаимоотношениях интересов правосудия и подсудимого. Основой его решения является проблема взаимоотношения общественного и личного в социалистическом обществе.

В обществе, принципом развития которого, как предусматривает Программа КПСС, является «все во имя челове-

ка, для блага человека»⁷¹, не может быть антагонистических противоречий между общественными и личными интересами. Социализм устранил их причины. Гармония общественных и личных интересов заложена в самой природе социалистических общественных отношений, по мере развития которых в коммунистические будет укрепляться и единство общественных и личных интересов. Однако и на стадии развитого социалистического общества есть еще люди, которые стремятся «урвать» от общества побольше, а дать ему поменьше, видят смысл своего существования в том, чтобы жить за счет других, спекулировать и жульничать, предаваться праздности, пренебрегают социальными, политическими, духовными интересами социалистического общества⁷². Пережитки прошлого, антисоциальные привычки, которые проявляются, в частности, в различного рода преступлениях, нарушают единство общественного и личного, наносят вред общественным интересам.

Строительство коммунизма невозможно без всестороннего развития самого человека. Вот почему формирование нового человека является одной из главных задач партии в коммунистическом строительстве⁷³. Немалая роль в ее решении принадлежит социалистическому правосудию, при осуществлении которого, в свою очередь, встает проблема общественного и личного, проблема взаимоотношения интересов правосудия и интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Единство общественных и личных интересов можно наблюдать во всех сферах общественной жизни. Характерно это и для правосудия. Единство интересов правосудия и личности выражено прежде всего в целях и задачах правосудия: каждый совершивший преступление должен быть подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В юридической литературе чаще всего подчеркивается единство интересов правосудия и законных интересов личности, но такое единство не исключает определенной конфликт-

⁷¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 322.

⁷² См.: М. Иовчук, Современные проблемы идеологической борьбы, развития социалистической идеологии и культуры, «Коммунист», 1971, № 15, стр. 105—106.

⁷³ См.: «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 82—91.

ности между ними. Следует полностью согласиться с В. И. Каминской, что «такие противоречия существуют не только в области уголовно-процессуальных отношений, но нет ничего удивительного в том, что в этой области они проявляются более отчетливо, чем в других взаимоотношениях государства с гражданами»⁷⁴.

Возможность конфликтных ситуаций между интересами общества и интересами личности обуславливается в первую очередь живучестью пережитков прошлого, антисоциальными привычками, которые порождают преступность, а также необходимостью борьбы с ними. Интересы общества, обеспечение общественного порядка, эффективность правосудия требуют применения различных мер принуждения к гражданам. Эти меры порой касаются и лиц, непричастных к преступлению. Сомневаться в том, что при этих условиях возникают конфликтные ситуации, невозможно. Поэтому необходимо искать оптимальные пути для их разрешения, связанные с наименьшим ущербом для интересов как общества, так и личности⁷⁵.

Во взаимоотношениях интересов правосудия и личности, несомненно, большое значение имеет правильное понимание законных интересов личности. Законные интересы — это не все, а лишь те интересы личности, которые отражены в законе или не противоречат ему. Определяя те или иные конкретные интересы личности в уголовном судопроизводстве как законные интересы, законодатель разрешает тем самым конфликтные ситуации, которые могут возникнуть между интересами правосудия и интересами личности. Например, с точки зрения интересов правосудия необходимо, чтобы подсудимые всегда давали правдивые показания, но это не всегда соответствует интересам самих подсудимых. В данном случае законодатель в качестве законного интереса подсудимого предусмотрел его право, а не обязанность давать показания.

Практика участия в уголовном судопроизводстве потерпевших от преступления свидетельствует о том, что желание отказаться от дачи показаний нередко выражает их интересы. К решению этой конфликтной ситуации уголовно-процессу-

⁷⁴ В. И. Каминская, Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве, «Советское государство и право», 1968, № 10, стр. 31.

⁷⁵ См. там же.

альное законодательство союзных республик подошло по-разному. Статья 75 УПК РСФСР предусматривает обязанность потерпевшего давать правдивые показания, а УПК УССР исходит из того, что давать показания — это право потерпевшего. Таким образом, отказ потерпевшего от дачи показаний согласно УПК УССР рассматривается как законный интерес, а согласно УПК РСФСР — как незаконный интерес.

Следовательно, само понятие «законный интерес» является определенным средством регулирования взаимоотношений интересов правосудия и личности.

Законные интересы, как часть всех возможных интересов личности в уголовном судопроизводстве, отличаются от последних именно тем, что они как бы сливаются с интересами правосудия. Однако определенные противоречия существуют не только между интересами правосудия и интересами личности, но и между интересами правосудия и законными интересами личности. Только характер этих последних противоречий несколько иной, они не так резко выражены, как первые. Поэтому нельзя согласиться с тем, что между законными интересами личности и интересами правосудия вообще исключаются какие-либо противоречия. Примером таких противоречий, как уже отмечалось, могут быть противоречия между интересами правосудия получить правдивые показания подсудимого и законными интересами подсудимого не давать такие показания.

Законные интересы личности, в отличие от иных интересов, охраняются и защищаются в уголовном судопроизводстве. Проблема законного интереса касается каждого лица как участника уголовного процесса, но прежде всего она связана с процессуальным положением обвиняемого (подсудимого), так как правосудие в большей степени затрагивает его интересы.

Законные интересы подсудимого не следует сводить лишь к его интересам не быть невинно осужденным и несправедливо наказанным. Они значительно шире и связаны с его многочисленными процессуальными правами и обязанностями, с различными конкретными процессуальными отношениями, в которые подсудимый вступает. Законными интересами подсудимого могут быть, например, такие его интересы: ознакомиться с материалами дела, принять участие в судебном разбирательстве, пригласить защитника и др.

Значение законного интереса личности, в том числе обвиняемого (подсудимого), для решения ряда вопросов в уголовном судопроизводстве отмечают и обосновывают многие авторы⁷⁶.

Высказано в юридической литературе и отрицательное мнение о понятии «законный интерес» обвиняемого. Так, А. Д. Бойков пишет, что «это выражение, бытующее в юридической печати в течение многих лет, никак нельзя признать удачным». И далее: «...действие презумпции невиновности в советском уголовном процессе не оставляет сомнений в законности интереса обвиняемого во всех случаях добиваться выяснения обстоятельств, оправдывающих его или смягчающих его ответственность»⁷⁷. В другом случае, возражая П. С. Элькинду, которая правильно пишет, что предмет деятельности защитника может быть только законный интерес обвиняемого⁷⁸, А. Д. Бойков утверждает, что «такое требование к защитнику практически не реально и теоретически не состоятельно», ибо «субъект преступления и обвиняемый — понятия, не всегда совпадающие»⁷⁹.

Примерно так же решают этот вопрос и некоторые другие авторы. Например, В. И. Каминская пишет: «До тех пор пока истина по делу судом не установлена и юридически не закреплена во вступившем в законную силу приговоре суда, спорным, невыясненным, юридически недостоверным остается

⁷⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 246; И. Д. Перлов, Укрепление законности и дальнейшее совершенствование защиты по уголовным делам, сб. «Советская адвокатура», М., 1968, стр. 35; П. С. Элькинд, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 32; В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, стр. 97; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 209; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 181; Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 76—77; Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 79; А. М. Левин др., Защитник в советском суде, М., 1960, стр. 14; Г. З. Анашкин и др., Адвокатура в СССР, М., 1971, стр. 5—7, 67.

⁷⁷ А. Бойков, рецензия на книгу «Советский адвокат», «Советская юстиция», 1968, № 23, стр. 29.

⁷⁸ См.: П. С. Элькинд, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 33.

⁷⁹ А. Д. Бойков, Проблемы адвокатской этики, сб. «Роль и задачи советской адвокатуры», М., 1972, стр. 184.

вопрос о том, законный или незаконный интерес отстаивает гражданин путем использования своих процессуальных прав... поэтому... защитник обвиняемого, осуществляя защиту, обязан руководствоваться презумпцией законности интересов своего подзащитного...»⁸⁰.

Нельзя согласиться с утверждением, что в понятии «законный интерес» нет никакого смысла, так как якобы до вступления приговора в законную силу невозможно судить о характере интереса подсудимого и потому любой его интерес должен считаться законным.

Прежде всего, не следует интересы подсудимого ограничивать только его интересами добиваться оправдания или смягчения ответственности. У подсудимого в уголовном судопроизводстве возможны и иные интересы, которые могут оказаться как законными, так и незаконными. Например, чувство стыда может пробудить у него определенный интерес, заключающийся в его желании, чтобы дело рассматривалось в закрытом судебном заседании. Законным этот интерес может стать лишь при условиях, указанных в ст. 18 УПК. С интересами подсудимого связано применение к нему мер процессуального принуждения и т. д. Во всех этих случаях не только суду, но и другим участникам процесса, в частности защитнику, приходится решать вопрос о том, является ли тот или иной интерес подсудимого законным, так как только такой интерес подлежит защите.

С точки зрения интересов подсудимого для него может быть нежелательным участие в суде прокурора, поддерживающего обвинение, но отвод, заявленный им прокурору, может быть поддержан адвокатом и удовлетворен судом только при наличии условий, предусмотренных ст. 63 УПК, т. е. если данный интерес подсудимого окажется законным.

Оспаривая такое процессуальное понятие, как законный интерес обвиняемого (подсудимого), многие авторы связывают его лишь с деятельностью защитника, тогда как оно имеет отношение к процессуальной деятельности всех участников судопроизводства, в том числе судей, прокурора.

⁸⁰ В. И. Каминская, Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве, «Советское государство и право», 1968, № 10, стр. 34; см. также: Э. Синайский, Адвокат должен защищать, «Социалистическая законность», 1966, № 11, стр. 64—65; В. Д. Гольдинер, Защитительная речь, М., 1970, стр. 4—6.

Нельзя согласиться с попытками опровергнуть значение процессуального понятия «законный интерес» подсудимого и в том случае, если рассматривать его с точки зрения деятельности защитника. Неверно мнение, что перед защитником не должен вставать вопрос о характере интересов подсудимого, о том, являются ли они законными или незаконными. Неубедительны соображения о том, что защитник не может дать такую самостоятельную оценку, потому что у него нет для этого юридической компетенции⁸¹, потому что это якобы недопустимо с точки зрения презумпции невиновности⁸², потому что «нельзя возлагать на адвоката несвойственную ему функцию решения вопроса о виновности подсудимого»⁸³. Выражая сомнения относительно понятия «законный интерес» обвиняемого, В. Д. Гольдинер пишет: «...возникает вопрос: какой существует критерий для разграничения законных и незаконных интересов обвиняемого? ... как адвокату определить, виновен он или не виновен, совершил он вменяемое ему деяние или нет?»⁸⁴.

Критерий в данном случае может быть только один — закон. Оценивать же характер интересов подсудимого, а также доказательства, на основании которых решается вопрос о вине подсудимого, защитник не только может, но и обязан. Разумеется, он не решает эти вопросы, но мнение свое по ним он должен иметь. Если защитник в итоге судебного следствия не определил, виновен подсудимый или нет, то как же он будет осуществлять защиту? Ссылка здесь на презумпцию невиновности, на некомпетентность защитника решать вопрос о виновности — неуместна. Нельзя рассматривать все это как положения, обязывающие защитника до вступления приговора в законную силу всегда исходить лишь из невиновности подсудимого.

На основании судебного следствия адвокат обязан определить свое отношение к обвинению. И то, что по данному вопросу он должен изложить перед судом свое совершенно определенное мнение еще до того, как постановлен приговор, несколько не противоречит презумпции невиновности. Изла-

⁸¹ См.: В. И. Каминская, Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве, «Советское государство и право», 1968, № 10, стр. 34.

⁸² См.: А. Д. Бойков, рецензия на книгу «Вопросы защиты по уголовным делам», «Советское государство и право», 1969, № 9, стр. 148.

⁸³ В. Д. Гольдинер, указ. соч., стр. 6.

⁸⁴ Там же, стр. 5.

гая свое мнение о доказанности или недоказанности обвинения и оценивая доказательства, защитник обязан руководствоваться законом, т. е. защищать лишь законные интересы подсудимого.

Следует заметить, что даже те авторы, которые берут под сомнение значение такого понятия, как законный интерес подсудимого, высказывают суждения, свидетельствующие о том, что защитник вправе защищать лишь законные интересы подсудимого. Так, Э. Д. Синайский правильно утверждает, что необоснованную версию подсудимого адвокат не поддерживает, поскольку нет к тому никаких оснований⁸⁵. «Если адвокату становится известно, — пишет В. Д. Гольдинер, — что подсудимый, отрицающий свою вину, совершил вменяемое ему преступление, он не может его защищать не только потому, что интерес его подзащитного незаконен, но также и потому, что средства и способы защиты являются в этом случае заведомо для защитника незаконными»⁸⁶. Высказанная здесь мысль, что адвокат защищает лишь законные интересы подсудимого, правильная, а то, что адвокат в указанном случае вообще не может защищать подсудимого, неверно. Адвокат не должен защищать лишь незаконный интерес подсудимого, отказаться же от защиты он не вправе и обязан продолжать ее законными способами и средствами.

Иногда утверждают, что при осуществлении защиты речь должна идти не о законных и незаконных интересах подсудимого, а о законных и незаконных способах защиты его интересов. Так, Э. Д. Синайский пишет: «...в ст. 23 Основ говорится о законных средствах и методах защиты, но ничего не сказано о законном интересе обвиняемого... Интерес подсудимого осуществлять защиту законными средствами всегда законен...»⁸⁷.

В юридической литературе правильно отмечалось⁸⁸, что

⁸⁵ См.: Э. Синайский, Адвокат должен защищать, «Социалистическая законность», 1966, № 11, стр. 64.

⁸⁶ В. Д. Гольдинер, указ соч., стр. 4—5.

⁸⁷ Э. Синайский, Адвокат должен защищать, «Социалистическая законность», 1966, № 11, стр. 65; см. также: Г. А. Гинзбург и др., Советский адвокат, М., 1968, стр. 4—5.

⁸⁸ См.: Н. Ф. Волкодаев и др., рецензия на книгу «Советский адвокат», «Правоведение», 1970, № 1, стр. 126; Ю. И. Стецовский, Формирование процессуальной позиции защитника, «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 102; он же, Адвокат в уголовном судопроизводстве, М., 1972, стр. 117.

нельзя законный интерес подсудимого определять в зависимости от средств защиты и смешивать эти понятия. При таком толковании законного интереса адвокат встает «на опасную для защитника дорогу, на которой руководящей нитью служит не вопрос о том, что защищать, а лишь то, как защищать»⁸⁹, он превращается в служителя подсудимого, призванного подыскивать законные способы защиты для отстаивания любого интереса подсудимого, в том числе и незаконного.

Возражение против понятия «законный интерес» на том основании, что в процессуальном законодательстве упоминается о законных средствах защиты, а не о законном интересе, неубедительно. Законодатель, разумеется, не имел в виду, что законными способами можно защищать незаконные интересы.

Защита лишь законного интереса подсудимого вытекает из принципа социалистической законности, из общегражданской обязанности исполнять законы (ст. 130 Конституции СССР).

Статья 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик предусматривает, что правосудие в СССР призвано охранять от всяких посягательств права и интересы граждан СССР, гарантированные законом. Совершенно очевидно, что в данном случае в законе речь идет о защите прав и законных интересов личности. Положениями этими обязан руководствоваться и адвокат, осуществляя защиту подсудимого.

С тем чтобы внести полную ясность в данный вопрос, следовало бы ст. ст. 2 и 51 УПК изложить в соответствии со ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве, предусмотрев в них, что в уголовном судопроизводстве защищаются права и законные интересы граждан.

Под законными интересами обвиняемого (подсудимого), как правильно пишут Н. С. Алексеев и В. З. Лукашевич, следует понимать:

- а) стремление обвиняемого (подсудимого) опровергнуть обвинение в преступлении, которого он не совершал;
- б) стремление не быть осужденным за более тяжкое преступление, чем то, которое подсудимый в действительности совершил;

⁸⁹ А. Ф. Кони, Собр. соч., т. 1, М., 1966, стр. 306.

в) стремление быть справедливо наказанным с учетом всех обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность подсудимого;

г) стремление не подвергаться мерам принуждения, не вызываемым крайней необходимостью с точки зрения задач правосудия⁹⁰.

Определяя основное направление законных интересов подсудимого, все это не исключает возможность возникновения у него и других законных интересов. Правильное их понимание лежит в основе успешного решения проблемы взаимоотношений интересов правосудия и интересов личности в уголовном судопроизводстве.

*Судебные ошибки
и вопросы реабилитации
невиновного*

Осуждение невиновного, а также несправедливое наказание виновного являются наиболее существенными нарушениями прав и законных интересов личности.

Встречающиеся еще в судебной деятельности ошибки, заключающиеся в постановлении неправосудных приговоров, в большей степени отражаются на правах и интересах подсудимых. Они требуют дальнейшего совершенствования всей системы процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав и законных интересов подсудимых, совершенствования прежде всего правового положения самого подсудимого, которое должно в полной мере гарантировать его от необоснованного осуждения.

Судебные ошибки становятся все реже, о чем говорят, в частности, следующие данные. В 1950 г. в стране в кассационном порядке из числа обжалованных и опротестованных приговоров отменялось и изменялось 25,9%, в 1960 г.— 23,9%, а в 1971 г.— около 15%⁹¹. Сокращение количества отменен-

⁹⁰ См.: Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве, Л., 1970, стр. 149.

⁹¹ См.: Г. Анашкин, Судебный приговор — важнейший акт социалистического правосудия, «Социалистическая законность», 1969, № 11,

ных и измененных приговоров является результатом постоянного совершенствования судебной деятельности, но уровень ее еще не соответствует задачам правосудия — в каждом случае установить и справедливо наказать лицо, виновное в совершении преступления, и не допустить осуждения невиновного лица. В отношении подсудимых допускается все еще большое количество ошибок. В 1969 г., например, каждый восьмой приговор из числа обжалованных и каждый двадцать четвертый из числа всех вынесенных приговоров судов первой инстанции содержали ошибки и подвергались тем или иным изменениям в кассационном порядке. Кроме того, значительное число судебных ошибок исправлялось в надзорном порядке. В том же году отмененные и измененные приговоры в порядке судебного надзора составили половину к числу отмененных и измененных приговоров в кассационном порядке⁹². В 1971 г. каждый десятый приговор из числа обжалованных и опротестованных был изменен кассационными инстанциями в связи с неправильным применением уголовного закона и назначением сурового наказания. Кассационные инстанции отменили 0,5% приговоров, прекратив уголовные дела, так как в действиях осужденных отсутствовал состав преступления или их участие в совершении преступления не было доказано⁹³.

Необоснованные осуждения подсудимых — наиболее нетерпимые факты нарушения прав и законных интересов личности. Иногда подобного рода ошибки исправляются лишь Верховным Судом СССР в порядке судебного надзора. В некоторых случаях Верховный Суд СССР вынужден прекратить дела за отсутствием в действиях осужденных состава преступления, в других — за недоказанностью предъявленного обвинения. Немало аналогичных решений принимают и Верховные Суды союзных республик⁹⁴.

стр. 9; И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, М., 1968, стр. 11; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, стр. 33.

⁹² См.: Г. Анашкин, Судебный приговор — важнейший акт социалистического правосудия, «Социалистическая законность», 1969, № 11, стр. 10—11.

⁹³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, стр. 33.

⁹⁴ См., например: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 17—19, 23—25; № 2, стр. 9—19, 33—34; № 3, стр. 17—19, 21—23, 31—35; № 4, стр. 26—32. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 1, стр. 6; № 4, стр. 12; № 9, стр. 11.

Анализ практики Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик дает возможность выявить характер и закономерности судебных ошибок в отношении подсудимых, а следовательно, и влиять на них определенным образом, разработать рекомендации, направленные на развитие гарантий прав и законных интересов лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

О характере судебных ошибок, связанных с нарушением прав и законных интересов подсудимых, свидетельствуют и данные табл. 1, полученные из различных обобщений судебной практики. В первой колонке цифр содержатся данные из обобщения, проведенного в криминологической лаборатории юридического факультета Воронежского государственного университета. Было изучено 780 дел, по которым кассационные и надзорные инстанции отменили приговор или внесли в него какие-либо изменения. По этим делам было допущено 2200 различных ошибок⁹⁵.

Во второй колонке приведены данные из обобщения практики судов Литовской ССР⁹⁶.

Третья колонка содержит некоторые опубликованные данные изучения судебных ошибок Верховным Судом СССР с участием ряда научно-исследовательских институтов. В этом случае анализировались судебные ошибки по 1800 уголовным делам⁹⁷.

Из приведенных данных видно, что те или иные судебные ошибки неодинаково распространены в различных судах, но из них вытекают определенные закономерности. Приведенные данные свидетельствуют также о том, что по каждому делу судьи допускали не одну, а несколько ошибок, в среднем две—три ошибки, которые приводили к отмене или изменению приговора.

⁹⁵ См.: В. Е. Чугунов, Г. Ф. Горский, Применение кибернетических устройств для анализа ошибок в судебной и следственной практике, «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 43. (В статье говорится об изучении 842 дел, но судебные ошибки были допущены лишь по 780 делам. Это количество дел мной и указано.)

⁹⁶ См.: А. Бойков, Изучение причин судебных ошибок, «Социалистическая законность», 1968, № 8, стр. 37.

⁹⁷ См.: И. Петрухин, Социологический метод исследований эффективности правосудия, «Советская юстиция», 1971, № 4, стр. 10. (В статье отмечается, что две трети судебных ошибок связаны с неправильной квалификацией действий подсудимых и определением им несоизмеренного наказания, а одну треть составляют все иные ошибки.)

Характер судебных ошибок	Процент к общему числу допущенных ошибок, обнаруженных по каждому обобщению		
Односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия	14	7,8	17,6
Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела	42	21,6	10,7
Существенное нарушение уголовно-процессуального закона	2	15,8	5
Неправильное применение уголовного закона	10	27,3	
Несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного	32	13,1	66,7

Неправосудный приговор, судебные ошибки приводят к существенному нарушению субъективных прав подсудимого. Но в уголовном судопроизводстве возникает и требует своего исследования иной аспект проблемы о соотношении судебных ошибок и нарушении субъективных прав подсудимого. А именно, в какой мере нарушение субъективных прав подсудимого влияет на вынесение незаконных, необоснованных приговоров, приводит к судебным ошибкам. Вероятно, можно утверждать, что любая судебная ошибка, вынесение неправосудного приговора обуславливаются нарушением субъективных процессуальных прав, т. е. что подобное нарушение в определенной степени является причиной любой судебной ошибки. Во многих случаях связь эта непосредственная и очевидная, а в иных случаях она может выступать как опосредственная, незаметная.

Если, например, суд отклонил ходатайство подсудимого о вызове свидетеля, который мог подтвердить его алиби, и постановил обвинительный приговор, а подсудимый действительно в преступлении не участвовал, то в этом случае очевидно, что нарушение субъективного процессуального права подсудимого привело к неправосудному приговору. Но возможны и иные ситуации. Допустим, судебное разбирательство прошло без видимых нарушений субъективных процессуальных прав. Подсудимый был осужден, но затем он представил в кассационную инстанцию дополнительные материа-

лы, с учетом которых ему была снижена мера наказания. Основная причина судебной ошибки в данном случае заключается в том, что суд не всесторонне и неполно исследовал материалы дела. В определенной степени причиной ошибки является и нарушение такого субъективного процессуального права подсудимого, как право на защиту. Суд обязан был не только разъяснить подсудимому это право, но и обеспечить его реальное осуществление. Тогда дополнительные материалы, которые подсудимый представил в кассационную инстанцию, оказались бы предметом исследования суда первой инстанции, и это предотвратило бы судебную ошибку.

Исследование связи судебных ошибок с нарушениями субъективных процессуальных прав участников судебного разбирательства, несомненно, имеет большое практическое значение. Поэтому небезынтесно посмотреть, на что жалуются осужденные, какие, по их мнению, суд допускает ошибки при рассмотрении дел по их обвинению.

Аналізу подвергались 409 дел, по которым жалобы осужденных были удовлетворены, т. е. по которым кассационные инстанции отменили или изменили приговоры. По всем этим делам осужденные обратили внимание кассационных инстанций на 994 ошибки, допущенные судами первой инстанции при рассмотрении дел по их обвинению. О характере и соотношении ошибок, отмеченных осужденными в их жалобах, свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Характер судебных ошибок	Количество ошибок	% к общему числу ошибок, отмеченных осужденными
Односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия	104	10,5
Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела	415	41,7
Существенные нарушения уголовно-процессуального закона	34	3,4
Неправильное применение уголовного закона	113	11,4
Несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного	328	33

Интересно привести аналогичные данные, характеризующие ошибки судов, которые были отмечены адвокатами в их жалобах. По 371 делу адвокаты обратили внимание кассационных инстанций на 1033 ошибки, характер которых указан в табл. 3.

Таблица 3

Характер судебных ошибок	Количество ошибок	% к общему числу ошибок, отмеченных адвокатами
Односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия	106	10,3
Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела	485	47
Существенное нарушение уголовно-процессуального закона	17	1,6
Неправильное применение уголовного закона	117	11,3
Несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного	308	29,8

Сопоставление данных табл. 2 и табл. 3 позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего обращает на себя внимание одинаковый характер жалоб осужденных и их защитников. Далее, как подсудимые, так и защитники считают, что наибольшее число судебных ошибок связано с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Более конкретно характер судебных ошибок, которые привели к несоответствию выводов суда фактическим обстоятельствам дела и которые были отмечены в жалобах осужденных, показан в табл. 4.

Таблица 4

Характер судебных ошибок	% к общему числу ошибок (994), отмеченных подсудимыми	% к общему числу ошибок (1033) отмеченных защитниками
Суд не учел обстоятельство, которые могли существенно повлиять на выводы суда	16	10,6
Выводы суда содержали противоречия	22,9	23,7

Если процесс доказывания в уголовном судопроизводстве рассматривать как практическую деятельность, связанную с собиранием доказательств, и умственную, логическую деятельность, связанную с оценкой доказательств, то приведенные данные свидетельствуют о том, что причины многих судебных ошибок кроются именно в этой второй стороне процесса доказывания. По-видимому, на это нужно обратить внимание, совершенствуя судебную деятельность по отправлению правосудия.

И еще один вывод напрашивается из анализа приведенных данных. Вывод о том, что одной из основных причин судебных ошибок является обвинительный уклон в судебной деятельности. Подсудимые и защитники часто приносят жалобы на несправедливость наказания, и жалобы эти удовлетворяются вышестоящими судами. Из 994 судебных ошибок, которые отметили в своих кассационных жалобах подсудимые, 328 (33%) свидетельствуют о несправедливом осуждении. Из 1033 ошибок, отмеченных защитниками, о том же свидетельствуют 308 (29,8%) ошибок. Из 780 дел, по которым приговоры судов были отменены или изменены, вышестоящие суды в 557 случаях отметили суровость меры наказания и в 148 — мягкость меры наказания.

На то, что обвинительный уклон в судебной деятельности представляет собой одну из основных опасностей для правосудия, уже обращали внимание некоторые авторы, проводившие исследования судебных ошибок. Так, И. Л. Петрухин отмечает, что из 1103 подсудимых, в отношении которых были допущены судебные ошибки, 32% полностью отрицали в суде свою вину и приводили в свое оправдание определенные доводы. Однако в 54% случаев, несмотря на то что доводы подсудимых не были опровергнуты, суд вынес обвинительный приговор, а в 46% случаев обстоятельства, указанные подсудимыми в свое оправдание, судом не проверялись или проверялись недостаточно⁹⁸.

В 1971 г. кассационные инстанции изменили 6,2% приговоров вследствие суровости назначенного наказания и, кроме того, 4,3% приговоров в части квалификации содеянного,

⁹⁸ См.: И. Л. Петрухин, Причины судебных ошибок, «Советское государство и право», 1970, № 5, стр. 102; Г. Анашкин, Судебный приговор — важнейший акт социалистического правосудия, «Социалистическая законность», 1969, № 11, стр. 12.

а вследствие мягкости назначенного наказания отменили всего лишь 0,8% приговоров к числу обжалованных и опротестованных приговоров⁹⁹.

Обвинительный уклон в судебной деятельности, как одна из причин судебных ошибок, представляет собой серьезную опасность для правосудия. Совершенно очевидно, что необходима эффективная система мер борьбы с этой причиной судебных ошибок.

Нельзя не обратить внимание и на следующие данные, связанные с выяснением судебных ошибок. По 780 делам судебные ошибки были установлены в 48,6% случаев по жалобам подсудимых и в 44,1% случаев по жалобам их защитников. О том, что судебные ошибки в большей части исправляются по жалобам подсудимых и защитников, свидетельствуют и другие данные. По-видимому, это вполне закономерно, в связи с чем наряду с повышением процессуальной активности других участников процесса, и прежде всего прокурора, следует совершенствовать также гарантии реального обеспечения права подсудимого на обжалование приговора и иных решений по уголовному делу.

С судебными ошибками и необходимостью их исправления связана проблема реабилитации подсудимого.

Подсудимый может быть реабилитирован оправдательным приговором, который выносится в случаях, если не установлено событие преступления, если в деянии подсудимого нет состава преступления, а также если не доказано участие подсудимого в совершении преступления (ст. 43 Основ).

Реабилитация осужденного при наличии тех же оснований возможна решением кассационной или надзорной инстанции о прекращении дела.

Каждое из трех оснований оправдательного приговора имеет совершенно одинаковые юридические последствия в смысле полной реабилитации подсудимого относительно предъявленного ему обвинения. Это не исключает возможность иных различных последствий в отношении оправданного в зависимости от оснований его оправдания.

Действия оправданного могут носить аморальный характер, в них могут содержаться элементы административного, дисциплинарного проступков или гражданского правонарушения. Это может повлечь за собой применение в дальнейшем

⁹⁹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, стр. 33.

к оправданному тех или иных мер административной, дисциплинарной, общественной или гражданско-правовой ответственности.

Исходя из этого, Н. Н. Скворцов полагает, что при оправдании не всегда необходимо полное восстановление доброго имени оправданного. Он возражает против утверждения, что оправдание в любом случае полностью реабилитирует подсудимого и снимает с него всякие подозрения в его возможной виновности¹⁰⁰. С этим нельзя согласиться. Закон предусматривает, что в оправдательный приговор не допускается включение формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного (ст. 314 УПК). Сомнений в невиновности оправданного быть не может. Именно в этом смысле одинаково значение любого основания оправдания, как полной реабилитации обвиняемого (подсудимого). В этом состоит и восстановление его репутации, что, разумеется, не исключает возможность той или иной отрицательной характеристики оправданного, но она не может поколебать вывода суда о невиновности лица, о его полной в связи с этим реабилитации.

Оправдание, независимо от его оснований, всегда должно рассматриваться как именно полная реабилитация обвиняемого (подсудимого).

Реабилитация обвиняемого (подсудимого) в уголовном судопроизводстве означает: а) восстановление невиновного в его прежних правах, нарушенных в связи с привлечением его в качестве обвиняемого; б) несомненное восстановление репутации, доброго имени, необоснованно подвергнувшегося обвинению в совершении преступления.

Оправдание подсудимого влечет за собой отмену всех мер процессуального принуждения и, таким образом, восстановление его в правах, которые были ограничены применением этих мер. Отменяются всякие ограничения, связанные с избранием меры пресечения, отстранением от должности, наложением ареста на имущество и т. д.

Оправданный может требовать восстановления всех его личных и имущественных прав, которые были нарушены необоснованным привлечением его в качестве обвиняемого.

Реабилитация, оправдание подсудимого должны не толь-

¹⁰⁰ Н. Н. Скворцов, Правовые последствия оправдания, «Советское государство и право», 1970, № 9, стр. 110.

ко порождать определенные юридические последствия, но и приносить оправданному известное моральное удовлетворение, исключать всякое сомнение в его невиновности. Именно этим объясняется многолетняя, продолжительная критика в юридической литературе такого основания оправдания и прекращения дела, как «недоказанное участие обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления». В данном случае словесная формулировка основания оправдания не соответствует его юридическому содержанию. Поэтому у самого оправданного и других лиц нередко складывается впечатление, что оправданный в этом случае — это всего лишь «ускользнувший» от ответственности преступник. И никак нельзя согласиться с тем, что такое толкование данной редакции основания для оправдания «является следствием низкого уровня правовой культуры и правового сознания отдельных должностных лиц и граждан»¹⁰¹. Следует заметить, что еще Ф. Энгельс, характеризуя прусское феодальное право, рассматривал оправдание за недоказанностью обвинения как полуоправдание¹⁰². Поэтому правы авторы, предлагающие изменить в действующем законе указанную формулировку одного из оснований оправдания¹⁰³.

Формулировка данного основания оправдания должна отвечать нескольким условиям. Прежде всего, она не должна обязывать суд доказывать невиновность подсудимого, которая не доказывается, а презюмируется. Суд, решая вопрос

¹⁰¹ Г. Резник, Оправдание за недоказанностью, «Советская юстиция», 1969, № 15, стр. 11.

¹⁰² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 111.

¹⁰³ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 175; В. М. Савицкий, По поводу уголовно-процессуальных гарантий права обвиняемого на реабилитацию, «Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 48—52; В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 94—99; В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, «Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству», Труды Иркутского гос. ун-та, серия юридическая, т. 45, вып. 8, ч. 4, Иркутск, 1969, стр. 62—70; Ю. А. Иванов, Некоторые вопросы совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства, «Вестник Московского университета», М., 1967, № 4, стр. 32—34; П. Ф. Пашкевич, Изменять ли процессуальные нормы о судебном приговоре, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 18, М., 1969, стр. 169—171; В. Г. Заблочкий, Основания постановления оправдательного приговора, «Вопросы борьбы с преступностью», Труды Иркутского гос. ун-та, серия юридическая, т. 81, вып. 11, ч. 4, Иркутск, 1971, стр. 125—128.

о виновности подсудимого, исходит из презумпции невиновности. И ничего не меняется от того, что суд имеет дело с лицом, которому предъявлено обвинение в конкретном преступлении. Неверно, что невиновность презюмируется, пока речь идет о лицах, не привлеченных к уголовной ответственности, а затем невиновность нужно доказывать и что это якобы вытекает из требований закона всесторонне и полно исследовать материалы дела, выяснять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства¹⁰⁴. Это требование закона означает, что обвинение всегда должно быть объективным, что, доказывая вину подсудимого, нельзя проходить мимо обстоятельств, оправдывающих его. Но это совсем не означает, что человек считается невиновным, пока не стал обвиняемым, а как только ему предъявлено любое обвинение, на смену презумпции невиновности приходит обязанность доказывать невиновность. Невиновность презюмируется и после предъявления обвинения, пока вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Именно поэтому, перечисляя обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, закон (ст. 68 УПК) называет среди них виновность обвиняемого и не относит к их числу его невиновность.

Это не значит, что в ходе судебного разбирательства невиновность не устанавливается. Она может быть доказана, но важно то, что ее не обязательно доказывать, и именно потому, что она вытекает из презумпции невиновности.

В. Г. Заблоцкий полагает, что суждение о том, что невиновность не доказывается, а презюмируется, отрицательно влияет на судей, так как освобождает их от обязанности подробно и детально разбираться в фактических обстоятельствах дела¹⁰⁵. Это неверно. Правильное понимание презумпции невиновности никак не может препятствовать всестороннему, полному и объективному исследованию материалов дела, скорее ее забвение мешает этому. Из презумпции невиновности, несомненно, вытекает обязанность тщательно обосновывать обвинение, а следовательно, всесторонне, полно,

¹⁰⁴ Я. О. Мотовиловкер, Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим лицо мотивам, «Советское государство и право», 1972. № 9, стр. 83; В. Г. Заблоцкий, Основания постановления оправдательного приговора, стр. 106—107.

¹⁰⁵ См.: В. Г. Заблоцкий, Основания постановления оправдательного приговора, стр. 106—107.

объективно исследовать обстоятельства дела, и если в результате такого исследования обвинение остается недоказанным, то это и означает невиновность лица.

То, что невиновность презюмируется, а не обязательно доказывается, является несомненной гарантией интересов личности и освобождает суд от порой просто невыполнимой процессуальной обязанности. Это должно быть отражено и в формулировке основания оправдания подсудимого.

Далее, такая формулировка должна полностью морально удовлетворять оправданного, не оставляя сомнений в его невиновности и вместе с тем охватывать собой две возможные ситуации: когда недоказанность вины очевидно связана с доказанной невиновностью и когда такой очевидной связи нет. Поэтому представляются неприемлемыми предложенные некоторыми авторами¹⁰⁶ такие формулировки основания оправдания, как «ввиду несовершения обвиняемым того деяния, которое ему вменялось в вину», «за невиновностью обвиняемого», «за непричастностью обвиняемого к совершенному преступлению» и им подобные, которые как бы обязывают суд доказывать невиновность и не охватывают собой те случаи оправдания, когда недоказанная вина не связана очевидно с доказанной невиновностью.

Вряд ли значительно улучшают существующую редакцию основания оправдания (прекращение дела) и такие предложенные формулировки, как «за неустановлением вины подозреваемого или обвиняемого», «за снятием с подсудимого обвинения как необоснованного», «за необоснованностью вывода о совершении преступления подсудимым»¹⁰⁷. Они по-прежнему оставляют некоторую тень сомнения в невиновности оправданного. Получается так, что вина, возможно, и есть, но ее не установили, не обосновали. В этом смысле термины «не установлено», «не обосновано» мало чем отличаются от термина «не доказано». Как верно заметил В. М. Са-

¹⁰⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 175; Ю. А. Иванов, Некоторые вопросы совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства, стр. 33; В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 99.

¹⁰⁷ См.: В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, стр. 68; П. Ф. Пашкевич, Изменять ли процессуальные нормы о судебном приговоре, стр. 169—171; В. Г. Заблоцкий, Основания постановления оправдательного приговора, стр. 127.

вицкий, при подобных формулировках не устраняется внутреннее противоречие между юридическим содержанием основания оправдания и словесной формой его выражения¹⁰⁸.

В. И. Каминская полагает, что решить данный вопрос можно, отказавшись от исчерпывающего перечня оснований оправдания, ограничившись абстрактной редакцией: «Суд оправдывает подсудимого, если установлена необоснованность обвинения»¹⁰⁹. Вряд ли это приемлемо. Прежде всего, нельзя не учитывать, что разные основания оправдания могут повлечь для оправданного различные правовые последствия. Кроме того, к чему двусмысленной, неопределенной формулировкой одного из оснований оправдания заменять все другие основания, которые сравнительно четко и ясно изложены в законе?

Некоторые авторы¹¹⁰, рассматривая данный вопрос, предлагают расширить перечень оснований оправдания (прекращения дела) и предусмотреть в законе в качестве самостоятельных оснований оправдания «доказанную невиновность» и «недоказанную вину». Однако, как уже неоднократно отмечалось в нашей литературе, это еще больше осложнит проблему моральной реабилитации оправданных; к тому же такое решение вопроса не согласуется с задачами доказывания в уголовном судопроизводстве.

Очевидно, сохраняя предусмотренные сейчас законом основания оправдания, следует лишь несколько изменить редакцию их формулировок. В этом прежде всего нуждается п. 3 ст. 309 УПК (п. 2 ст. 208 УПК). В данном случае представляется более приемлемой следующая редакция: «Суд оправдывает подсудимого (дело прекращается) в связи с несостоятельностью предъявленного обвинения». Такая формулировка основания оправдания больше соответствует тем требованиям, которые к ней предъявляются. Она не оставляет сомнений в полной реабилитации лица, так как обвине-

¹⁰⁸ См.: В. М. Савицкий, По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию, «Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 51.

¹⁰⁹ В. И. Каминская, О структурном анализе уголовно-процессуального права, сб. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 14, М., 1971, стр. 38.

¹¹⁰ См.: П. М. Давыдов, Д. Я. Мирский, Прекращение уголовных дел, М., 1963, стр. 63—65; В. Г. Заблоцкий, Основания постановления оправдательного приговора, стр. 122—125.

ние признано несостоятельным, опровергнуто. Несмотря на то, что смысл выражений «необоснованное обвинение», «недоказанное обвинение» и «несостоятельное обвинение» почти одинаков, последнее из них в большей степени отрицает обвинение как ошибочное, бездоказательственное. Первые же два скорее свидетельствуют о недостатках процесса доказывания, а не о порочности самого обвинения.

Предложенная формулировка, кроме того, охватывает собой как случаи, когда несостоятельность обвинения будет очевидно связана с доказанной невиновностью лица, так и случаи, когда такой очевидной связи не будет. Она более приемлема еще и потому, что по своему смыслу обязывает суд проверить обоснованность обвинения исходя из презумпции невиновности подсудимого, а не доказывать его невиновность. В данном случае речь идет не о вине подсудимого и не о том, что не доказано его участие в преступлении или доказана его невиновность, а о том, что обвинение оказалось несостоятельным, бездоказательственным, порочным в своей основе.

Надо полагать, что такая формулировка основания оправдания в большей степени соответствует фактическим обстоятельствам оправдания и интересам полной, в том числе и моральной, реабилитации подсудимого.

Т. Н. Добровольская предлагает закрепить в законе право обвиняемого, оспаривающего свою причастность к преступлению, настаивать на рассмотрении дела в суде и для случаев прекращения дел за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ст. 208 УПК), поскольку такая формулировка реабилитации нередко создает для него известные трудности¹¹¹. В данном случае отмечается все тот же недостаток формулировки п. 2 ст. 208 УПК. Реализация этого предложения мало что изменит в положении реабилитированного лица. Прежде всего необходимо заметить, что судебный процесс не даст ему того удовлетворения, которое он будет в нем искать, возражая против неопределенной формулировки прекращения его дела в стадии предварительного расследования, так как в законе основание оправдания (п. 3 ст. 309 УПК) сформулировано тождественно основанию для прекращения дела (п. 2 ст. 208 УПК).

¹¹¹ См.: Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, стр. 70.

Если обвиняемый возражает против формулировки его реабилитации в виде «недоказанности его участия в совершении преступления», то, видимо, дело не в том, кто — суд или следователь — решит этот вопрос, а в том, чтобы он был правильно решен по существу. Опять все сводится к улучшению редакций п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК.

Кроме того, чем раньше состоится реабилитация лица, привлеченного в качестве обвиняемого, тем это лучше для него и, разумеется, больше соответствует защите и восстановлению его прав. Поэтому если в стадии предварительного расследования уже есть основания для полной реабилитации обвиняемого, то это и должно быть, как правило, осуществлено в стадии предварительного расследования или в стадии предания суду, а не в судебном разбирательстве. Решение данного вопроса в стадиях, предшествующих судебному разбирательству, является гарантией тому, что человек не будет без достаточных к тому оснований предан суду, не окажется подсудимым.

Однако в некоторых случаях допустимо проведение судебного разбирательства в целях реабилитации лица, привлеченного к уголовной ответственности. Так, закон прямо предусматривает возможность ведения уголовного судопроизводства, когда это необходимо для реабилитации умершего (п. 8 ст. 5 Основ).

В принципиальном решении данного вопроса большое значение имеет высказывание В. И. Ленина по одному из уголовных дел: «Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен. Я слышу тут замечания скептические, но во всяком случае надо сказать, что это — точка зрения правильная. Нарекания и сплетни бывают нередко, и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный»¹¹².

Судебная реабилитация прежде всего в силу своей гласности, несомненно, имеет определенные преимущества перед реабилитацией в иных стадиях уголовного судопроизводства. Поэтому одной из задач судебного разбирательства должна являться и реабилитация подсудимого, в отношении которого предъявленное ему обвинение оказалось необоснованным.

¹¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 74.

С проблемой реабилитации невиновного связано право обвиняемого (подсудимого) возражать против прекращения дела по нереабилитирующим основаниям. Это касается не только стадии предварительного расследования, но и стадии судебного разбирательства. Суд обязан прекратить дело при наличии к тому оснований, предусмотренных законом (ст. 259 УПК). Но подсудимый может возражать против прекращения дела, если такое решение суда не реабилитирует его полностью. Это вытекает из презумпции невиновности, из правила о том, что никто не может быть признан виновным иначе как по приговору суда (ст. 13 УПК).

Недопустимость прекращения дела помимо воли подсудимого, несмотря на то что, по мнению суда, для этого есть все основания, служит конкретным проявлением решения проблемы о взаимоотношении интересов правосудия и личности. С точки зрения интересов судопроизводства, может быть, и следует признать в конкретном случае дальнейшее движение дела бесполезным, поскольку есть основания для его прекращения, но интересы личности требуют продолжения процесса. Подсудимый имеет право на признание его виновным или на реабилитацию приговором суда.

В любой стадии уголовного процесса, в том числе и в судебном разбирательстве, уголовное дело может быть прекращено с передачей виновного на поруки, но если подсудимый не считает себя виновным или по каким-либо причинам настаивает на рассмотрении дела в суде, прекращение дела не допускается. Суд обязан продолжить разбирательство дела и постановить приговор (ст. 9 УПК).

Недопустимо прекращение уголовного дела вопреки мнению обвиняемого по мотивам истечения сроков давности и вследствие акта амнистии. Если обвиняемый возражает против прекращения дела по этим основаниям, производство по делу продолжается в обычном порядке и завершается постановлением приговора (ст. 5 УПК).

В любой стадии процесса уголовное дело может быть прекращено по основаниям, указанным в ст. 6 УПК, т. е. если будет признано, что ко времени производства дознания, предварительного следствия или рассмотрения дела в суде в результате изменения обстановки совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным. Несомненно, что

прекращение дела по данному основанию не реабилитирует полностью обвиняемого (подсудимого). Между тем закон не предусматривает право обвиняемого (подсудимого) возражать против прекращения дела по этому основанию. Это ограничивает в определенной степени права и законные интересы обвиняемого (подсудимого), не соответствует в полной мере презумпции невиновности. В отношении указанного основания прекращения дела следует установить то же правило, которое существует при прекращении дела за истечением сроков давности или вследствие акта амнистии, т. е. не допускать прекращения дела и по данному основанию, если обвиняемый (подсудимый) против этого возражает¹¹³.

Необходимо отметить и некоторое несоответствие процессуальных норм, касающихся решения судом вопроса о применении в судебном разбирательстве ст. 6 УПК. Так, в ст. 259 УПК предусмотрено, что в судебном разбирательстве при наличии оснований, указанных в ст. 6 УПК, дело подлежит прекращению, а в ст. 309 УПК сказано, что при тех же основаниях суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания¹¹⁴. Правилу, изложенному в ст. 309 УПК, следует отдать предпочтение. Им необходимо руководствоваться и когда обвиняемый (подсудимый) возражает против прекращения дела по основаниям, указанным в ст. 6 УПК.

В целях расширения прав личности следует поддержать предложение¹¹⁵ о необходимости предусмотреть в законе общее правило, согласно которому уголовное дело не может

¹¹³ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 171; Научно-практический комментарий УПК РСФСР, М., 1970, стр. 16; А. Чувилев, Б. Безлепкин, Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, «Социалистическая законность», 1972, № 6, стр. 28—29.

¹¹⁴ Такое несоответствие возникло после того, как ст. 259 УПК была дополнена некоторыми основаниями для прекращения дела в судебном разбирательстве. Устранить его можно, исключив из ст. 259 УПК ссылку на ст. 6 УПК. Прекращение дела по основаниям, предусмотренным ст. 6 УПК, должно осуществляться в стадиях, предшествующих судебному разбирательству. В суде же всестороннее обсуждение и правильное решение данного вопроса в большей степени обеспечивается правилом, изложенным в ст. 309 УПК.

¹¹⁵ См.: В. М. Савицкий, По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию, «Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 54; В. З. Лукашевич, указ. соч., стр. 106.

быть прекращено по основаниям, полностью не реабилитирующим обвиняемого (подсудимого), если он не считает себя виновным или по каким-либо причинам настаивает на рассмотрении дела в суде. Такое правило вытекает из презумпции невиновности и полностью соответствует требованию, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда.

Реабилитация невиновного требует не только восстановления его репутации и прежних прав, но и возмещения вреда, возникшего в результате необоснованного привлечения его к уголовной ответственности.

Возмещение имущественного вреда, причиненного неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, является несомненной гарантией прав и законных интересов личности.

Такой вред может быть причинен различными процессуальными действиями и решениями органов предварительного расследования и суда: задержанием, заключением под стражу, изъятием имущества, отстранением от должности, привлечением в качестве обвиняемого, осуждением и т. д.

За вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом (ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства, ст. 447 ГК РСФСР). Закон, регулирующий эти отношения, пока не принят, и поэтому на практике возникают всякого рода осложнения при решении вопросов, связанных с возмещением вреда необоснованно привлеченным к уголовной ответственности ¹¹⁶.

¹¹⁶ Необходимость принятия такого закона неоднократно отмечалась в юридической литературе (см.: В. М. Савицкий, Е. А. Флейшиц, Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 11—18; Н. С. Малеин, Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями работника милиции, «Советское государство и право», 1967, № 1, стр. 132; М. Г. Маркова, Ответственность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, «Правоведение», 1969, № 4, стр. 108; Н. И. Скворцов, Правовые последствия оправдания, «Советское государство и право», 1970, № 9, стр. 109).

В настоящее время суды иногда рассматривают дела лишь о возмещении вреда, который непосредственно причинен имуществу лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности. Такой вред порой причиняется в связи с описью и изъятием у обвиняемых имущества как вещественного доказательства, а также в обеспечении гражданского иска или возможной конфискации имущества. Причем суды руководствуются в подобных случаях общими правилами гражданского законодательства (ст. ст. 444—446 ГК РСФСР), поскольку нет специальных правил, регулирующих условия и порядок возмещения такого вреда. Вряд ли такое применение законодательства можно признать правильным. К тому же возмещаться должен не только вред, связанный с непосредственным причинением ущерба имуществу, но и вред, возникший в результате необоснованного заключения под стражу, отстранения от должности, осуждения и т. д. Поэтому заслуживают особого внимания высказанные в печати предложения относительно условий и порядка возмещения вреда, причиненного необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Интересные и полезные соображения изложены по данному вопросу В. М. Савицким и Е. А. Флейшиц¹¹⁷.

Право на возмещение вреда должно принадлежать всем оправданным, независимо от мотивов оправдания, а также лицам, в отношении которых уголовное дело прекращено по реабилитирующим их основаниям.

В. М. Савицкий и Е. А. Флейшиц правильно считают, что такое право не должно возникать у лиц, которые своими незаконными действиями препятствовали выяснению истины по делу. Вероятно, не следует в определенных случаях наделять этим правом и лиц, которые препятствовали выяснению обстоятельств дела, несмотря на то что их действия и не были незаконными. Так, если, например, обвиняемый (подсудимый) «изобличал» себя в преступлении, которого он не совершал, а позже был реабилитирован, то, надо полагать, у него нет морального права и не должно быть юридического на возмещение вреда в результате необоснованного привлечения его к уголовной ответственности.

Возмещение вреда должно быть связано не только с необоснованным осуждением, задержанием или заключением

¹¹⁷ См.: «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 11—18.

под стражу, но и с иными незаконными и необоснованными действиями и решениями органов расследования и суда, например необоснованным отстранением обвиняемого от должности, помещением в медицинское учреждение и т. д.

В юридической литературе высказаны различные мнения о влиянии на возмещение вреда вины должностных лиц, допустивших неправильные служебные действия. Так, М. Г. Маркова полагает, что имущественная ответственность тех или иных органов возможна лишь при наличии вины должностного лица, допустившего неправильные служебные действия¹¹⁸. Более правильным следует признать мнение В. М. Савицкого и Е. А. Флейшиц, что такая ответственность должна наступать за любое, а не только за виновное причинение вреда¹¹⁹. В этом должно состоять одно из особых условий возмещения вреда лицу, необоснованно привлеченному к уголовной ответственности, а затем реабилитированному. С точки зрения его интересов не имеет никакого значения, умышленно или неумышленно или по какой-либо иной причине он был необоснованно привлечен к уголовной ответственности, заключен под стражу и т. д. Независимо от всего этого он рассчитывает на возмещение причиненного ему вреда, и такой интерес лица следует признать законным.

Вопрос о вине конкретного должностного лица необходимо обсуждать лишь при рассмотрении предъявленного к нему регрессного иска.

Вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, подлежит полному возмещению. Определенное препятствие к этому Н. Н. Скворцов видит в указании закона на то, что ответственность за такой вред наступает в «пределах», специально предусмотренных законом¹²⁰. Указание на это закона совсем не означает предопределения вопроса о введении в данном случае ограниченной имущественной ответственности. Указанием пределов ответственности может явиться и положение закона о том, что вред подлежит возмещению в полном объеме¹²¹.

¹¹⁸ См.: «Правоведение», 1969, № 4, стр. 108.

¹¹⁹ См.: «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 14.

¹²⁰ См.: Н. Н. Скворцов, Правовые последствия оправдания, «Советское государство и право», 1970, № 9, стр. 109.

¹²¹ См.: Комментарий к ГК РСФСР, под ред. Е. А. Флейшиц и О. С. Иоффе, М., 1970 стр. 672.

Полное возмещение причиненного вреда лицу, необоснованно привлеченному к уголовной ответственности, а затем реабилитированному, будет содействовать не только защите прав и законных интересов личности, но и повышению чувства ответственности должностных лиц за их служебные, процессуальные действия. Несомненно, в этом выражается определенное единство интересов личности и правосудия.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА ПОДСУДИМОГО

*Право подсудимого знать,
в чем его обвиняют
и на основании
каких материалов*

Закон предоставляет подсудимому возможность знать, в чем он обвиняется и на основании каких материалов (ст. 21 Основ, ст. 46 УПК).

Право это обеспечено рядом процессуальных гарантий. К их числу необходимо отнести прежде всего вручение подсудимому копии обвинительного заключения. В обвинительном заключении изложены выводы предварительного расследования о событии преступления, вине подсудимого, о доказательствах обвинения, о юридической квалификации действий подсудимого. Обвинительное заключение приводит в определенную систему все материалы предварительного следствия, оно дает возможность подсудимому лучше понять содержание обвинения.

Копия обвинительного заключения вручается подсудимому судом после того, как состоится предание обвиняемого суду. Своевременное вручение подсудимому этой копии должно обеспечить ему возможность тщательно разобраться в содержании обвинения и подготовиться к своей защите в суде. Рассмотрение дела в судебном заседании не может быть начато ранее трех суток с момента вручения подсудимому копии обвинительного заключения (ст. ст. 237, 271 УПК). В под-

готовительной части судебного заседания председательствующий должен уточнить дату вручения подсудимому копии обвинительного заключения и, если окажется, что с момента ее вручения, не считая дня вручения, прошло менее трех суток, разбирательство дела должно быть отложено. Отступление от этого правила недопустимо даже по просьбе самого подсудимого.

Если при решении вопроса о предании суду изменены обвинение, или мера пресечения, или список лиц, подлежащих вызову в суд, то подсудимому вручается также копия определения суда или постановления судьи (ст. 237 УПК).

Если подобные изменения внес в обвинительное заключение своим постановлением прокурор, то, хотя это законом и не предусмотрено, вероятно, следует вручать подсудимому и копию такого постановления прокурора. Во всех случаях внесения в обвинительное заключение тех или иных изменений подсудимому необходимо вручать копии процессуальных документов, которыми были осуществлены такие изменения, иначе подсудимый получит неправильную информацию об обстоятельствах, связанных с его обвинением. А это может помешать его подготовке к судебному разбирательству, отрицательно отразиться на реальном осуществлении права на защиту.

На практике возник вопрос о необходимости вновь вручать подсудимому копию обвинительного заключения с соответствующими приложениями при повторном рассмотрении в суде дела после отмены приговора вышестоящим судом. Нередко первоначальное и повторное рассмотрение дела в суде разделяет значительный промежуток времени и у подсудимых не сохраняется копии обвинительного заключения. Если им вновь не вручить ее, то это осложнит их участие в судебном заседании, затруднит осуществление права на защиту. В законе следовало бы особо оговорить необходимость и в этом случае вручать подсудимым по их просьбе копию обвинительного заключения. Вероятно, можно рекомендовать судам поступать так и в настоящее время.

В тех случаях, когда предварительное расследование не проводится и обвинительное заключение не составляется, подсудимый также должен быть ознакомлен с сущностью предъявленного ему обвинения.)

По делам о преступлениях, предусмотренных статьями

112, 130 частью первой и 131 УК РСФСР, если по ним не проводилось предварительное следствие или дознание, подсудимому вручается копия заявления потерпевшего (ст. 237 УПК). Заявление потерпевшего, с которым он обращается в суд в порядке частного обвинения о привлечении лица к уголовной ответственности, становится процессуальным документом, где формулируется сущность обвинения. На практике подобные заявления излагаются порой очень небрежно, так, что из них бывает трудно понять сущность обвинения. Установить определенные требования к содержанию таких заявлений невозможно, так как это могло бы поставить в затруднительное положение лиц, потерпевших от преступления, и определенным образом стеснить их право обращаться в суд с заявлением о преступлении, о защите своих интересов. Но не стесняя прав потерпевших, нужно обеспечить и право подсудимого знать, в чем его конкретно обвиняют. Это возможно лишь в том случае, если обвинение будет четко и ясно сформулировано. Поэтому народным судьям необходимо тщательно разобраться в заявлении потерпевшего, и если оно неудачно оформлено, дополнительно более четко изложить его в протоколе.

Нередко подобные заявления для потерпевших составляют адвокаты. От них, разумеется, можно потребовать полного изложения в жалобе действий обвиняемого, образующих состав определенного преступления, доказательств, на основании которых они могут быть установлены, а также указания соответствующей юридической квалификации этих действий.

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела по жалобе потерпевшего и о предании обвиняемого суду, судье следует коротко изложить в постановлении сущность обвинения. На практике в таких постановлениях в лучшем случае указывают лишь поводы и основания для возбуждения дела. Если, кроме того, в постановлении дать формулировку обвинения, то это точнее укажет пределы судебного разбирательства, позволит подсудимому уяснить сущность предъявленного ему обвинения. По данной категории дел для того, чтобы в большей степени обеспечить право подсудимого знать, в чем его обвиняют, следовало бы предусмотреть в законе вручение ему наряду с копией заявления потерпевшего также копии постановления судьи о возбуждении уголовного дела и предании обвиняемого суду.

Дела о хулиганстве, предусмотренном частью первой ст. 206 УК РСФСР, возбуждаются судьей (судом) одновременно с решением вопроса о предании правонарушителя суду на основании тех материалов, которые с санкции прокурора поступили в суд от органов дознания (ст. 419 УПК). По этим делам подсудимому не вручается какой-либо процессуальный документ, из которого он узнал бы еще до начала судебного разбирательства, в чем его обвиняют. На основании ст. 238 УПК ему направляется судебная повестка с указанием, что он вызывается в суд в качестве подсудимого по обвинению в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 206 УК РСФСР.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью» дал судам указание, что о своем решении возбудить уголовное дело и предать правонарушителя суду они должны сообщать подсудимому¹. Выполнить это указание вручением подсудимому одной судебной повестки невозможно. Для этого необходимо направить подсудимому копию постановления судьи или определения суда о возбуждении уголовного дела и предании правонарушителя суду. Быстрота и эффективность борьбы с хулиганством от этого не пострадают, зато в большей степени будет обеспечено право подсудимого знать, в чем он обвиняется, и его право на защиту.

Право подсудимого знать, в чем он обвиняется и на основании каких материалов, гарантируется возможностью для него ознакомиться со всеми материалами уголовного дела.

После предания обвиняемого суду судья обязан обеспечить подсудимому возможность знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения (ст. 236 УПК). Правом этим подсудимый пользуется независимо от того, что с материалами уголовного дела он уже ознакомился в стадии предварительного расследования при выполнении требований ст. 207 УПК. Учитывая последнее, подсудимые редко знакомятся с материалами дела после предания их суду, но в определенной степени это объясняется и тем, что они просто не знают о такой возможности, так как

¹ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 269.

им никто не разъясняет это их право — ни следователь, ни суд. Как уже отмечалось, в стадии предания суду следовало бы разъяснять подсудимому процессуальные права, которые принадлежат ему с момента предания его суду. 3

Суд должен обеспечить все необходимые условия для того, чтобы подсудимый при его желании мог ознакомиться в суде с материалами дела. Нельзя ограничивать для подсудимого время ознакомления с делом, а также возможность делать из него необходимые выписки. Только когда подсудимый злоупотребляет своим правом и умышленно затягивает рассмотрение дела, суд может установить ему определенное время для ознакомления с делом. 4

Право подсудимого знать, в чем его обвиняют и на основании каких материалов, реализуется и в ходе судебного разбирательства. Этому, в частности, содействует оглашение в судебном заседании обвинительного заключения и разъяснение в необходимых случаях подсудимому сущности обвинения (ст. 278 УПК).

Иногда в процессе судебного разбирательства подсудимые обращаются к суду с просьбой предоставить им возможность дополнительно ознакомиться с материалами дела. Отклонение подобных ходатайств лишь на том основании, что подсудимому предоставлялась возможность ознакомиться с делом как в стадии предварительного расследования, так и после предания его суду, недопустимо. Если дело сложное, если такое ходатайство продиктовано интересами установления истины, а не попыткой сознательно затянуть процесс, суд должен удовлетворить его. Для дополнительного ознакомления подсудимого с материалами дела суд может специально объявить перерыв или использовать перерывы в судебном заседании, объявленные по иным причинам.

Право обвиняемого знать, в чем и на основании каких материалов он обвиняется, принадлежит ему и в стадии предварительного расследования. Суд обязан убедиться в том, что это право обвиняемого не было нарушено. В частности, он должен проверить, было ли обеспечено соблюдение требований ст. ст. 148, 154 УПК о предъявлении обвинения и ст. 201 УПК об ознакомлении обвиняемого с материалами окончательного расследования. Отступление от требований этих статей УПК является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое влечет за собой возвращение дела для дополнительного расследования. 7 2 4

*Право подсудимого
участвовать
в судебном разбирательстве*

Одной из наиболее эффективных гарантий защиты прав и законных интересов подсудимого является его непосредственное участие в судебном разбирательстве уголовного дела по обвинению его в совершении преступления. Закон предоставляет подсудимому это право (ст. 46 УПК) и не допускает рассмотрение в суде дела без него, вопреки его желанию. Для того чтобы подсудимый мог реально воспользоваться этим своим правом, суд обязан известить его о времени и месте судебного разбирательства (ст. 238 УПК). Подсудимый вызывается в судебное заседание повесткой, которая направляется ему одновременно с копией обвинительного заключения.

Желание подсудимого принять участие в судебном разбирательстве обязательно для суда. Нарушение права подсудимого на участие в судебном заседании и рассмотрение дела в отсутствие подсудимого является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое влечет за собой отмену приговора (ст. ст. 342, 345 УПК).

Верховный Суд СССР обращал внимание судов на то, что существенным нарушением форм судопроизводства является слушание дела в отсутствие подсудимого, которому не была вручена повестка с вызовом его в судебное заседание², и неоднократно подчеркивал недопустимость, как правило, заочного рассмотрения дела в отношении подсудимого³.

Некоторым ограничением права подсудимого на участие в судебном заседании является возможность удаления его из зала судебного заседания в случаях, предусмотренных законом. Удаление подсудимого из зала судебного заседания допустимо за нарушение им порядка в ходе судебного разбирательства (ст. 263 УПК), а также когда этого требуют интересы установления истины по делу или это необходимо в вос-

² См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938 — 1969 гг.)», М., 1971, стр. 382.

³ См. там же, стр. 317; см. также: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946 — 1962 гг.», М., 1964, стр. 201—202.

питательных целях. Так, подсудимый может быть удален из зала судебного заседания на время допроса другого подсудимого или свидетеля (ст. ст. 280, 285 УПК). Несовершеннолетний подсудимый может быть удален из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, могущих отрицательно повлиять на него (ст. 401 УПК).

Удаление подсудимого из зала судебного заседания является исключительной мерой и прибегать к ней допустимо лишь в крайнем случае. Предварительно следует принять все возможные меры для того, чтобы обойтись без удаления подсудимого из зала судебного заседания. Но, признав удаление необходимым, суд должен вынести мотивированное определение с указанием оснований, руководствуясь которыми он принимает такое решение.

Из права подсудимого на участие в судебном разбирательстве вытекает и его право просить суд о разбирательстве дела в его отсутствие. Однако просьба эта не всегда может быть удовлетворена судом, так как закон не только предусмотрел и гарантировал подсудимому право участвовать в судебном заседании, но и в определенных случаях закрепил это как его обязанность.)

Просьба подсудимого о заочном рассмотрении дела должна соответствовать его желанию. Она не может быть заменена просьбой защитника и других лиц. Если подсудимый и выразил такую просьбу, но она вызвана не тем, что он действительно не хотел бы участвовать в судебном заседании, а иными причинами, например болезнью, командировкой по работе и т. п., то суд не вправе рассматривать дело без подсудимого. Судебное заседание должно быть отложено, а подсудимому обеспечена возможность участвовать в судебном разбирательстве.

Недопустимо заочное рассмотрение дела и в отношении тех подсудимых, которые отказываются явиться в судебное заседание, мотивируя это теми или иными нарушениями их прав. Так, по одному из дел подсудимый отказался явиться в суд в связи с тем, что некоторые свидетели не были допрошены по делу. Верховный Суд РСФСР в данном случае указал, что «рассмотрение дела судом в отсутствие подсудимого, когда это не предусмотрено законом, является грубым

нарушением норм УПК РСФСР и влечет за собой безусловную отмену приговора»⁴.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному решает вопрос о возможности удовлетворения просьбы подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие. По УПК Таджикской ССР удовлетворение такого ходатайства подсудимого возможно по любому делу (ст. 246). Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и некоторых других республик допускают это лишь по делам о преступлениях, за которые не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (ст. 246 УПК). По законодательству ряда республик рассмотрение в суде дела в отсутствие подсудимого допускается лишь в одном случае — когда подсудимый находится вне пределов СССР и уклоняется от явки в суд⁵. Такое решение вопроса больше соответствует правильному сочетанию прав и обязанностей подсудимого, а также его интересов и задач правосудия. Отсутствие подсудимого в судебном заседании, когда решается вопрос о его вине и наказании, вряд ли отвечает прежде всего его собственным интересам, не говоря уже о том, что это может отрицательно отразиться на установлении истины по делу и решении задач правосудия. Поэтому суды не должны допускать заочного рассмотрения дел в отношении подсудимых.

Право же подсудимого на участие в судебном разбирательстве необходимо понимать как предоставленную ему возможность всегда и в любом случае участвовать (а не просто присутствовать) в судебном заседании, т. е. своими процессуальными действиями активно способствовать установлению истины по делу и правильному решению всех вопросов, связанных с осуществлением правосудия.

Право это находит свое конкретное выражение в ряде иных вытекающих из него процессуальных прав подсудимого.

⁴ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 4, стр. 15.

⁵ См.: ст. 245 УПК БССР, ст. 228 УПК Казахской ССР и аналогичные статьи УПК некоторых других союзных республик.

Право подсудимого на гласный суд

Статья 111 Конституции СССР устанавливает, что «разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту».

Гласность является одним из важнейших принципов социалистического правосудия, его демократической чертой. Она создает предпосылки для выполнения воспитательной задачи суда и служит эффективным средством общественного контроля за судебной деятельностью. Гласность правосудия является определенной гарантией законности, обоснованности и справедливости приговора, гарантией прав и законных интересов подсудимого.

Поэтому, рассматривая принцип гласности правосудия, в определенном смысле можно говорить и о праве подсудимого на гласный суд. Подсудимый имеет право на то, чтобы дело по обвинению его рассматривалось открыто, в условиях широкого общественного контроля за осуществлением правосудия. Это его право тесно связано с правом на защиту, о чем, в частности, свидетельствует закрепление гласности правосудия и права на защиту в одной и той же статье Конституции СССР. В условиях закрытого, негласного суда больше возможностей для незаконных действий, нарушения прав и законных интересов подсудимого.

На практике суды редко проводят закрытые судебные заседания, вернее, редко принимают об этом соответствующие решения, но фактически судебные заседания, на которые всем желающим бывает трудно попасть, не такая уж редкость. Иногда судьи проводят судебные заседания в тесных комнатах, где не всегда могут разместиться даже все участники процесса. Во многих судах залы судебных заседаний не отвечают необходимым требованиям. Некоторые же судьи, несмотря на наличие залов судебных заседаний, предпочитают по тем или иным причинам рассматривать дела в своих служебных кабинетах.

Гласность судебного разбирательства во многом зависит от уровня организационной работы судов, но следует и в законе предусмотреть ее дополнительные процессуальные га-

рантии. Можно было бы в ст. 345 УПК указать, что приговор суда подлежит отмене, если суд отступил от гласности судебного разбирательства, за исключением тех случаев, когда в соответствии с законом допустимо проведение закрытого судебного заседания. Такое заседание проводится, например, когда необходимо обеспечить охрану государственной тайны и, кроме того, когда это признает необходимым суд по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях и по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц (ст. 12 Основ).

Право подсудимого на гласный суд заключается в том, что он может возражать против рассмотрения дела по его обвинению с отступлением от принципа гласности, например в кабинете судьи, а не в зале судебного заседания. Он может возражать также против ходатайств других участников судебного разбирательства о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.

*Право подсудимого
выступать в суде
на родном языке*

Судопроизводство в СССР ведется на языке союзной или автономной республики, автономной области или национального округа либо на языке большинства местного населения (ст. 110 Конституции СССР, ст. 11 Основ, ст. 17 УПК). Этот принцип судопроизводства выражает демократизм национальной политики социалистического государства. От того, как решается вопрос о языке судопроизводства, зависит обеспечение гласности правосудия, доступности суда для населения, гарантий прав и законных интересов участников судопроизводства.

Подсудимый, не владеющий языком, на котором ведется судопроизводство, имеет право делать заявления, давать показания, выступать в суде и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика. За-

кон связывает данное право с одним непременным условием: подсудимый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство. В иных случаях он должен пользоваться не родным языком, а тем, на котором ведется судопроизводство.

Т. Н. Добровольская предлагает предусмотреть в законе право каждого участника процесса выступать в суде на своем родном языке без всяких ограничений, так как это полнее обеспечивало бы национальное равноправие участников процесса, а иное решение данного вопроса, по ее мнению, означало бы известное предпочтение одному языку перед другим⁶. С этими соображениями можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство. В данном случае не учитывается, что язык, как средство человеческого общения, в условиях судопроизводства должен способствовать взаимопониманию. Если все участники процесса говорят на одном языке, то они успешнее понимают друг друга. Это облегчает выяснение всех обстоятельств дела, установление истины. Какой смысл участнику процесса, в совершенстве владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, говорить в суде на другом языке, в том числе и на родном? Эффект от этого будет только отрицательный. Придется преодолевать искусственно созданные трудности, связанные с необходимостью точного перевода и участием в процессе переводчика. Несомненно, что сам факт участия в судебном разбирательстве переводчика усложняет исследование доказательств и как бы расширяет возможности ошибок в восприятии фактов и их оценке.

Другое дело, когда участник процесса не владеет в совершенстве языком, на котором ведется судопроизводство. В этом случае его право выступать в суде на родном языке вытекает из той же необходимости создать наиболее благоприятные условия для исследования доказательств. Если участник процесса будет говорить в суде на языке, которым он плохо владеет, то это затруднит установление истины.

Поэтому в решении вопроса о языке судопроизводства следует исходить не только из необходимости обеспечить национальное равноправие участников процессов, но и из необходимости обеспечить наиболее благоприятные условия познания истины.

⁶ См.: Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 98—99.

На практике возможен случай, когда подсудимый забыл свой родной язык и не владеет тем, на котором ведется судопроизводство. Несомненно, ему будет предоставлена возможность говорить на том языке, которым он владеет в совершенстве, однако возможность эта законом не предусмотрена. В ст. 17 УПК следовало бы указать, что лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, могут выступать в суде на родном или ином языке, которым они владеют.

Иногда на практике возникают затруднения с решением вопроса о том, владеет ли подсудимый языком, на котором ведется судопроизводство. Владеть языком — это значит свободно говорить на этом языке и легко его понимать. Судьи же порой лишают возможности выступать на родном языке и пользоваться услугами переводчика лиц, понимающих язык, на котором ведется судопроизводство, но не владеющих им в совершенстве. Это недопустимо. Конечно, возможны и со стороны подсудимого злоупотребления своим правом. Владея языком, на котором ведется судопроизводство, он может отказать себе в праве говорить в суде на этом языке. Но это бывает редко. Во всяком случае, если подсудимый настаивает разрешить ему выступать на родном языке, мотивируя это тем, что другим языком он в достаточной степени не владеет, такое ходатайство должно быть удовлетворено. Ему должна быть также обеспечена возможность пользоваться услугами переводчика. Иное решение может отрицательно отразиться на всем ходе судебного разбирательства, нарушить право подсудимого на защиту, помешать установлению истины, вынесению справедливого приговора.

Подсудимый имеет право пользоваться услугами переводчика и для полного ознакомления со всеми материалами уголовного дела. Следует заметить, что это право участника уголовного судопроизводства более четко сформулировано в Конституции СССР, чем в уголовно-процессуальном законодательстве. В ст. 110 Конституции СССР предусмотрено для лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, право «полного ознакомления с материалами дела через переводчика». Такой формулировки нет в ст. 11 Основ и в соответствующих статьях уголовно-процессуальных кодексов большинства союзных республик⁷.

⁷ В ст. 11 УПК Узбекской ССР содержится формулировка данного вопроса, аналогичная формулировке его в Конституции СССР.

Если в материалах дела имеются документы, составленные на языке, которым не владеет подсудимый, или такие документы были представлены участниками процесса в ходе судебного разбирательства, суд обязан ознакомить подсудимого через переводчика с содержанием этих документов. Такая обязанность суда и соответствующее право участников процесса вытекают из ст. 11 Основ и аналогичных статей УПК союзных республик, но их следовало бы более четко сформулировать в этих нормах, так как это предусмотрено в ст. 110 Конституции СССР.

С правом подсудимого выступать в суде на родном языке связано и его право получать процессуальные документы в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет (ст. 11 Основ, ст. 17 УПК).

Законом предусмотрено обязательное вручение подсудимому некоторых процессуальных документов. Так, подсудимому вручается копия обвинительного заключения (ст. 237 УПК), повестка о вызове в суд (ст. 238 УПК), копия приговора (ст. 320 УПК), копия определения о прекращении дела (ст. 234 УПК), копия протеста прокурора и жалобы потерпевшего (ст. 327 УПК). Все эти документы должны быть переведены на язык, которым владеет подсудимый (осужденный), и лишь после этого вручены ему судом.

Право подсудимого выступать в суде на родном языке и пользоваться услугами переводчика является очень важной гарантией его права на защиту и гарантией успешного осуществления правосудия. Именно поэтому Верховный Суд СССР, отмечая, что «в ряде случаев не выполняется требование закона о предоставлении переводчика подсудимому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство»⁸, неоднократно обращал внимание судов на то, что обеспечение переводчиком подсудимого, не владеющего языком, на котором ведется судебное разбирательство, является одним из основных конституционных принципов советского правосудия, несоблюдение которого влечет за собой отмену приговора⁹.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 255.

⁹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 252, 263, 316, 386—387.

Право давать показания на своем родном языке и пользоваться услугами переводчика принадлежит обвиняемому и в стадии предварительного расследования. Суд должен убедиться в том, что это право обвиняемого не было нарушено, так как в противном случае дело не может быть рассмотрено в судебном заседании. Нарушение этого права подсудимого является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим за собой возвращение дела для дополнительного расследования. Верховный Суд СССР указывал, что «суд не может принять к своему производству дело, по которому на предварительном следствии было нарушено требование закона об участии переводчика, а также право обвиняемого давать показания на своем родном языке»¹⁰.

*Право подсудимого
на отвод судьи
и других участников
судебного разбирательства*

Одной из гарантий справедливого приговора в отношении подсудимого является такой состав суда и некоторых других участников процесса, который мог бы в большей степени обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Именно поэтому в законе предусмотрены обстоятельства, исключающие для тех или иных лиц возможность участия в уголовном судопроизводстве, а подсудимому и отдельным участникам процесса предоставлено право их отвода.

Право подсудимого на отвод лиц, от процессуальных действий и решений которых зависит законность и обоснованность приговора, является существенной гарантией его субъективных прав. Необходимо подчеркнуть, что это право связано с возможностью отвода лишь определенных лиц, а не любого участника судебного разбирательства. Так, по закону

¹⁰ «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 19; см. также: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 26—28.

отвод возможен в отношении судьи, народного заседателя, прокурора, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика (ст. 18 Основ, ст. ст. 61, 63, 65, 66, 66¹, 67 УПК).

Таким образом, отвод допустим в отношении лиц, чьи процессуальные действия или принимаемые ими решения влияют или могут повлиять на исход дела. Вместе с тем такой отвод недопустим в отношении лиц, показания которых являются источником доказательств, так как это могло бы отразиться на установлении истины по делу.

Следует отметить, что процессуальное законодательство большинства союзных республик не предусматривает возможность отвода всех тех участников судебного разбирательства, в отношении которых отвод был бы необходим при наличии соответствующих обстоятельств. Так, УПК большинства союзных республик не предусматривают отвод общественных обвинителей и общественных защитников. Несомненно, что их деятельность может повлиять на тот или иной исход дела, поэтому в качестве общественных обвинителей и общественных защитников — выразителей в суде общественного мнения о подсудимом и его действиях — должны выступать лица, которые могли бы объективно и правильно передать суду это общественное мнение и, кроме того, своим участием в судебном разбирательстве способствовать объективному исследованию материалов дела. И если есть обстоятельства, которые порождают сомнения в объективности тех или иных лиц, выступающих в качестве общественных обвинителей или защитников, то в целях более успешного осуществления правосудия их следовало бы отвести из процесса.

В юридической литературе высказаны соображения о том, что суд при обсуждении вопроса об участии общественного обвинителя и общественного защитника в судебном заседании может, учитывая определенные обстоятельства, не допустить конкретное лицо в процесс в качестве общественного обвинителя или общественного защитника и рекомендовать общественной организации или коллективу трудящихся выделить другое лицо в качестве их представителя¹¹. Но, во-первых, подобные действия, хотя и вытекают из закона, но непосредственно им не предусмотрены. А, во-вторых, право

¹¹ См.: Научно-практический комментарий УПК РСФСР, под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, стр. 43—44.

суда принимать такое решение в отношении общественных обвинителей и общественных защитников не решает всей проблемы их отвода. Необходимо иметь в виду, что обстоятельства для отвода общественных обвинителей и общественных защитников могут быть установлены после того, как будет принято решение об их допуске в судебное заседание. Кроме того, право заявлять им отвод должно принадлежать некоторым участникам судебного разбирательства, в том числе и подсудимому. Следует признать более правильным решение этого вопроса в Уголовно-процессуальном кодексе Украины, который предусматривает обстоятельства, исключающие участие в деле лица в качестве общественного обвинителя или общественного защитника, а также право участников судебного разбирательства ходатайствовать об их отстранении от участия в деле (ст. ст. 59, 61 УПК УССР).

Процессуальная деятельность общественных обвинителей и общественных защитников в большей степени и прежде всего касается подсудимого, и ему, несомненно, должно принадлежать право заявлять ходатайство об их отводе. Причем подсудимый должен иметь право заявлять отвод не только общественному обвинителю, но и общественному защитнику. Общественный защитник представляет общественную организацию, а не подсудимого. Поэтому последний не может отказаться от общественного защитника, как это он вправе сделать по отношению к защитнику, избранному им самим. Но на практике возможны случаи, когда именно подсудимый сможет указать на обстоятельства, вызывающие сомнения в объективности общественного защитника, например неприязненные отношения между ним и лицом, которому коллектив поручил выступать в суде в качестве его общественного защитника. Надо полагать, что право подсудимого в подобных случаях заявить отвод лицу, а также возможность суда удовлетворить такой отвод будут на пользу правосудию.

В уголовно-процессуальном законе предусмотрены конкретные обстоятельства, исключающие возможность участия в судебном заседании судьи, прокурора, секретаря судебного заседания, переводчика, специалиста, эксперта (ст. ст. 59, 60, 66, 67 УПК). Так, указанные лица подлежат отводу, если они участвовали или участвуют в процессе в качестве иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности (потерпев-

шего, свидетеля, эксперта и т. д.) или являются их родственниками. Общий смысл всех этих конкретных обстоятельств, исключающих возможность участия в судебном разбирательстве, как видно, состоит в том, что они свидетельствуют о возможной необъективности судьи, прокурора и других лиц, подлежащих отводу.

Исключают возможность участия в судопроизводстве и иные обстоятельства, дающие основания считать, что лицо, подлежащее отводу, прямо или косвенно заинтересовано в деле (п. 3 ст. 59 УПК). Но основаниями для отвода должны быть обстоятельства, указывающие не только на возможную личную заинтересованность судьи, прокурора и других лиц, подлежащих отводу, в исходе дела, но и на их возможную необъективность при рассмотрении дела. Соответствующее уточнение следовало бы внести в закон.

В начале подготовительной части судебного разбирательства председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является обвинителем, защитником, секретарем суда, кто вызван в качестве эксперта, специалиста, переводчика, и разъясняет подсудимому и другим участникам судебного разбирательства их право заявить отвод составу суда или кому-либо из судей, прокурору, секретарю, эксперту, специалисту и переводчику (ст. 272 УПК). Если по делу назначен запасной народный заседатель, то ему также может быть заявлен отвод.

Председательствующий в суде должен не только объявить подсудимому его право заявить отвод, но и разъяснить это право. Подсудимому необходимо разъяснить, что его заявление об отводе должно быть мотивировано, объяснить, какие обстоятельства могут быть основанием для отвода. На практике нередко председательствующий ограничивается обращением к подсудимому всего лишь с одним вопросом — нет ли у него кому-либо отводов. Такое упрощение решения данного вопроса недопустимо.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно обращали внимание судов на необходимость тщательно выяснять обстоятельства, исключающие возможность участия в уголовном судопроизводстве¹².

Подсудимый, как и другие участники судебного разби-

¹² «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 267—271.

рательства. может заявить отвод, как правило, лишь в подготовительной части судебного разбирательства, до начала судебного следствия. Законом предусмотрено, что позднейшее заявление отвода допускается лишь в случаях, когда основание для него сделалось известным лицу, заявляющему отвод, после начала судебного следствия (ст. 61 УПК). Вопросы, связанные с отводами, должны решаться в начале судебного заседания, но, вероятно, не следует возмозможность их обсуждения ставить в зависимость от того, когда стали известны основания для отвода. Такое условие может привести к тому, что правосудие будет осуществляться незаконным составом суда. Например, подсудимый, зная, что народный заседатель является родственником потерпевшего, по тем или иным причинам не заявил ему отвод в подготовительной части судебного заседания, а сделал это в ходе судебного следствия. Если это ходатайство об отводе не обсудить и не решить, то приговор будет постановлен незаконным составом суда и, возможно, окажется несправедливым. Отсюда вытекает необходимость изменить редакцию части второй ст. 61 УПК, исключив из нее особые условия для заявления отводов в ходе судебного следствия.

Следовало бы поддержать высказанные в литературе предложения о целесообразности заблаговременно уведомлять подсудимого и иных участников процесса о составе суда, которому предстоит рассматривать дело и разъяснить им право отвода¹³. Это дало бы возможность подсудимому заранее решить вопрос об отводе, что во многом исключило бы нежелательное обсуждение отводов в ходе судебного следствия. Сделать такое уведомление можно было бы одновременно с вручением подсудимому копии обвинительного заключения и судебной повестки о вызове в суд. Подобные действия суда в настоящее время, хотя и не предусмотрены законом, не противоречат ему и создают благоприятные условия для рассмотрения дела в суде.

Если законодателем будут приняты предложения о том, чтобы копию обвинительного заключения обвиняемому вручал прокурор или следователь, и обвиняемому было предоставлено право участвовать в стадии предания суду, то следовало бы предусмотреть обязанность суда вручать подсу-

¹³ См.: М. М. Выдря, Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанций, автореф. докт. дисс., М., 1967, стр. 13.

димому до рассмотрения дела в судебном заседании некоторые процессуальные документы. К их числу необходимо отнести: копию постановления (определения) о предании обвиняемого суду, бланк с перечнем прав и обязанностей подсудимого в судебном разбирательстве, письмо с указанием, какой суд, когда и в каком составе будет рассматривать дело, кто будет участвовать в суде в качестве прокурора, переводчика, специалиста, эксперта, а также с разъяснением подсудимому права заявить им отвод.

Право подсудимого заявлять ходатайства

Защищать свои интересы и содействовать таким образом осуществлению правосудия подсудимый может, реализуя свое право заявлять перед судом различные ходатайства. Право это предусмотрено в ряде норм уголовно-процессуального закона (ст. ст. 21, 38 Основ, ст. ст. 46, 217, 223, 245, 276, 294 УПК). Оно принадлежит подсудимому в равной мере с такими участниками судебного разбирательства, как обвинитель, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

У обвиняемого (подсудимого) большие возможности реально пользоваться этим правом. С момента поступления дела в суд и до его окончательного решения подсудимый может заявить любое ходатайство, связанное с рассмотрением уголовного дела.

Закон предусматривает, что после поступления дела в суд всякие ходатайства и жалобы по делу направляются непосредственно в суд (ст. 217 УПК). Таким образом, заявить ходатайство перед судом может не только подсудимый в ходе судебного разбирательства, но и обвиняемый до того, как будет принято решение о предании его суду. Ходатайства, поступившие в суд в этот момент, должны быть решены при рассмотрении вопроса о предании обвиняемого суду.)

Обвиняемый вправе заявить ходатайства и в стадии предания суду, т. е. в тот момент, когда судья или суд в распорядительном заседании решают вопрос о предании обвиняе-

мого суду. Судья единолично рассматривает лишь те ходатайства, которые заявлены по вопросам, относящимся к его компетенции. Если ходатайства заявлены по вопросам, решать которые судья единолично не вправе, то для их обсуждения он может назначить распорядительное заседание суда. Но такие заседания судья назначает, когда он не согласен с выводами обвинительного заключения или избранной в отношении обвиняемого мерой пресечения, а также по делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые возможно применение смертной казни (ст. 36 Основ). В иных же случаях заявленные ходатайства, решить которые судья единолично не может, остаются не рассмотренными до судебного разбирательства. Возможно это, например, в случаях заявления ходатайства о прекращении дела, о направлении его для дополнительного расследования, об изменении квалификации действий обвиняемого. То, что подобного рода ходатайства остаются не решенными до судебного разбирательства, в известной степени нарушает права обвиняемого и нередко приводит к тому, что ошибки, допущенные по делу органами предварительного расследования, исправляются несвоевременно.

Ходатайства могут быть заявлены подсудимым и после предания его суду, но до начала судебного разбирательства. Те из них, которые судья вправе решить единолично, например о вызове лиц в судебное заседание, он должен рассмотреть и принять по ним решения, а не откладывать это до судебного разбирательства.

В ходе судебного разбирательства ходатайства могут быть заявлены в любой момент. Возможно это и в подготовительной части судебного заседания, и в судебном следствии и после него, во время судебных прений или последнего слова подсудимого. Это, конечно, не означает, что любое ходатайство, которое, допустим, следовало заявить в подготовительной части судебного заседания, можно отложить и заявить его после судебного следствия. Чем раньше будет заявлено то или иное ходатайство после появления для него соответствующего основания, тем лучше для всестороннего и полного исследования доказательств. Однако нельзя не учитывать, что основания для ходатайства могут появиться в любой момент судебного разбирательства, а также что ходатайство по разным причинам может быть заявлено несвое-

временно. Поэтому закон допускает, в целях наибольшей гарантии прав подсудимого и успешного решения задач правосудия, заявления ходатайств в любой момент судебного разбирательства.

Верховный Суд СССР обращал внимание судов на то, что ходатайства могут быть заявлены в любой момент судебного следствия¹⁴. Они могут быть заявлены и после судебного следствия. Так, ст. 295 УПК предусматривает, что участники судебных прений в случае необходимости предъявления новых доказательств могут ходатайствовать о возобновлении судебного следствия. Суд обязан возобновить судебное следствие и когда подсудимый в последнем слове сообщит новые обстоятельства, имеющие существенное значение для дела (ст. 297 УПК). Из этого положения, безусловно, вытекает и право подсудимого в последнем слове ходатайствовать о выяснении тех или иных обстоятельств по делу, о проведении для этого соответствующих процессуальных действий, о возобновлении судебного следствия.

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на то, что каждое ходатайство подсудимого должно тщательно обсуждаться и что недопустимо их отклонение лишь по тем основаниям, что они заявлены несвоевременно¹⁵.

Подсудимый может заявить ходатайство по своей инициативе. Но определенной гарантией этого права подсудимого является обязанность суда выяснить, нет ли у подсудимого тех или иных ходатайств. Так, в подготовительной части судебного заседания, перед началом судебного следствия председательствующий в суде опрашивает подсудимого и других участников судебного разбирательства о том, имеются ли у них ходатайства перед судом (ст. 276 УПК). Аналогично поступает председательствующий и в конце судебного следствия, после рассмотрения по делу всех доказательств, перед тем как перейти к судебным прениям (ст. 294 УПК).

Какие ходатайства могут быть заявлены подсудимым? В ст. 276 УПК предусмотрено, что это могут быть просьбы о

¹⁴ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 330.

¹⁵ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 148—149; «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 330—331.

вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов. В законе приведены лишь некоторые возможные ходатайства. Подсудимый вправе заявить и иные ходатайства. Важно лишь одно — чтобы они имели отношение к рассмотрению дела. То, что подсудимый может заявить перед судом любые ходатайства, безусловно, вытекает из ряда норм уголовно-процессуального закона (ст. ст. 46, 245 УПК).

Перечислить и рассмотреть все ходатайства, которые вправе заявить подсудимый, вряд ли возможно и необходимо. Можно лишь определенным образом их классифицировать, выделив некоторые основные группы¹⁶.

Первой группой ходатайств могут быть те, которые направлены на исследование материалов уголовного дела, выяснение обстоятельств преступления, установление истины по делу. К их числу следует отнести различные ходатайства об истребовании дополнительных доказательств (о вызове свидетелей, о назначении экспертизы, об истребовании письменных и вещественных доказательств, об осмотре помещения, местности и т. д.) и ходатайства о порядке исследования доказательств (о последовательности допросов в суде и исследовании других доказательств, о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, об отводах и др.).

Вторая группа ходатайств, которые может заявить подсудимый, — это ходатайства о принятии судом решения, связанного с дальнейшим движением дела (о прекращении дела, о направлении дела для дополнительного расследования, об отложении судебного разбирательства, о передаче дела по подсудности и т. д.).

Третья группа ходатайств подсудимого — это иные ходатайства, направленные на обеспечение его законных интересов и процессуальных прав (о назначении защитника, о допуске к участию в деле гражданского ответчика, об изменении меры пресечения, о встрече наедине с защитником и др.).

Заявив ходатайство, подсудимый должен обосновать его. Так, если оно связано с истребованием дополнительных доказательств, то подсудимый обязан указать, для установле-

¹⁶ См. об этом подробно: И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 155—170.

ния каких обстоятельств они необходимы (ст. 276 УПК). Поэтому, если неясно значение для дела ходатайства, заявленного подсудимым, суд, прежде чем принять решение, должен тщательно это выяснить, поставив соответствующие вопросы перед подсудимым.

Если какое-либо ходатайство обвиняемого было отклонено следователем, прокурором в стадии предварительного расследования или судом (судьей) в стадии предания суду, а также в судебном разбирательстве, то это не лишает подсудимого права заявить повторно то же ходатайство в зависимости от хода судебного разбирательства (ст. 276 УПК). При этом подсудимый должен дополнительно обосновать значение ходатайства для дела. Подсудимые, заявляя иногда одно и то же ходатайство повторно, не приводят каких-либо дополнительных обоснований. Не усматривая оснований для удовлетворения такого ходатайства и отклоняя его, суд вправе не выносить развернутого, мотивированного определения, а сослаться на свое прежнее определение по тому же ходатайству, заявленному ранее.

Подсудимому принадлежит право высказать свое мнение по ходатайствам, заявленным другими участниками судебного разбирательства, в том числе прокурором, защитником, потерпевшим и т. д. Суд в каждом случае обязан выслушать мнение подсудимого по ходатайствам, заявленным иными участниками процесса, и с учетом его принять соответствующее решение. Как грубейшее нарушение норм процесса и прав подсудимого следует рассматривать действия суда, когда, например, по ходатайству, заявленному прокурором или защитником, мнение подсудимого даже не выясняется.

Суд должен внимательно относиться к каждому заявленному ходатайству, тщательно обсуждать его с учетом мнения участников судебного разбирательства, решение принимать сразу, немедленно, а не откладывать обсуждение ходатайства на конец судебного разбирательства, в зависимости от хода судебного следствия. Обязанность суда немедленно принять решение по заявленному ходатайству предусмотрена законом (ст. 276 УПК). Поэтому нередко встречающиеся в практике судов случаи отложения обсуждения заявленных ходатайств на неопределенное время, а иногда и до конца судебного следствия, следует рассматривать как нарушение закона.

Заявленное ходатайство суд обсуждает либо в совещательной комнате (в случаях, предусмотренных ст. 261 УПК), либо на месте в зале судебного заседания.

В случае принятия решения об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства закон особо обязывает суд мотивировать такое решение в своем определении (ст. 276 УПК). На практике это требование закона соблюдается, когда определение постановляется судом в совещательной комнате, и в меньшей степени, когда оно принимается судом в зале судебного заседания с занесением его в протокол судебного заседания. Председательствующий должен четко объявить мотивы отклонения ходатайства и продиктовать их для занесения в протокол судебного заседания.

Верховный Суд СССР обращал внимание судей на то, что отказ в ходатайстве подсудимого должен быть всегда мотивирован¹⁷. Пленум Верховного Суда СССР особо обратил внимание судей на то, что «нередко обоснованные ходатайства подсудимых и их защитников оставляются без удовлетворения, что по существу лишает подсудимого права на защиту»¹⁸.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что наиболее распространенные ошибки заключаются в необоснованном отклонении ходатайств подсудимых. Так, Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что приговор не может быть оставлен в силе и подлежит отмене, если судом необоснованно отклонено ходатайство подсудимого о допросе свидетелей, показания которых имеют существенное значение для правильного разрешения дела¹⁹.

Иногда суды необоснованно отклоняют ходатайства о вызове в суд свидетеля по мотивам, заранее предрешающим содержание его показаний²⁰.

¹⁷ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 331.

¹⁸ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 255.

¹⁹ См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, № 10, стр. 11; 1951, № 3, стр. 15; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 2, стр. 41—55; «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 330—331.

²⁰ См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 6, стр. 44.

Необоснованным является также отклонение ходатайств подсудимого по мотивам, предрешающим его виновность²¹.

Верховный Суд СССР указывал, что суд обязан удовлетворить ходатайство подсудимого об истребовании доказательств, если обстоятельства, в разъяснение которых эти доказательства истребуются, имеют значение для дела²². Тем более недопустим отказ подсудимому в истребовании доказательств, свидетельствующих о его алиби. Это является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим за собой отмену приговора²³.

Право подсудимого участвовать в доказывании

Доказывание как процессуальная деятельность, заключается в собирании, проверке и оценке доказательств, а также в обосновании выводов, к которым приходят участники процесса, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу²⁴.

Все субъекты уголовного судопроизводства принимают участие в доказывании, но характер, степень и форма их

²¹ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 211; «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 330.

²² См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 7, стр. 13.

²³ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 258—259.

²⁴ В юридической литературе высказаны различные суждения о понятии доказывания в уголовном процессе. Их анализ выходит за пределы настоящей работы. См. об этом: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 259—308; В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 145—192; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, отв. ред. Н. В. Жогин, М., 1966, стр. 291—313; В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 5—19; А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 3—8; Р. С. Белкин, Собрание, исследование и оценка доказательств, М., 1966; Ц. М. Каз, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, Саратов, 1968, стр. 4—16.

участия в доказывании специфичны и определяются процессуальным положением каждого из них²⁵.

Принимает участие в доказывании и подсудимый. Характеризуя основные особенности участия подсудимого в доказывании, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, участие подсудимого в доказывании возможно посредством лишь определенных процессуальных действий, предусмотренных законом (так, например, подсудимый может представлять доказательства, но не вправе собирать их), и, во-вторых, участие в доказывании — это право подсудимого, которое ни при каких условиях не может превратиться для него в обязанность.

Участие в доказывании очень тесно связано с другими правами подсудимого, но несмотря на это, как процессуальное право, оно характеризуется и своим определенным содержанием. Слишком широко толкуют право обвиняемого участвовать в доказывании авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», относя к нему права обвиняемого: знать предмет обвинения, заявлять отводы, приносить жалобы на действия следователя, прокурора и суда²⁶. Право подсудимого участвовать в доказывании, несомненно, является более общим по отношению к некоторым конкретным его правам, но оно не может объединять почти все права подсудимого, тем более имеющие вполне самостоятельное значение. Участие подсудимого в доказывании раскрывается прежде всего в его правах: представлять доказательства, участвовать в проверке и оценке доказательств, давать показания, содержащие в себе доказательства.

Участвуя в доказывании, подсудимый защищает свои права и законные интересы, а также в определенной степени содействует установлению истины по делу, решению задач правосудия.

Среди всех участников процесса можно выделить две основные группы, для одной из которых исследование доказательств является обязанностью, а для другой — правом.

²⁵ Нельзя согласиться с утверждением, что некоторые участники процесса (например, свидетели, понятые, эксперты, специалисты) не участвуют в доказывании (см.: Ц. М. К а з, указ. соч., стр. 32). В отношении любого участника процесса можно говорить о специфике его участия в доказывании.

²⁶ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 522—523.

Всестороннее полное и объективное исследование обстоятельств дела в судебном заседании — это обязанность суда и прокурора. Обязанность доказывания в суде не может быть возложена на подсудимого (ст. 20 УПК). Разумеется, закон прежде всего имеет в виду то, что на обвиняемого (подсудимого) не может быть возложена обязанность доказывать свою невиновность²⁷. Но запрещение возлагать на обвиняемого обязанность доказывания этим не ограничивается. Подсудимый не обязан доказывать и все иные обстоятельства по делу, в частности обстоятельства, смягчающие его ответственность, влекущие за собой прекращение дела и т. д. На подсудимого не может быть возложена обязанность доказывать те или иные его утверждения, сделанные в ходе судебного разбирательства.

В. М. Савицкий, обратив внимание на нечеткую редакцию ч. 2 ст. 14 Основ (ст. 20 УПК), предложил уточнить в законе, что на обвиняемого запрещается возлагать обязанность доказывать свою невиновность²⁸. К этому следовало бы добавить: «...а также иные обстоятельства по делу». Тем самым исключалось бы всякое сомнение в том, что участие обвиняемого (подсудимого) в доказывании является во всех случаях его правом, а не обязанностью.

Четкое решение данного вопроса в законодательстве необходимо еще и потому, что иногда в юридической литературе и на практике некоторые процессуальные обязанности обвиняемого (подсудимого) расценивают как возложение на него обязанности доказывания. В. Д. Арсеньев, например, полагает, что подсудимые и некоторые другие участники процесса несут обязанность по участию в доказывании, «когда судебно-следственные органы требуют имеющиеся у них доказательства или привлекают их к участию в следственных действиях по исследованию доказательств»²⁹. В другом случае он пишет, что такая «обязанность участников процесса при доказывании заключается лишь в предоставлении следственным органам и суду, по требованию последних, имею-

²⁷ «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 47; «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 254.

²⁸ См.: В. М. Савицкий, указ. соч., стр. 175.

²⁹ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, стр. 66.

щихся у них предметов и документов (часть 1 ст. 70 УПК РСФСР)»³⁰. Аналогично решает данный вопрос С. В. Курылев, утверждая, что если представление доказательств совершается по требованию суда, «то действие по представлению доказательств будет осуществлением обязанности доказывания»³¹. Авторы правы в том, что в подобных случаях подсудимый, как и некоторые другие участники правосудия, несет определенную процессуальную обязанность³², но это не обязанность доказывания.

Если суд требует от подсудимого представить имеющиеся у него предметы, документы или, например, дать образцы почерка для сравнительного исследования, то тем самым на подсудимого не возлагается обязанность самому что-то доказывать. Во всех этих случаях он несет лишь конкретные процессуальные обязанности, общий смысл которых — не препятствовать законным действиям суда по собиранию и проверке доказательств. Суд может потребовать и от любой организации представления документов, содержащих доказательства, но, вероятно, никто не станет утверждать, что такая организация стала субъектом доказывания и несет обязанность доказывания.

В юридической литературе при классификации участников процесса по их роли в доказывании очень часто обвиняемого (подсудимого) и защитника объединяют в одну группу³³. Это затрудняет анализ особенностей участия обвиняемого (подсудимого) в доказывании. У подсудимого и защитника много общих прав по участию в доказывании, но существенным различием в их процессуальном положении является то, что для подсудимого участие в доказывании всегда лишь право, а для защитника в определенном смысле и обязанность. При решении данного вопроса представляется необходимым различать обязанность доказывания и обязанность участвовать в доказывании.

³⁰ В. Д. Арсеньев, Основы теории доказательств в советском уголовном процессе, Иркутск, 1970, стр. 53.

³¹ С. В. Курылев, Основы теории доказывания в советском правосудии, Минск, 1969, стр. 109.

³² Об обязанностях подсудимого см. стр. 199—218.

³³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 464—465; В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, стр. 62; Ц. М. К а з, указ. соч., стр. 33.

Защитник не несет обязанности доказывания в том смысле, что на нем не лежит обязанность установить те обстоятельства, от которых зависит решение суда. Проверка, подтверждение или опровержение обстоятельств, указанных защитником, или высказанных им утверждений осуществляется судом в судебном разбирательстве. Но это не исключает определенных обязанностей защитника по участию в доказывании. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что «защитник, как и обвиняемый, не несет обязанности доказывания в смысле обязанности представлять или указывать суду и следователю доказательства в подтверждение обстоятельств, которые оправдывают обвиняемого или смягчают его вину»³⁴. Обвиняемый (подсудимый) такой обязанности действительно не несет, а на защитника она возложена законом.

Статья 51 УПК предусматривает, что «защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность...». Обязанность участвовать в доказывании заключается для адвоката в необходимости принимать активное участие в исследовании доказательств, в их оценке, активно использовать в интересах подсудимого все предусмотренные законом способы и средства для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств дела. Невыполнение этой обязанности может повлечь за собой в отношении защитника определенные меры воздействия³⁵.

Подобной обязанности и связанной с ней ответственности нет и не может быть у подсудимого. Следует полностью согласиться с М. С. Строговичем в том, что обязанность доказывания ни в какой мере и ни в какой момент не может быть возложена на обвиняемого³⁶.

Вместе с тем необходимо отметить, что запрещение законом возложения обязанности доказывания на подсудимого иногда в литературе доводится до такой крайности, которая уже становится как бы препятствием для привлечения

³⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 545—546.

³⁵ См. ст. ст. 13, 40, 41 Положения об адвокатуре РСФСР.

³⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 357.

подсудимого к активному участию в доказывании. Так, авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» пишут, что если участники процесса «выдвигают утверждения, действительно имеющие значение для правильного разрешения дела, то обязанность доказывания этих утверждений полностью ложится на следователя, прокурора и суд»³⁷. Получается, что участники процесса только утверждают, а суд их утверждения доказывает.

Прежде всего отметим, что суд, разумеется, не доказывает любые утверждения подсудимого, защитника и иных лиц, а проверяет их. Но дело не в этом. Такая формулировка участия подсудимого и других лиц в судебном доказывании, несомненно, продиктованная заботой о правах подсудимого, становится своего рода препятствием для активного участия подсудимого в доказывании, так как от суда требуется лишь одно — выяснить те или иные утверждения подсудимого, а не привлекать его к активному участию в исследовании доказательств. Любая же попытка суда, рассчитанная только на то, чтобы подсудимый, воспользовавшись своим правом, принял активное участие в исследовании доказательств, воспринимается как попытка возложить на подсудимого обязанность доказывания. Так иногда расцениваются обращения суда к подсудимому с просьбой указать те или иные источники доказательств, назвать свидетелей и т. п. Это неверно. Подобное обращение нельзя рассматривать как попытку переложить обязанность доказывания на подсудимого. В этом случае суд не снимает с себя обязанности проверить утверждение подсудимого, а рассчитывает лишь с его помощью сделать это более успешно.

Проверяя утверждение подсудимого, суд обязан выяснить те доказательства, которые известны подсудимому и имеют отношение к сделанному им утверждению, и тем самым привлечь прежде всего самого подсудимого к проверке обстоятельств, изложенных в его показаниях. Это неременное условие всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, указанных подсудимым. Несомненно, проверить любое утверждение можно успешно лишь при участии в этом лица, высказавшего его.

³⁷ Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 473.

Так, по одному уголовному делу подсудимый в судебном заседании заявил, что ему нет восемнадцати лет. Суд сделал все возможное, чтобы проверить это утверждение. По паспорту, восстановленному свидетельству о рождении (архив ЗАГСа не сохранился), документам из детского дома и показаниям свидетелей, знавших подсудимого (родители его умерли), ему уже исполнилось девятнадцать лет. Суд правильно поступил, поставив перед подсудимым вопрос, чем он может подтвердить то, что ему еще не исполнилось восемнадцати лет. Подсудимому разъяснили значение необходимости точно установить его возраст. После этого подсудимый сообщил, что у него сохранилось подлинное свидетельство о рождении, которое где-то спрятано по месту его жительства до ареста. Свидетельство было найдено, а дело возвращено органам расследования для выполнения закона об участии защитника в стадии предварительного расследования. Конечно, можно утверждать, что суд обязан был установить это и без помощи подсудимого. Но почему без помощи, если она является результатом правильного понимания участия подсудимого в доказывании, как его права, а не обязанности?

В другом случае подсудимый заявил, что его судили уже за одно из преступлений, обвинение в котором ему вновь предъявлено. Справка о судимости и другие официальные данные не подтверждали этого. И опять перед подсудимым был поставлен вопрос, чем можно подтвердить факт осуждения его в прошлом. Подсудимый заявил, что в личном деле по месту одной из прежних его работ должна быть копия приговора. Она действительно была обнаружена.

Подсудимый не обязан был это доказывать, его никто не принуждал к тому. Воспользовавшись своим правом участвовать в доказывании, он содействовал более успешному исследованию материалов дела.

Обязанность всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела лежит на суде, подсудимый лишь вправе участвовать в этом, но от его участия во многом зависит успешное решение задач правосудия. Поэтому вполне правомерны действия суда, рассчитанные на то, чтобы подсудимый, воспользовавшись своим правом, принял активное участие в исследовании доказательств.

Прав В. М. Савицкий в том, что «только полная, не ос-

тавляющая ни малейших сомнений доказанность обвинения может стать основой обвинительного приговора, и к этому доказыванию ни под каким предлогом непозволительно понуждать обвиняемого»³⁸. Вряд ли только следует расценивать как непозволительное понуждение обвиняемого (подсудимого) к доказыванию, когда суд, разъясняя подсудимому его право участвовать в доказывании, привлекает его к активному исследованию материалов дела. Такие действия суда создают реальные условия для осуществления подсудимым его прав, и прежде всего права участвовать в доказывании.

Право подсудимого участвовать в доказывании заключается в более конкретных его правах, свидетельствующих о его больших возможностях в уголовно-процессуальном доказывании и установлении истины по делу.

В подготовительной части судебного разбирательства подсудимый вправе изложить свое мнение о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц (ст. 277 УПК). Решая этот вопрос, суд должен выяснить мнение подсудимого о возможности проведения судебного следствия, если в суд не явились некоторые свидетели и другие лица.

Возражения подсудимого против рассмотрения дела в отсутствие некоторых лиц необходимо учитывать. Игнорирование их часто приводит к тому, что в ходе исследования доказательств ряд существенных обстоятельств остается невыясненным.

Если подсудимый возражает против рассмотрения дела, суд нередко принимает решение обсудить вопрос о возможности рассмотрения дела в ходе судебного следствия, в зависимости от его итогов. Такая практика является неправильной. Суд обязан немедленно вынести определение. Причем закон предусматривает, что решение данного вопроса может быть двух видов: о продолжении судебного разбирательства или об его отложении. Суды же часто допускают еще одну ошибку, вынося определение о рассмотрении дела в отсутствие свидетеля, эксперта или иного участника судебного разбирательства. Подобное решение не только не предусмотрено законом, но и может стать препятствием для последующего вызова этих лиц в судебное заседание, если за-

³⁸ В. М. Савицкий, указ. соч., стр. 191.

тем суд признает необходимым их участие в судебном заседании³⁹.

Следует отметить и еще одну распространенную на практике ошибку при решении данного вопроса. Признавая возможным рассмотреть дело в отсутствие неявившихся свидетелей, суды вместе с тем принимают решение об оглашении их показаний, данных на предварительном следствии, независимо от причин их неявки в суд. Закон же допускает такое оглашение при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд (ст. 286 УПК). На эту ошибку судов обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел»⁴⁰, однако она до сих пор еще часто встречается в судебной практике.

Подсудимому принадлежит право принимать участие в обсуждении вопроса о порядке исследования доказательств. Прежде чем приступить к судебному следствию, суд должен выслушать предложения подсудимого и других участников процесса о порядке его проведения (ст. 279 УПК). Подсудимые редко пользуются этим своим правом, так как порой не знают о нем или не понимают его смысла, а судьи не всегда должным образом разъясняют им это право. Мнение же подсудимого о порядке исследования доказательств может способствовать их более успешной проверке.

Подсудимому принадлежит право высказывать свое мнение о полноте исследования доказательств и возможности окончания судебного следствия. Прежде чем закончить судебное следствие, суд опрашивает подсудимых и других участников процесса, желают ли они дополнить судебное следствие и чем именно (ст. 294 УПК).

В ходе судебного следствия иногда возникает вопрос о возможности его сокращения, о возможности отказаться от проверки некоторых доказательств, имеющихся в деле. Это касается любых доказательств, но чаще всего связано с проверкой показаний свидетелей.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство

³⁹ См.: А. Грун, Подготовительная часть судебного заседания, «Советская юстиция», 1968, № 13, стр. 20.

⁴⁰ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 254.

отказалось от существовавших в прошлом норм, допускавших сокращение судебного следствия. В этом, как видно, нашло свое отражение мнение о том, что любое сокращение судебного следствия мешает всестороннему, полному исследованию дела и потому нежелательно⁴¹. Однако нельзя не считаться с тем, что на практике в стадиях, предшествующих судебному разбирательству, иногда ошибочно намечаются пределы доказывания. Следователи включают в список свидетелей для вызова в суд лиц, показания которых не имеют никакого значения для правильного рассмотрения дела. Суд, не исправив эту ошибку при предании обвиняемого суду и обнаружив ее лишь в судебном разбирательстве, разумеется, должен отказаться от допроса таких лиц. Их выступление в суде странно выглядело бы, но подобное, к сожалению, иногда происходит на практике. Поэтому следует согласиться с мнением о возможности сокращения судебного следствия при определенных условиях, которые обеспечивали бы всестороннее и полное исследование обстоятельств дела⁴².

Условия эти должны соответствовать правилам об относимости доказательств и пределов доказывания, а также учитывать мнение всех участников процесса. Такими условиями могли бы быть следующие: 1) если показания недопрошенных свидетелей, как и иные источники доказательств, не имеют отношения к обстоятельствам, подлежащим доказыванию; 2) если допрос свидетелей, проверка тех или иных доказательств стали излишними с точки зрения пределов доказывания; 3) если подсудимый и другие участники судебного разбирательства считают возможным не допрашивать свидетелей или отказаться от исследования иных источников доказательств.

Сокращение судебного следствия невозможно по мотивам ясности и бесспорности обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Недопустимо оно и вопреки мнению подсудимого.

Порядок сокращения судебного следствия должен быть разрешен в действующем законодательстве.

Участвуя в доказывании, подсудимый вправе представ-

⁴¹ См.: И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 59—69.

⁴² См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 305—306.

лять доказательства (ст. ст. 46, 70, 245 УПК), т. е. передавать суду те источники доказательств, которые оказались у него в силу определенных причин. Подсудимый не может собирать доказательства, и, если необходимо допросить свидетелей, истребовать от лиц или организаций предметы и документы, которые могут содержать доказательства, то он вправе заявить соответствующее ходатайство перед судом. В отдельных же случаях подсудимый сам может располагать определенными источниками доказательств: документами, предметами. Они могут оказаться у него не в результате их специального розыска, а по другим самым разнообразным причинам. Такие доказательства подсудимый вправе передать суду, а суд обязан принять их. Причем единственным основанием для отказа в принятии представленных подсудимым доказательств может быть лишь их неотносимость к делу. Некоторые авторы полагают, что можно отказать в принятии таких доказательств по мотивам их недостоверности или потому, что факты, для удостоверения которых они представляются, достоверно и полно установлены⁴³. Такие мотивы отклонения доказательств в ходе судебного следствия свидетельствовали бы о преждевременной окончательной оценке доказательств, о предрешении вопроса о вине подсудимого или иных вопросов, которые должны быть решены в приговоре суда.

Одним из наиболее эффективных способов участия подсудимого в доказывании является его право на исследование доказательств (ст. 245 УПК). Проверка всех доказательств в судебном заседании должна осуществляться при обязательном участии подсудимого. В этом залог всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Лишь в одном случае подсудимый может быть лишен возможности исследовать доказательства: если он за повторное нарушение порядка был удален из зала судебного заседания (ст. 263 УПК). Прибегать к этой мере следует в крайнем случае, учитывая, что она осложняет процесс исследования доказательств. Тем более никакие иные обстоятельства не могут ограничить право подсудимого на участие в исследовании доказательств. Иногда подсудимых, отказавшихся от дачи показаний, лишают возможности участвовать в исследовании

⁴³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 529.

доказательств, задавать вопросы свидетелям и т. д. Верховный Суд СССР обращал внимание судов на недопустимость подобного явления⁴⁴.

Подсудимый может принимать участие в допросах других подсудимых (ст. 280 УПК), свидетелей и потерпевших (ст. ст. 283, 285, 287 УПК). Он вправе задавать им любые вопросы. Те из них, которые не имеют отношения к делу, председательствующий может устранить. Допустимо это, когда совершенно бесспорно и очевидно, что заданный вопрос не имеет отношения к делу. Необходимо учитывать, что устранение вопроса может не только помешать установлению истины, но и повлиять на дальнейшее участие подсудимого в исследовании доказательств. Устранение вопроса не должно вызывать у подсудимого сомнение в объективном исследовании доказательств судом.

При определенных условиях, в интересах установления истины подсудимый может быть на время допроса другого подсудимого или несовершеннолетнего свидетеля удален из зала судебного заседания. После возвращения подсудимого в зал судебного заседания ему сообщается содержание показаний лиц, допрошенных без него, и предоставляется возможность задать необходимые вопросы.

Иногда подсудимые лишаются возможности задать дополнительные вопросы свидетелям, которым суд разрешил уйти после их допроса. Но так не должно быть. Разрешая свидетелям покинуть зал судебного заседания, суд предварительно обязан выяснить мнение участников процесса, в том числе подсудимого. У подсудимого также следует выяснить, не желает ли он задать дополнительные вопросы свидетелю, которому будет затем разрешено удалиться из зала судебного заседания до окончания судебного следствия.

Важным средством проверки показаний свидетелей является право подсудимого на участие в перекрестном допросе свидетеля. Такой допрос обычно ведут обвинитель и защитник, а если подсудимый пытается в него включиться, то суд, как правило, разъясняет, что ему потом будет предоставлена возможность задать вопрос свидетелю. Иногда же очень важно именно в этот момент, а не потом задать свидетелю вопрос. Вести перекрестный допрос сложно. Суд дол-

⁴⁴ «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 332.

жен обеспечить условия, чтобы он проходил с пользой для дела⁴⁵, но нельзя лишать подсудимого права на участие в нем.

В судебном следствии подлежат исследованию вещественные доказательства (ст. 291 УПК) и документы (ст. 292 УПК), имеющиеся в деле. Вещественные доказательства необходимо предъявить подсудимому, а документы огласить. Суды нередко упрощают исследование вещественных доказательств и документов, ограничиваясь лишь упоминанием о них в судебном следствии. Это недопустимо. Каждое вещественное доказательство должно быть осмотрено в судебном следствии, причем подсудимый и другие участники процесса могут обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, касающиеся осмотра. В связи с осмотром вещественных доказательств и оглашением документов подсудимому должно быть разрешено задать тем или иным лицам (свидетелям, специалистам) необходимые вопросы.

При определенных условиях суд может осмотреть какое-либо помещение или местность (ст. 293 УПК). Осмотр проводится всем составом суда в присутствии подсудимого и других участников процесса. Во время осмотра подсудимый вправе обращать внимание суда на все то, что, по его мнению, должно способствовать выяснению обстоятельств дела. Он может также задавать необходимые вопросы другим подсудимым, свидетелям, потерпевшим, специалистам, участвующим в осмотре.

Особыми правами пользуется подсудимый при производстве экспертизы в суде (ст. ст. 288—290 УПК). В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» расширены возможности подсудимого участвовать в проведении экспертизы в суде⁴⁶. Так, в постановлении Пленума указано, что участники судебного разбирательства, в том числе подсудимый, вправе присутствовать при производ-

⁴⁵ См. об этом: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 288—290; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 151—152; Л. Е. Ароцкер, Тактика и этика судебного допроса, М., 1969, стр. 20—24.

⁴⁶ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 7—11.

стве экспертизы, проводимой вне зала судебного заседания⁴⁷.

Если экспертиза проводилась в стадии предварительного расследования, то участие эксперта в суде зависит от усмотрения суда. Решая этот вопрос, суду необходимо учитывать мнение участников процесса. Участие эксперта в суде, как правило, в большей степени соответствует принципу непосредственности судебного разбирательства, и если подсудимый или иные участники процесса на этом настаивают, то эксперт должен быть вызван в суд.

Можно назвать следующие права подсудимого при проведении экспертизы в суде: 1) просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц; 2) заявлять отвод эксперту; 3) поставить вопросы для получения по ним заключения эксперта⁴⁸; 4) высказать свое мнение по вопросам, которые поставили перед экспертом другие участники процесса; 5) присутствовать при производстве экспертизы, проводимой вне зала судебного заседания; 6) знакомиться с письменным заключением эксперта; 7) участвовать в допросе эксперта, задавать ему вопросы; 8) давать свои объяснения по поводу заключения эксперта; 9) ставить дополнительные вопросы, требующие экспертного разрешения, ходатайствовать о проведении повторной или дополнительной экспертизы.

Участие подсудимого в проведении экспертизы и проверке заключения эксперта является одним из условий правильного рассмотрения дела. Именно поэтому Верховный Суд СССР обращал внимание судов на важность обеспечения прав обвиняемого при проведении экспертизы⁴⁹, на то, что экспертиза, проведенная с нарушением установленных законом прав обвиняемого, не может быть положена в основу обвинения⁵⁰.

Уголовно-процессуальное законодательство некоторых

⁴⁷ Там же, стр. 10.

⁴⁸ В ст. 288 УПК предусмотрено, что такие вопросы должны быть представлены в письменном виде. Однако Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что при наличии уважительных причин участники судебного разбирательства могут устно изложить вопросы эксперту с последующим занесением их в протокол судебного заседания (см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 9).

⁴⁹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 8.

⁵⁰ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 126.

союзных республик⁵¹ предусматривает проведение в суде очной ставки, опознания, эксперимента. В республиках, в частности в РСФСР, где закон прямо не предусматривает эти действия, на практике они проводятся в суде по аналогии с теми же действиями в стадии предварительного расследования. Так, по одному из уголовных дел при допросе в суде потерпевшая заявила, что она, спрятавшись в подвал от подсудимого, который пытался ее убить, слышала, как тот выстрелил вверх. Подсудимый резонно заметил, что вряд ли потерпевшая могла бы по звуку определить направление выстрела; тогда она заявила, что видела из окна подвала, как подсудимый стрелял. При проведении судом эксперимента оказалось, что видеть это было невозможно, а звук от выстрела и другие звуки слышались в подвале настолько глухо и неясно, что точно определить их природу было нельзя. Так проведение судебного эксперимента по инициативе подсудимого явилось началом разоблачения ложного доноса.

Суды вправе проводить эксперимент, опознание, допрос на очной ставке, когда это необходимо для установления истины. И несмотря на то что в некоторых союзных республиках такие процессуальные действия прямо законом не предусмотрены, они допустимы по аналогии с соответствующими следственными действиями в стадии предварительного расследования. Возможность их проведения в суде неоднократно отмечалась в юридической литературе⁵², на этом твердо стоит и судебная практика. Применение в настоящее время этих действий в суде по аналогии⁵³ вместе с тем, безусловно,

⁵¹ См. ст. ст. 304, 309 УПК УССР; ст. 274 УПК Узбекской ССР; ст. ст. 285, 296 УПК Грузинской ССР; ст. 305 УПК Азербайджанской ССР; ст. 318 УПК Литовской ССР; ст. ст. 257, 261 УПК Молдавской ССР; ст. 292 УПК Латвийской ССР; ст. ст. 286, 293 УПК Киргизской ССР; ст. ст. 272, 277, 284 УПК Армянской ССР; ст. ст. 296, 298 УПК Туркменской ССР; ст. ст. 248, 254 УПК Эстонской ССР.

⁵² См.: Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, стр. 361; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 290, 298 (М. С. Строгович считает нецелесообразным проведение опознания в суде. См. там же, стр. 297).

⁵³ Возражая сторонникам аналогии в уголовном судопроизводстве, некоторые авторы полагают, что вся аргументация в ее пользу сводится лишь к указанию на пробелы нашего законодательства, которые можно избежать, совершенствуя его (см., например: В. Каминская, рецензия, «Социалистическая законность», 1972, № 1, стр. 94). Это не так. В пользу аналогии в уголовном процессе свидетельствует не столько на-

требует закрепления их в действующем законодательстве.

Участвуя в судебном эксперименте, опознании или очной ставке на суде, подсудимый пользуется теми же правами, которые принадлежат ему при проведении этих действий в стадии предварительного расследования. Однако не все правила проведения таких действий в стадии предварительного расследования применимы при проведении их в суде. Например, при судебном эксперименте или опознании нет необходимости участвовать понятым.

В ходе судебного следствия всесторонне и полно исследуются последствия преступления, в том числе характер и размер ущерба, причиненного преступлением (ст. ст. 68, 303, 310 УПК). Осуществляется это посредством проверки всех доказательств, но несомненно, что на правильное решение этих вопросов влияют объяснения в суде гражданского истца и гражданского ответчика, их допрос в судебном следствии. Между тем уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает допрос истца и ответчика в судебном следствии. Они могут выступать в судебных прениях, и, лишь когда гражданским истцом является потерпевший, т. е. физическое лицо, возможен его допрос в судебном заседании, но не как гражданского истца, а как потерпевшего.

Проверить характер причиненного преступлением вреда, размер и основания гражданского иска просто невозможно, не выслушав в судебном следствии объяснения гражданского истца и гражданского ответчика, не задав им необходимых вопросов. На практике очень часто гражданским истцам, гражданским ответчикам или их представителям предоставляют возможность именно в ходе судебного следствия дать свои объяснения относительно гражданского иска, а затем участникам судебного разбирательства — задать им необходимые вопросы. Несмотря на то что все это непосредственно законом не предусмотрено, подобные действия суда следует

лично пробелов в законе, сколько объективная невозможность их полного устранения, что подтверждается историей развития процессуального законодательства. Разумеется, условия применения аналогии в уголовном судопроизводстве должны быть определены законом (см. об этом: П. С. Элькин, Толкование и применение уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 182—189; Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 84—86).

признать правомерными — они вытекают из принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Объяснения гражданского истца, гражданского ответчика, возможность задавать им вопросы создают необходимые условия и для защиты законных интересов подсудимого. Было бы явным нарушением прав подсудимого лишение его возможности задавать гражданскому истцу или его представителю вопросы, связанные, например, с уточнением размера гражданского иска. Необходимо отметить, что УПК некоторых союзных республик предусматривают право подсудимого задавать вопросы гражданскому истцу и гражданскому ответчику⁵⁴, но это право практически невозможно реализовать, так как закон не предусматривает выступление гражданского истца и гражданского ответчика с объяснениями в ходе судебного следствия, а при проведении судебных прений вопросы задавать нельзя.

В уголовно-процессуальном законе необходимо предусмотреть выступление в судебном следствии гражданских истцов, гражданских ответчиков или их представителей с объяснениями по поводу гражданского иска.

В процессе рассмотрения дела суд может по своей инициативе истребовать те или иные доказательства. Они должны быть предъявлены подсудимому и исследованы в судебном разбирательстве.

Верховный Суд СССР расценил действия суда, приобщившего документ к делу за день до постановления приговора и лишившего подсудимых возможности ознакомиться с этим документом, как нарушение права на защиту. Приговор не может быть основан на доказательствах, истребованных судом в процессе рассмотрения дела и не предъявленных подсудимым, которые в связи с этим были лишены возможности дать по ним свои объяснения⁵⁵.

⁵⁴ Статья 263 УПК УССР, ст. 264 УПК Азербайджанской ССР, ст. 267 УПК Литовской ССР, ст. 253 УПК Туркменской ССР.

⁵⁵ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 216—218.

*Право подсудимого
давать показания
и объяснения*

Подсудимый вправе, а не обязан давать в суде свои показания и объяснения⁵⁶. Этим его процессуальное положение существенно отличается от положения иных лиц, в частности свидетелей, для которых давать в суде показания является их обязанностью.

В данном праве подсудимого находит свое решение одно из несомненных противоречий интересов правосудия и интересов личности в уголовном судопроизводстве. С точки зрения интересов правосудия желательно в каждом деле располагать правдивыми показаниями подсудимого, но это не всегда соответствует интересам личности. Подсудимый не всегда испытывает желание и потребность рассказать о своих действиях, о тех или иных обстоятельствах, имеющих значение по делу, и закон не обязывает его к этому. Подобные интересы подсудимого закреплены в законе в виде его права давать показания и являться, таким образом, его законными интересами. Именно такое решение вопроса о взаимоотношении интересов правосудия и личности вытекает из права подсудимого на защиту и нравственных принципов правосудия.

В. И. Каминская, отмечая, что при допросе обвиняемого суд стремится получить достоверное доказательство, пишет: «Поскольку же обвиняемый — лицо, более всех заинтересованное в исходе дела, достоверными его показания могут быть только при условии их добровольности. ...Возложение на обвиняемого обязанности давать показания и установление за ее невыполнение уголовной (как это сделано в отношении свидетеля) или иной ответственности подорвало бы тот фундамент, на котором покоится достоверность показаний обвиняемого, — их добровольность»⁵⁷. Такое объясне-

⁵⁶ См. об этом: Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956; В. И. Каминская, Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1960; М. Л. Якуб, Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе, М., 1963.

⁵⁷ В. И. Каминская, указ. соч., стр. 35.

ние причины, почему закон предоставил подсудимому право, а не возложил на него обязанность давать показания, вызывает возражение.

Прежде всего, добровольность показаний заинтересованных в уголовном судопроизводстве лиц вовсе не является гарантией достоверности их показаний. Если бы это было не так, а иначе, то почему бы не отказаться от обязанности потерпевших, которые несомненно заинтересованы в исходе дела, давать показания.

Закрепление в законе права подсудимого, а не его обязанности давать показания обусловлено не желанием получить от него правдивые показания, а необходимостью реально обеспечить ему право на защиту, с которым просто несовместима обязанность давать показания. Такое решение вопроса вытекает и из нравственных принципов правосудия, согласно которым недопустимо заставлять человека доказывать свою невиновность, а тем более самому изобличать себя. Иное противоречило бы презумпции невиновности, согласно которой обвинение должно быть доказано обвинителем.

Таким образом, презумпция невиновности, право на защиту и связанные с ними особенности процессуального положения подсудимого определяют его право давать показания и объяснения, содержание и значение этого права. Подсудимый не может нести никакой ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Недопустимы за это и какие-либо отрицательные процессуальные последствия для подсудимого. Такие последствия или любая ответственность подсудимого за отказ от показаний либо за ложные показания означали бы не что иное, как нарушение его права давать показания.

Подсудимых, которые отказываются в суде давать показания, иногда удаляют из зала заседания, лишают возможности участвовать в судебном следствии. Верховный Суд СССР, отмечая это, неоднократно обращал внимание судов на недопустимость подобного явления⁵⁸. Ни процессуальное воздействие, ни тем более уголовная ответственность, в частности за ложные показания, не могут быть применены к подсудимому в связи с осуществлением им своего права давать показания и объяснения.

⁵⁸ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 332.

Суды иногда расценивают отказ подсудимого от дачи показаний, а также то, что им даны ложные показания, как косвенное доказательство его вины. Мнение о том, что ложные показания в известной степени могут быть косвенными доказательствами вины подсудимого, можно встретить и в юридической литературе⁵⁹. Подобную практику и попытку обосновать ее нельзя расценивать иначе, как нарушение прав и законных интересов подсудимого, и прежде всего закрепленного в законе его права давать показания. Любая ответственность за ложные показания, а также использование их как обвинительного доказательства во вред подсудимому означали бы нарушение его права на защиту, права давать показания, нарушение его законных интересов.

Против мнения о том, что сам факт ложных показаний является доказательством вины подсудимого, в юридической литературе были высказаны и другие очень веские соображения⁶⁰. В решении данного вопроса В. И. Каминская совершенно правильно обратила внимание на то, что если даже судом при постановлении приговора и будет установлено, что подсудимый говорил неправду, то это обстоятельство уже никакого практического значения не имеет, поскольку в этот момент истина по делу уже установлена на основании других доказательств⁶¹. При наличии доказательств вины подсудимого суду нет смысла приводить еще и такое доказательство, как факт его ложных показаний, а если достаточных доказательств вины подсудимого нет, то ссылка в приговоре на такое «доказательство» вообще бесполезна.

Нельзя не учитывать и того, что ложные показания могут объясняться не только стремлением лица избежать ответственности, но и другими причинами. Это также исключает возможность использования их как доказательство вины подсудимого.

Таким образом, интересы подсудимого и интересы право-

⁵⁹ См.: Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, стр. 17; А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 210.

⁶⁰ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 429—430; Л. Карнеева, Значение показаний обвиняемого (подсудимого), «Советская юстиция», 1971, № 23, стр. 16; И. Петрухин, Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого?, «Советская юстиция», 1965, № 7, стр. 15—17.

⁶¹ См.: В. И. Каминская, указ. соч., стр. 28.

судья не допускают упоминания в приговоре факта ложных показаний подсудимого как доказательства его вины.

Закон, предоставляя право подсудимому в судебном разбирательстве давать показания и объяснения (ст. ст. 46, 69, 77, 280 УПК), не предусматривает особого различия между ними. В нормах уголовно-процессуальных кодексов в одних случаях речь идет о показаниях подсудимого, в других аналогичных случаях — о его объяснениях. Так, например, в ст. 46 УПК говорится о праве обвиняемого давать объяснение по предъявленному ему обвинению, а в ст. 77 УПК — о праве давать показания. Несмотря на тесную связь между показаниями и объяснениями подсудимого, нельзя не заметить и определенного различия между ними. Показания, как правило, связаны с сообщением суду определенных фактов, а объяснения — с оценкой тех или иных фактических обстоятельств по делу. Показания являются источником доказательств, у объяснений иная роль, иное назначение в процессе — отражать оценку, анализ различных обстоятельств по делу, в частности выражать отношение подсудимого к тем или иным обстоятельствам, имеющим значение по делу, в том числе к предъявленному ему обвинению.

Необходимость различать показания и объяснения обвиняемого вполне обоснованно отмечалась в юридической литературе⁶².

Учитывая особенности процессуального положения обвиняемого (подсудимого), никак нельзя согласиться с тем, что «нет и не может быть никакого различия между показаниями и объяснениями обвиняемого», потому что «сообщая факты, подсудимый одновременно излагает суду свои соображения о них, свои доводы, свои аргументы, так же как, излагая свои соображения и доводы, подсудимый обязательно должен опираться на факты...»⁶³. Несомненно, между показаниями и объяснениями подсудимого существует тесная связь, но одно дело опираться на факты, оценивая их, а дру-

⁶² См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 414—417; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая, стр. 522—529; А. М. Ларин, указ. соч., стр. 130; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 7—10.

⁶³ И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 158.

гое — сообщать сведения о фактах, быть их источником. Особенность процессуального положения подсудимого, необходимость обеспечить ему реальные и наибольшие возможности осуществлять свое право на защиту требуют различать показания и объяснения подсудимого. В отличие от выступления свидетеля, которое заключается в показаниях о фактах, выступление подсудимого в суде, кроме того, заключается в его объяснениях относительно различных обстоятельств, имеющих значение по делу. Это отражает специфику процессуального положения подсудимого, то что он является субъектом особых процессуальных прав. Показания и объяснения подсудимого служат средством осуществления его права на защиту — в этом их несомненная теснейшая связь, но они по-разному проявляются в реализации права на защиту.

В своих показаниях подсудимый излагает факты, подтверждающие или опровергающие предъявленное ему обвинение, влияющие на решение всех иных вопросов при осуществлении правосудия. Он может также приводить факты о действиях иных лиц, об их участии или неучастии в совершении преступления.

В своих объяснениях подсудимый выражает собственное отношение к предъявленному ему обвинению, анализирует доказательства, на которых оно построено, юридическую квалификацию его действий. В объяснениях он выражает также согласие или несогласие относительно тех или иных ходатайств и действий других участников процесса. Одним словом, подсудимый выражает свое отношение ко всему, что происходит в судебном разбирательстве. Поэтому в законе следовало бы более четко сформулировать право обвиняемого (подсудимого) давать показания и объяснения. В норме, посвященной общей характеристике прав обвиняемого (ст. 46 УПК), необходимо указать, что обвиняемый (подсудимый) имеет право давать показания и объяснения. В других же статьях Уголовно-процессуального кодекса, в зависимости от характера процессуальных отношений, которые они регулируют, необходимо указать на право подсудимого давать показания и объяснения или на право давать только показания либо только объяснения.

Показания и объяснения подсудимого имеют большое значение для успешного осуществления правосудия. Рассматривая значение показаний и объяснений подсудимого, обыч-

но отмечают два аспекта. Во-первых, их роль как источника доказательств и, во-вторых, их значение в осуществлении права подсудимого на защиту⁶⁴. Л. М. Карнеева правомерно обращает внимание на то, что значение показаний и объяснений подсудимого необходимо «рассматривать в более широком плане, учитывая, по крайней мере, три аспекта: уголовно-процессуальный, криминалистический (информационный) и уголовно-правовой»⁶⁵.

Разумеется, о значении показаний и объяснений подсудимого можно говорить в разных аспектах. Несомненна их роль в познании истины по делу, но все-таки их основное значение — содействовать осуществлению права подсудимого на защиту. Поэтому имея в виду различные аспекты показаний и объяснений подсудимого, суд прежде всего должен обеспечить их реальное использование подсудимым как средства осуществления его права на защиту.

Показания обвиняемого являются рядовым источником доказательств, равноценным в своем значении всем другим, предусмотренным законом источникам сведений о преступлении. Мнение это разделяется большинством процессуалистов, хотя иногда высказываются и иные суждения. Так, Л. М. Карнеева пишет: «...рассматривая показания обвиняемого, следует иметь в виду, что помимо обстоятельств, входящих в формулировку обвинения и непосредственно связанных с решением вопроса о виновности, предметом его показаний могут явиться и иные известные ему обстоятельства (ст. 77 УПК), например относящиеся к причинам преступления и условиям, способствующим его совершению. Следовательно, было бы неправильно говорить о показаниях обвиняемого как о рядовом доказательстве...»⁶⁶. Закон не дает оснований для такого рода утверждений. Все источники доказательств, в том числе и показания подсудимых, равноценны в их значении по установлению любых обстоятельств, подлежащих до-

⁶⁴ См.: И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 159; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть особенная, отв. ред. Н. В. Жогин, М., 1967, стр. 135; Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 145.

⁶⁵ Л. Карнеева, Значение показаний обвиняемого (подсудимого), «Советская юстиция», 1971, № 23, стр. 15.

⁶⁶ Там же.

казыванию по уголовному делу. Придавать показаниям подсудимых особое значение не следует, поскольку как свидетельствует практика, это приводит к серьезным ошибкам в осуществлении правосудия.

Между тем на практике очень распространены, с одной стороны, переоценка показаний подсудимых, признающих свою вину, а с другой — недооценка показаний подсудимых, опровергающих обвинение. Причем, как точно заметила В. И. Каминская, это не две разные ошибки в судебной деятельности, а различные проявления одной и той же ошибки: обвинительного уклона в оценке показаний подсудимого⁶⁷. Совершенно очевидно, что отношение к показаниям подсудимого как источнику доказательств особого рода, переоценка или недооценка их в зависимости от их содержания, является одной из причин судебных ошибок, которые весьма существенно отражаются на правах и законных интересах личности.

В законе предусмотрено, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК). Правило это рождено судебно-следственной практикой и отражает ее потребности. В известной степени оно вносит формальный характер в оценку доказательств, ограничивая судебское усмотрение определенной, заранее сформулированной в законе оценкой признания подсудимым своей вины. Внесение в данном случае формальных начал в оценку доказательств полностью соответствует задачам правосудия, так как велением закона запрещается переоценивать признание подсудимым своей вины. Однако подобная переоценка показаний подсудимого и, как следствие, обвинительный уклон, судебные ошибки — не такая уж редкость.

На это неоднократно обращал внимание судов Верховный Суд СССР. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отмечено, что «находясь в плену распространявшихся ранее лженаучных взглядов, выражающихся в переоценке доказательственного значения признания обвиняемым своей вины, некоторые судьи основывают вывод о виновности подсудимого только на его признании, а не на оценке всех доказательств, иссле-

⁶⁷ См.: В. И. Каминская, указ. соч., стр. 52.

дованных во время судебного разбирательства»⁶⁸. Пленум потребовал от судов «устранить встречающиеся в судебной практике ошибочные взгляды об особом доказательственном значении признания обвиняемым своей вины»⁶⁹. В постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда СССР вновь вынужден был обратить внимание судов на то, «что признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу»⁷⁰. Подобные указания содержатся и в других постановлениях и определениях Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР⁷¹. Все это свидетельствует о живучести в судебной практике переоценки признания подсудимым своей вины.

В свете сказанного нельзя не согласиться с суждениями о том, что, как бы ни вел себя обвиняемый — соглашался с обвинением или оспаривал его, — «необходимо, чтобы независимо от поведения обвиняемого были собраны доказательства, достаточные для вывода о виновности»⁷². Возражения, высказанные в юридической литературе⁷³ против этого суждения, не учитывают, что оно направлено на обеспечение условий для наибольшей объективности и обоснованности выводов о виновности подсудимого и может сыграть определенную роль в искоренении в судебной практике переоценки признания подсудимым своей вины.

Требование установить вину подсудимого независимо от его показаний полностью вытекает из предписания закона о том, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК). В данном случае речь идет не о всей совокупности доказательств, включающей и показания обвиняемого,

⁶⁸ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 253.

⁶⁹ Там же, стр. 259.

⁷⁰ Там же, стр. 520.

⁷¹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 255, 284.

⁷² И. Петрухин, Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого, «Советская юстиция», 1965, № 7, стр. 16.

⁷³ См.: Л. Карнеева, Значение показаний обвиняемого (подсудимого), «Советская юстиция», 1971, № 23, стр. 16; Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть особенная, стр. 140.

устанавливающей вину обвиняемого, а о совокупности доказательств, подтверждающей признание обвиняемого, т. е. о совокупности доказательств, в которую не входят показания обвиняемого. Исключение показаний подсудимого из всей совокупности доказательств по делу не должно колебать доказанность его вины. Иное означало бы переоценку показаний обвиняемого (подсудимого), обоснование обвинения главным образом его признанием.

Суд может признать подсудимого виновным, если его вина подтверждается всей совокупностью доказательств по делу независимо от содержания показаний самого подсудимого. В правиле, предусмотренном ч. 2 ст. 77 УПК, находит свое решение один из конкретных вопросов взаимоотношения интересов правосудия и интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Казалось бы, признание подсудимым своей вины в большей степени, чем что-либо иное, свидетельствует о совершении им преступления, о его желании понести справедливое наказание. Однако интересы правосудия не допускают осуждения человека, если признание им своей вины не подтверждается совокупностью доказательств по делу. Нет сомнения в том, что это отвечает и законным интересам личности. Интересам правосудия, а также интересам личности, бесспорно, соответствует и требование о том, чтобы признание человека виновным и осуждение его за преступление было возможно лишь в случае, если его вина бесспорно подтверждается всей совокупностью собранных по делу доказательств независимо от показаний самого обвиняемого (подсудимого). Это вовсе не умаляет значения показаний и объяснений подсудимого в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Разумеется, лишь с их помощью можно познать истину по делу, но в окончательном решении вопроса о вине подсудимого его показания не должны играть решающую роль.

Свои показания подсудимый дает в ходе допроса, который начинается со свободного рассказа об известных ему обстоятельствах дела, с объяснения им своего отношения к предъявленному обвинению (ст. 280 УПК). Лишь после этого подсудимому могут быть заданы вопросы участниками судебного разбирательства.

Судьи нередко спешат прервать свободный рассказ под-

судимого с тем, чтобы перейти к вопросам. Такие действия не способствуют установлению истины и нарушают права подсудимого, которому закон предоставляет возможность, прежде чем его будут допрашивать, задавая вопросы, самому свободно изложить суду все, что он считает необходимым и что имеет отношение к делу.

Подсудимый обязательно должен быть допрошен в судебном заседании. Верховный Суд СССР неоднократно указывал на то, что рассмотрение дела без допроса подсудимого, не отказавшегося от дачи показаний, является основанием для отмены приговора⁷⁴.

На практике и в литературе по-разному решается вопрос о времени допроса подсудимого в судебном следствии. Очень распространено мнение, что если подсудимый признает себя виноватым, то его необходимо допрашивать первым, а если отрицает свою вину, то первым его допрашивать нецелесообразно, так как в этом случае в показаниях подсудимого якобы не будет достаточной информации, и «открытие судебного следствия с допроса такого подсудимого может поставить суд в затруднительное положение»⁷⁵. С этим нельзя согласиться. Если подсудимый не признает себя виновным, но желает дать показания, он всегда должен быть допрошен первым. Это в большей степени соответствует его праву давать показания.

В законе предусмотрено, что подсудимый может, с разрешения председательствующего, давать показания в любой момент судебного следствия (ч. 4 ст. 280 УПК). Упоминание о разрешении председательствующего, разумеется, не означает, что он может запретить подсудимому давать показания в тот или иной момент судебного следствия. Председательствующий вправе лишь следить за правильным ходом судебного следствия, и если, например, подсудимый желает дать показания во время допроса свидетеля, то он должен разъяснить подсудимому, что ему будет предоставлена такая возможность после того, как свидетель закончит свои показа-

⁷⁴ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 332, 369, 388.

⁷⁵ О. Соя-Серко, Порядок допроса подсудимого, «Социалистическая законность», 1969, № 12, стр. 43. См. также: Советский уголовный процесс, Саратов, 1967, стр. 133; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 382; Поддержание государственного обвинения в суде, под ред. М. П. Малярова, М., 1970, стр. 28—29.

ния. Суд не должен лишать подсудимого возможности выступить в начале судебного следствия, тем более, если подсудимый об этом просит. Право подсудимого дать показания в начале судебного следствия и, таким образом, открыть судебное следствие проверкой не только доводов обвинения, но и доводов защиты, в большей степени соответствует праву обвиняемого на защиту. Подсудимый должен иметь возможность всегда, по любому делу в начале судебного следствия изложить суду свое мнение относительно предъявленного ему обвинения; высказать соображения в свою защиту, которые наравне с обвинением исследовались бы затем в судебном разбирательстве. Лишение его этой возможности по любым мотивам свидетельствуют все о том же обвинительном уклоне в судебной деятельности, о недооценке права подсудимого на защиту. Следует заметить, что в целях наиболее успешного познания истины судебное следствие необходимо всегда начинать с допроса подсудимого, учитывая при этом, по крайней мере, два обстоятельства.

Прежде всего, показания подсудимого в начале судебного следствия позволяют выяснить соображения, которые он может высказать против обвинения в свою защиту и тем самым создать условия для всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела как с позиции обвинения, так и с позиции защиты. Это тем более важно, если подсудимый действительно не совершил преступление и поэтому не признает себя виновным.

Далее, допрос подсудимого в начале судебного следствия тактически оправдан еще и потому, что это дает возможность суду услышать его показания до того, как будут исследованы иные доказательства. Подсудимый же лишается возможности внести в свои показания те или иные нюансы с учетом того, как сложатся доказательства в ходе судебного следствия. Допрос подсудимого в начале судебного следствия не исключает его повторный допрос, когда суд сочтет это нужным.

В юридической литературе неоднократно и убедительно обосновывалась необходимость начинать судебное следствие всегда с показаний и объяснений подсудимого независимо от того, признал он себя виновным или не признал⁷⁶. На прак-

⁷⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 274—275; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 71—91; В. И. Басков, Прокурор в суде первой инстанции, М., 1968, стр. 101.

тике, как правило, так и поступают, но не всегда. Поэтому в законе следовало бы предусмотреть, что судебное следствие начинается с показаний и объяснений подсудимого относительно предъявленного ему обвинения.

Если подсудимому предъявлено не одно, а несколько обвинений, то в суде он чаще всего дает свои показания и объяснения по частям. Выслушав показания подсудимого по одному из эпизодов обвинения, суд исследует другие доказательства, с ним связанные, а затем заслушивает показания и объяснения подсудимого по следующему эпизоду обвинения. Такой порядок исследования доказательств порой оправдывается тактикой судебного следствия. Однако, принимая решение о таком порядке судебного следствия, необходимо руководствоваться не только тактическими соображениями, как иногда полагают⁷⁷, но и иными обстоятельствами. Надо считаться с правом подсудимого давать в суде показания и объяснения. Поэтому следует полностью согласиться с В. М. Савицким⁷⁸ в том, что председательствующий должен разъяснить подсудимому его право давать показания и объяснения в целом, по всему предъявленному ему обвинению, а также разъяснить целесообразность исследования обвинения по отдельным эпизодам. Если подсудимый выразит желание дать показания и объяснения по всему предъявленному ему обвинению, то такое желание должно быть удовлетворено. Исследуя затем обвинение по эпизодам, суд в необходимых случаях может возвращаться к допросу подсудимого.

Право подсудимого давать показания и объяснения не сводится лишь к возможности выступить перед судом, высказать ему свои соображения. Суд при этом обязан учесть все сказанное подсудимым, проверить его показания. Многие судебные ошибки являются как раз результатом невыполнения судом этой его обязанности, результатом невнимательного, безразличного отношения к показаниям и объяснениям подсудимого. Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР не раз подчеркивали, что доводы обвиняемого, выдвинутые им в свою защиту, подлежат в суде тщательной и всесторонней проверке, что приговор подлежит отмене, если по делу

⁷⁷ См.: О. Соя-Серко, Порядок допроса подсудимого, «Социалистическая законность», 1969, № 12, стр. 43; Поддержание государственного обвинения в суде, под ред. М. П. Малярова, стр. 30—33.

⁷⁸ См.: «Социалистическая законность», 1971, № 6, стр. 92.

остались непроверенными объяснения обвиняемых, имеющие существенное значение для решения вопроса об обоснованности предъявленного им обвинения⁷⁹.

В судебном разбирательстве допустимо оглашение показаний подсудимого, которые были даны им раньше, в стадии предварительного расследования или на суде. Возможно это при наличии существенных противоречий между первоначальными и последними показаниями подсудимого на суде; при отказе подсудимого от дачи показаний на суде; а также когда дело рассматривается в отсутствие подсудимого (ст. 281 УПК).

В судебном заседании могут быть оглашены показания подсудимого, данные им ранее лишь в качестве обвиняемого или подозреваемого. Встречающиеся в судебной практике случаи оглашения показаний подсудимого, которые в стадии предварительного расследования им были даны в качестве свидетеля, не соответствуют действующему законодательству⁸⁰.

Органы предварительного расследования нередко допрашивают вначале в качестве свидетелей лиц, которых затем привлекают в качестве обвиняемых. В ходе таких допросов перед свидетелями ставятся вопросы об их участии в преступлении. По изученным автором делам в 7% случаев подсудимые в стадии предварительного расследования допрашивались в качестве свидетелей. Это является нарушением процессуального закона. Обвиняемый (подсудимый) вправе, а не обязан давать показания, он не может быть свидетелем по своему собственному делу. Его искусственное превращение в свидетеля и получение показаний под угрозой уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний нельзя расценивать иначе как нарушение закона, прав и интересов личности. Судам следует реагировать на это частными определениями и не усугублять нарушение законности, допущенное в стадии предварительного

⁷⁹ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 40—43; «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 369; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 1, стр. 33—36; № 4, стр. 44—46.

⁸⁰ См. об этом: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, Томск, 1971, стр. 173—174.

следствия, оглашением показаний подсудимого, которые ранее им были даны в качестве свидетеля.

Оглашение показаний подсудимого, которые он дал раньше, не должно приводить к ограничению его права давать показания и объяснения в суде. Между тем на практике такое ограничение происходит нередко. Стоит подсудимому, приступившему к своим показаниям в суде, сказать о чем-то не так, как он говорил на допросе в стадии предварительного расследования, председательствующий останавливает его и начинает выяснять причины изменения показаний, оглашать ранее данные, выяснять у подсудимого, подтверждает ли он их. Все это нарушает право подсудимого свободно, без всяких стеснений давать в суде свои показания и объяснения по поводу предъявленного ему обвинения, а также мешает объективному исследованию обстоятельств дела.

Если показания подсудимого в суде существенно отличаются от показаний, которые он дал ранее, то, выслушав подсудимого, суд должен принять меры к выяснению причин такого расхождения в показаниях, не связывая себя заранее определенным мнением о ложности или истинности тех или иных показаний. Судьи же нередко относятся к измененным в суде показаниям подсудимых как к менее достоверным, отдавая предпочтение показаниям, которые они дали на предварительном следствии. На недопустимость этого обращал внимание судов Верховный Суд СССР⁸¹.

Для проверки показаний подсудимого в суде может быть оглашена звукозапись его показаний на предварительном следствии. При этом сама по себе звукозапись не свидетельствует о какой-то особой достоверности показаний, воспроизводимых с ее помощью. Между тем в стадии предварительного расследования звукозапись порой используют лишь для закрепления признания обвиняемым своей вины, а в суде, когда подсудимый изменит свои показания, ее используют не столько для того, чтобы выяснить причины изменения показаний, сколько для того, чтобы вернуть подсудимого к его прежним показаниям, тем более если они были связаны с признанием им своей вины. Такое использование звукозаписи, превращение ее в дополнительную улику против подсудимого неверно и недопустимо. Это может иметь только отри-

⁸¹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 332.

цательные последствия⁸². Всеми средствами, какими суд располагает, он должен выяснить причину изменения подсудимым своих показаний, а также то, какие показания подсудимого содержат истину: данные им на предварительном следствии или данные в суде. В основу приговора могут быть положены лишь доказательства, рассмотренные в судебном заседании (ст. 301 УПК). Причем Верховный Суд СССР отмечал, что показания обвиняемого на предварительном следствии, от которых он впоследствии отказался, не подкрепленные другими доказательствами, не могут быть положены в обоснование обвинительного приговора⁸³.

Закон предоставляет суду возможность оглашать показания подсудимого, которые он дал в стадии предварительного расследования, когда дело рассматривается в отсутствие подсудимого или он отказывается от дачи показаний на суде (ст. 281 УПК). Поскольку в этих случаях получить показания подсудимого на суде не представляется возможным, оглашение его показаний, данных при допросе в стадии предварительного расследования, должно быть обязанностью, а не правом суда. Это необходимо как для всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела, так и для обеспечения прав и законных интересов подсудимого. Соответствующее уточнение следовало бы внести в процессуальный закон.

Обвиняемый может давать показания не только о себе, своих действиях, но и об иных лицах, в том числе о подсудимых по тому же делу и другим делам⁸⁴. В связи с этим возникает вопрос: правом или обязанностью является для обвиняемого дача показаний о других лицах? Представляется, что основой решения данного вопроса должно быть следующее. Если обвиняемый (подсудимый, осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого прекращено дело) дает о другом лице показания, которые прямо или косвенно касаются его самого, то он всегда вправе, а не обязан давать та-

⁸² См. об этом: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 162—163; т. II, стр. 282—284; И. Л. Петрухин, О значении звукозаписи показаний в уголовном процессе, «Правоведение», 1966, № 2, стр. 137—139.

⁸³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 6, стр. 37.

⁸⁴ См. об этом: Т. Н. Добровольская, Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮН», вып. 1 (5), М., 1957, стр. 76—104.

кие показания. Если показания обвиняемого о другом лице не затрагивают его самого, то он обязан давать такие показания. Но это касается не всех дел.

Обвиняемый, давая показания о другом обвиняемом (подсудимом) по тому же делу, может совершенно не касаться своего обвинения; возможно это по делам с несколькими эпизодами обвинения, не каждый из которых относится ко всем обвиняемым. Не возникает ли в данном случае у подсудимого обязанность давать показания о другом подсудимом? В законе совершенно правильно решен этот вопрос: подсудимый в ходе судебного разбирательства всегда вправе, а не обязан давать показания. Взаимоотношения между обвиняемыми по одному делу всегда сложно переплетены, и если бы право давать показания в данном случае зависело от их содержания, то на практике возникли бы различные затруднения в решении вопроса о том, касаются или не касаются самого обвиняемого его показания о другом лице, могут или не могут они быть использованы против него. Создалась бы определенная возможность субъективного решения этого вопроса и превращения порой права обвиняемого давать о себе показания в его обязанность.

Несколько иначе следует подходить к решению данного вопроса, когда обвиняемый (подсудимый, осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого дело прекращено) дает показания о другом лице и по другому делу.

Допрос обвиняемого о других лицах по другому делу может состояться по разным причинам. Так, обвиняемый может быть осужден или оправдан, а затем возникнет необходимость его допроса в отношении другого лица по делу, которое было выделено в отдельное производство или позже возбуждено. В отношении обвиняемого (подсудимого) дело может быть прекращено по тем или иным основаниям, а позже появится необходимость его допроса в отношении лиц, обвиняемых по тому же делу или по другому.

Как свидетельствует практика, в подобных случаях обвиняемого (осужденного, оправданного, лицо, в отношении которого дело было прекращено) допрашивают в суде в качестве свидетеля, предупреждая его об ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Такая практика находит иногда себе оправдание в юридической литера-

туре⁸⁵. С этим нельзя согласиться. Решать вопрос о том, вправе или обязан давать показания осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого дело прекращено, необходимо исходя из предмета и содержания этих показаний. Если они касаются обвинения лица, которое их дает, то, несмотря на то что вопрос с обвинением уже решен, давать показания может быть лишь правом данного лица, и нельзя в этом случае предупредить его об ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания⁸⁶. Если же показания такого лица совершенно его самого не касаются, то, надо полагать, он обязан их давать, и допрашивать его в этих случаях необходимо с соблюдением всех правил допроса свидетелей.

Показания обвиняемого (подсудимого), уличающие иных лиц, принято именовать оговором, относительно сущности которого в юридической литературе высказаны различные мнения⁸⁷. В основном спор идет о том, можно ли под оговором понимать любые уличающие показания обвиняемого или только те, которые являются заведомо ложными. Наряду с этим возникают сомнения и в необходимости вообще такого особого процессуального понятия, как «оговор». Прежде всего следует отметить, что отождествление оговора с любыми уличающими показаниями обвиняемого относительно других лиц не дает ничего нового, оригинального в решении той или иной процессуальной проблемы. Необходимо учитывать и то, что выделение из показаний обвиняемого (подсудимого) особой их разновидности — «оговора» может породить представление об его особом доказательственном значении. Между

⁸⁵ См.: Научно-практический комментарий УПК РСФСР, стр. 108; Н. М. Гореватый, Подготовка и проведение судебного следствия, М., 1955, стр. 58—59.

⁸⁶ См.: М. Л. Якуб, указ. соч., стр. 73—80; В. Пантелеев, О порядке допроса обвиняемого в связи с выделением дела, «Советская юстиция», 1970, № 18, стр. 10—11.

⁸⁷ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 427—428; Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 160—161; Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 150; Т. Н. Добровольская, Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 1 (5), 1957, стр. 78 и сл.; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, стр. 60 и сл.; Уголовный процесс, отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькин, М., 1972, стр. 192.

тем показания обвиняемых (подсудимых), в том числе и в отношении иных лиц и независимо от того, оправдательные они или обвинительные, являются рядовым доказательством и подлежат проверке и оценке наравне с другими доказательствами по делу.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно обращали внимание судов на то, что обвинение не может быть основано лишь на показаниях сообвиняемого, если эти показания не подтверждаются другими объективными доказательствами⁸⁸. Но это совершенно не означает, что показания подсудимого о другом подсудимом являются доказательством «второго сорта». С точки зрения практики и теории доказывания одно-единственное доказательство независимо от его источника (показание обвиняемого, свидетеля и т. д.) не может рассматриваться как достаточное для признания обвинения доказанным. То, что Верховные Суды СССР и РСФСР подчеркивают это в большей степени по отношению к показаниям обвиняемых (подсудимых), свидетельствует лишь о распространненности судебных ошибок, связанных с неправильным отношением к показаниям обвиняемых (подсудимых), когда в отдельных случаях им придают особое значение, а в других недооценивают их роль.

Видно, нет смысла понимать под оговором и только ложные, уличающие показания обвиняемого (подсудимого). Как правильно заметила В. И. Каминская, «иметь окончательное суждение об истинности или ложности доказательства можно лишь тогда, когда оно уже отслужило свою службу и получило оценку в приговоре суда»⁸⁹.

В решении данного вопроса нельзя не учитывать и общераспространенное понимание оговора как ложного обвинения, возведенного на другое лицо⁹⁰. В таком понимании оговор может быть не только со стороны обвиняемого (подсудимого), но и со стороны свидетеля, потерпевшего.

Предусмотренные законом такие понятия, как показания и объяснения обвиняемого (подсудимого), как видно, не нуждаются в том, чтобы различать с точки зрения процессу-

⁸⁸ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 284—286.

⁸⁹ В. И. Каминская, указ. соч., стр. 93.

⁹⁰ См.: Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, М., 1938, стр. 749.

альной сущности и значения какие-либо их разновидности, в том числе и так называемый оговор.

*Право подсудимого
участвовать
в судебных прениях*

В судебных прениях в защиту подсудимого обычно выступает его защитник, но, когда последний не принимает участия в судебном заседании, закон предоставляет самому подсудимому право произнести защитительную речь (ст. 295 УПК). Аналогично решен этот вопрос в УПК всех союзных республик, кроме Эстонской ССР. Статья 256 УПК Эстонской ССР предусматривает право подсудимого выступить в судебных прениях, если в судебном заседании не участвовали защитник и общественный защитник. Такое решение вопроса представляется менее удачным. Общественный защитник допускается в процесс не по воле подсудимого, его назначение в процессе в сравнении с защитником несколько иное. Поэтому лишение подсудимого возможности выступить с защитительной речью, когда в процессе участвует общественный защитник, умаляло бы его право на защиту.

Подсудимый вправе сам выступить в судебных прениях не только тогда, когда защитник не участвует в судебном заседании, но и в случае, если он откажется от защитника до начала судебных прений. В ходе судебного следствия подсудимый по разным причинам может отказаться от защитника, и вот в этом случае у него возникает возможность самому произнести защитительную речь.

Иногда подсудимый является единственным участником судебных прений. Это бывает в случаях, когда в рассмотрении дела не принимают участие обвинитель, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и другие возможные участники судебных прений. Отсутствие этих лиц в процессе не лишает подсудимого права произнести речь в свою защиту. Несмотря на то что, кроме подсудимого, никто в судебных прениях выступать не будет, суд обязан открыть судебные прения и предоставить подсудимому слово. Не все

подсудимые правильно понимают это свое право, поэтому суд должен особо разъяснить, что им предоставляется возможность выступить с защитительной речью, а затем с последним словом. Подсудимый может отказаться от защитительной речи и воспользоваться только последним словом. Это его право, но лишать подсудимого возможности выступить с защитительной речью никак нельзя на том основании, что нет других участников судебных прений, а ему самому будет предоставлено последнее слово. Иногда суды объявляют подсудимым, что им сразу, в одном выступлении дается возможность произнести защитительную речь и последнее слово. Такие действия суда не соответствуют закону, они нарушают права подсудимого.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно указывали судам на недопустимость нарушения права подсудимого участвовать в судебных прениях, и в частности на то, что лишение подсудимого, отказавшегося от адвоката, слова для защиты является грубым нарушением права на защиту и поводом к отмене приговора⁹¹. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя приговор, указала: «Из материалов дела видно, что подсудимый в судебном заседании отказался от защитника. Поэтому на основании ст. 295 УПК РСФСР в этом случае он имел право участвовать в судебных прениях. Из протокола же судебного заседания усматривается, что такая возможность ему судом не была предоставлена. Лишение подсудимого такого права по смыслу ст. ст. 295, 345 УПК РСФСР является грубым нарушением права подсудимого на защиту и существенным нарушением уголовно-процессуального закона»⁹².

То, что в судебных прениях может выступить либо защитник, либо подсудимый, в известной степени ограничивает права подсудимого. Перед ним нередко возникает вопрос, выступить самому в судебных прениях или поручить это защитнику, довериться ему. Особенно трудно его решить подсудимому, если в ходе судебного следствия между ним и защитником возникли разногласия. Чаще всего подсудимый ре-

⁹¹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 335, 383; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 5, стр. 10.

⁹² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 5, стр. 10.

шает этот вопрос в пользу адвоката. Бывает, что потом он сожалеет о таком своем решении. Вместе с тем практике известны случаи, когда принятие подсудимым защиты на себя отрицательно отражалось на защите его интересов. Решение всех этих вопросов значительно упростилось бы, если подсудимый мог бы выступать в судебных прениях наряду с защитником⁹³.

Подсудимый пользуется многими процессуальными правами наравне с защитником. Он вправе, как и защитник, участвовать в исследовании доказательств, обжаловать приговор, и всему этому не соответствует ограничение его права выступать в судебных прениях в зависимости от участия в них защитника.

Иногда полагают, что подсудимый все, что он намерен был сказать в защитительной речи, может изложить в своем последнем слове. Но практически это невозможно, так как содержание защитительной речи и последнего слова все-таки неодинаково. Основное содержание судебных прений заключается в анализе доказательств, что вряд ли можно в полной мере сделать в последнем слове. Во всяком случае в судебной практике сложился своего рода обычай, согласно которому в последнем слове подсудимые больше рассказывают о себе и обращаются к суду с той или иной просьбой.

Предоставление подсудимому права во всех случаях выступать в судебных прениях полнее выражало бы состязательность судебного разбирательства и принцип равенства прав его участников.

Подсудимые, выступая в судебных прениях, испытывают определенные трудности, не всегда ясно представляя себе, о чем и как следует говорить. Нередко они касаются вопросов, которые явно не имеют отношения к делу. Председательствующий вправе остановить такую речь подсудимого и обратить его внимание на то, что он касается обстоятельств, не имеющих отношения к делу. При этом нельзя ограничивать продолжительность выступления подсудимого.

Участники судебных прений не вправе ссылаться на доказательства, не бывшие предметом рассмотрения на судебном следствии. Подсудимые, не зная об этом и о своем пра-

⁹³ См.: Демократические основы советского социалистического правосудия, под ред. М. С. Строговича, М., 1965, стр. 251.

ве ходатайствовать о возобновлении судебного следствия, могут в своей речи фактически касаться таких доказательств. Если это будет иметь место, суд должен по своей инициативе обсудить вопрос о возобновлении судебного следствия.

После выступления всех участников судебных прений каждый из них, в том числе и подсудимый, может выступить еще раз с репликой, т. е. с кратким возражением по поводу сказанного в речах других участников прений (ст. 296 УПК). Подсудимый имеет право на реплику, когда он участвовал в судебных прениях или хотя бы имел на это право по конкретному делу. Если в судебных прениях участвовал защитник, то ему, а не подсудимому и принадлежит право воспользоваться репликой. Обмен репликами возможен не только между обвинителем и защитником, он возможен также между подсудимым и всеми другими участниками прений, в том числе между подсудимым и другими подсудимыми или их защитниками, если у подсудимых есть противоречивые интересы. Право последней реплики всегда принадлежит защитнику или подсудимому.

Когда в судебном заседании участвуют несколько подсудимых и защитников, суд по их предложению определяет последовательность выступлений в судебных прениях и с репликой.

*Право подсудимого
представить суду
свои предложения
по существу обвинения*

После судебных прений подсудимый и другие участники судебного разбирательства могут представить суду в письменном виде предлагаемую ими формулировку решения некоторых вопросов, которые суду предстоит обсудить при постановлении приговора (ст. 298 УПК).

Право это принадлежит подсудимому независимо от того, выступал он в судебных прениях или нет. Он может воспользоваться им и в том случае, если в судебных прениях выступал защитник, а не он сам. Это, кстати, еще одно свидетельство в пользу предоставления подсудимому права вы-

ступать в судебных прениях в каждом случае, наравне с защитником. Если подсудимый может письменно изложить суду свое мнение по вопросам, которые предстоит решить суду, то почему он не имеет права сказать об этом устно в своей речи перед судом? Объяснить это, видимо, трудно. Судьи и адвокаты должны особо разъяснять подсудимому это его право, чтобы при желании он мог им воспользоваться, тем более в тех случаях, когда в судебном заседании участвует защитник.

В законе предусмотрено, что участники судебного заседания вправе представить суду в письменном виде предлагаемую ими формулировку решения по вопросам, указанным в п. п. 1—5 ст. 303 УПК, т. е. по вопросам, имело ли место деяние, содержит ли оно состав преступления, совершил ли это деяние подсудимый, виновен ли он и подлежит ли наказанию. В литературе вполне обоснованно высказаны суждения о праве участников процесса изложить письменно свое мнение и по другим вопросам, в частности о гражданском иске, о гражданско-правовых последствиях преступления⁹⁴. Ограничение определенным перечнем вопросов, по которым участники судебного заседания могут представлять суду в письменном виде свои предложения, не соответствует полному обеспечению прав участников процесса и находится в противоречии с другими процессуальными нормами. Подобных ограничений нет и быть не может для участников судебного разбирательства, когда они выступают в судебных прениях или пишут кассационную жалобу, и вряд ли чем-нибудь оправдано такое ограничение, когда они решили представить суду в письменном виде свои предложения по вопросам, которые должен решить суд.

Более правильно решен этот вопрос в УПК Эстонской ССР, который предусматривает, что участники судебных прений имеют право до удаления суда в совещательную комнату представить суду текст своей речи для приобщения к протоколу судебного заседания (ст. 257). Только правильное было бы представлять не текст всей речи, а конкретные предложения по вопросам, которые должен решить суд.

Правило, предусмотренное ст. 298 УПК РСФСР, известно еще только УПК Азербайджанской ССР (ст. 318). Уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик

⁹⁴ См.: Научно-практический комментарий УПК РСФСР, стр. 368.

отказались от него при разработке действующего законодательства. Объясняя это, Д. И. Леошкевич пишет: «Принимая такое решение, законодатель исходил из того, что на протяжении всего периода действия на территории Молдавии старого законодательства, содержащегося в статьях кодекса, названное правило не нашло себе применения в судебной практике и противоречит принципу независимости судей»⁹⁵. Вряд ли такое решение правильно. Если хорошее процессуальное правило не применяется, то это не значит, что его нужно отменить. Напротив, следует принять меры к укреплению законности и исполнению процессуальных правил. Ошибается Д. И. Леошкевич и в том, что данное правило противоречит принципу независимости судей. Как устная речь участника процесса, так и письменное ее изложение не могут нарушить независимость судей.

Правильно пишет М. С. Строгович, «что правило о предоставлении суду письменных формулировок, фиксирующих точку зрения каждой стороны по данному делу и ставящих те вопросы, по которым сторона ожидает решения суда, целесообразно, так как этим оказывается суду существенная помощь при вынесении приговора, а вместе с тем повышается определенность и конкретность утверждений, которые стороны выдвигают в прениях»⁹⁶. Для того чтобы указанное право полнее использовалось подсудимым, суд и особенно защитник подсудимого должны надлежащим образом разъяснять ему это право.

Последнее слово подсудимого

После окончания судебных прений, перед тем как удалиться в совещательную комнату для постановления приговора, суд предоставляет подсудимому последнее слово (ст. 297 УПК).

⁹⁵ Д. И. Леошкевич, Об уголовно-процессуальном кодексе Молдавской ССР, сб. «Об уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик», М., 1962, стр. 266.

⁹⁶ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 309.

Последнее слово — право подсудимого. Он может от него и отказаться — тогда это должно быть отражено в протоколе судебного заседания, но лишить подсудимого последнего слова нельзя. Отмечая это, Верховный Суд СССР указывал на то, что лишение подсудимого последнего слова является существенным нарушением его прав, которое влечет за собой отмену приговора⁹⁷.

Последнее слово подсудимого имеет большое значение и для самого подсудимого и для суда. Подсудимый получает возможность перед тем, как суд приступит к решению вопросов о его виновности и наказании, обратиться последний раз к суду с той или иной просьбой, высказать свое отношение к обвинению, к материалам судебного следствия. Суд получает возможность лучше понять, как подсудимый окончательно оценивает свое поведение, как относится к результатам судебного разбирательства.

Судьи своим приговором решают судьбу подсудимого, именно поэтому лишь ему принадлежит право последнего слова, после которого никто не вправе выступать перед судом. Верховный Суд СССР отметил как грубое нарушение закона предоставление судом гражданскому истцу возможности выступить после последнего слова подсудимого с требованием наказать подсудимого и удовлетворить гражданский иск⁹⁸.

Подсудимому должно быть предоставлено последнее слово и в том случае, если он выступал в судебных прениях.

В судебной практике подсудимые редко отказываются от дачи показаний, но если он не давал показания, то это не лишает его права воспользоваться последним словом⁹⁹.

Недопустимо лишать подсудимого последнего слова и в каких-либо иных случаях, например за его неправильное поведение в судебном заседании. Лишь когда подсудимый был удален из зала судебного заседания за нарушение порядка (ст. 263 УПК), он фактически не может воспользоваться последним словом. Поэтому Верховный Суд СССР разъяснил, что «непредоставление последнего слова подсудимому, уда-

⁹⁷ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 26—27.

⁹⁸ См. там же, стр. 213.

⁹⁹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 335.

ленному из зала судебного заседания, не может служить основанием к отмене приговора»¹⁰⁰.

Учитывая, что последнее слово подсудимого является одной из существенных гарантий его права на защиту, а также нравственную сторону правила о том, что человек перед наказанием имеет право на последнее слово, подсудимому во всех случаях следовало бы предоставлять последнее слово, в том числе и тогда, когда он за нарушение порядка был удален из зала судебного заседания. Суды нередко так именно и поступают. Причем подсудимые, когда им разрешают вернуться в зал судебного заседания и разъясняют право на последнее слово, как правило, ведут себя должным образом и от последнего слова не отказываются.

Учитывая это, в законе следовало бы предусмотреть, что подсудимому, удаленному из зала судебного заседания за нарушение порядка, суд обязан разрешить вернуться в зал судебного заседания для выступления с последним словом. Подсудимый, вернувшийся в зал судебного заседания и продолжающий нарушать порядок, может быть лишен последнего слова, о чем должна быть сделана отметка в протоколе судебного заседания.

В своем последнем слове подсудимый может говорить о всем, что считает нужным сообщить суду. Вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются. Суд не должен ограничивать и продолжительность последнего слова. Председательствующий лишь вправе останавливать подсудимого, когда он касается обстоятельств, явно не имеющих отношения к делу. УПК некоторых союзных республик не наделяют председательствующего этим правом¹⁰¹. Как верно пишет М. С. Строгович, прибегать к такому праву уместно во время дачи подсудимым показаний, во время судебных прений, «но когда подсудимый говорит свое последнее слово, обращается к суду непосредственно перед тем, как суд будет решать его судьбу, нет оснований стеснять подсудимого, лишая его возможности сказать суду все, что он, подсудимый, считает нужным. Разумеется, нарушения подсудимым порядка в судебном заседании (оскорбительные

¹⁰⁰ «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», стр. 261; см. также: «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1967, № 7, стр. 12.

¹⁰¹ См. ст. 319 УПК УССР, ст. 277 УПК Узбекской ССР, ст. 279 УПК Казахской ССР.

выражения и т. п.) недопустимы и во время произнесения им последнего слова»¹⁰².

Нравственные правила, внимательное отношение к человеку обязывают суд выслушать все, что подсудимый считает необходимым сказать в своем последнем слове. Опасаться, что подсудимый будет злоупотреблять этим своим правом, затягивать рассмотрение дела и т. п., вряд ли следует, к тому же практике, наверно, и неизвестны подобные случаи. Председательствующий должен иметь право прерывать подсудимого во время последнего слова только тогда, когда речь подсудимого будет носить неприличный характер.

Последнее слово подсудимого не является источником доказательств. Поэтому, если подсудимый в своем последнем слове сообщает новые обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, суд обязан возобновить судебное следствие для того, чтобы исследовать эти новые обстоятельства. Суд обязан возобновить судебное следствие и в том случае, если заявление, сделанное в последнем слове одного подсудимого, имеет существенное значение для правильного разрешения дела в отношении другого подсудимого¹⁰³.

Иногда подсудимый, отрицая свою вину в ходе судебного следствия, признает ее в своем последнем слове. Суды не всегда в этих случаях возобновляют судебное следствие, полагая, что признание подсудимым своей вины ничего не меняет в доказательственном материале дела, которое было всесторонне и полно исследовано. Такая практика является неправильной. Оценка подсудимым своих действий, признание им своей вины или отрицание ее, имеет существенное значение для дела. Поэтому, если подсудимый признал свою вину лишь в последнем слове, суду следует возобновить следствие, вновь допросить подсудимого, выяснить, почему он раньше отрицал свою вину, а теперь признал ее. Несомненно, все это повлияет на вынесение обоснованного и справедливого приговора.

Если судебное следствие было возобновлено, то после его окончания суд вновь открывает судебные прения и выслушивает последнее слово подсудимого. Невыполнение су-

¹⁰² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 321.

¹⁰³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 5, стр. 39.

дом указанного требования является существенным нарушением уголовно-процессуального закона¹⁰⁴.

Право подсудимого знать приговор

Постановив приговор, суд провозглашает его публично в зале судебного заседания (ст. 318 УПК). Так подсудимый впервые знакомится с решением суда относительно предъявленного ему обвинения.

Приговор должен быть объявлен полностью, недопустимо оглашение лишь какой-нибудь его части. Провозглашается он всегда в присутствии подсудимого (ст. 263 УПК). Единственным исключением из этого правила может быть случай нарушения подсудимым порядка во время чтения приговора. Провозгласив в этом случае приговор в отсутствие подсудимого, суд затем немедленно знакомит с ним подсудимого.

После провозглашения приговора председательствующий спрашивает у подсудимого, понятен ли ему приговор, и в необходимых случаях разъясняет содержание приговора или отдельных его положений. Такой порядок сложился на практике, хотя он и не предусмотрен законом. Необходимость указанных действий очевидна. Они направлены на то, чтобы гарантировать право подсудимого знать приговор. Обязанность суда поступать в каждом случае именно таким образом должна быть закреплена в законе.

Гарантируя подсудимому право знать приговор, закон предусматривает, что не позднее трех суток после провозглашения приговора копия его должна быть вручена осужденному или оправданному (ст. 320 УПК).

Копия приговора вручается подсудимому независимо от того, участвовал он в судебном заседании или нет. Отступление от этого правила не может быть объяснено никакими причинами и является существенным нарушением закона, прав подсудимого¹⁰⁵.

¹⁰⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 6, стр. 10.

¹⁰⁵ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 12, стр. 9.

Подсудимый вправе знать не только приговор суда, но и все иные его решения. Судебное разбирательство может закончиться вынесением определения: о прекращении дела, о направлении его для производства дополнительного расследования и т. д. Многие вопросы, возникающие в ходе судебного разбирательства, также решаются путем вынесения судебных определений. Содержание всех этих определений подсудимый вправе знать. Это обеспечивается тем, что, как предусматривает закон, определения, вынесенные судом во время судебного разбирательства, подлежат оглашению (ст. 261 УПК). Чтобы ознакомить подсудимого с некоторыми решениями суда, этого вполне достаточно, но не всегда. В целях наиболее полной гарантии прав подсудимого ему иногда необходимо вручить копию определения суда, особенно когда суд принимает решение о прекращении дела, тем более по реабилитирующим подсудимого основаниям. Учитывая это, закон необходимо дополнить указанием, что по просьбе подсудимого ему должна быть выдана копия определения суда.

Частные определения, которые суд выносит на основании ст. 321 УПК, могут не оглашаться в судебном заседании, но это не означает, что подсудимый не имеет права знать о них и с ними знакомиться. После окончания судебного разбирательства подсудимый вправе ознакомиться со всеми материалами дела: приговором, определениями суда, протоколом судебного заседания и частными определениями.

В юридической литературе и на практике по-разному решается вопрос о праве подсудимого и других участников судебного разбирательства знать по делу особое мнение одного из судей.

Иногда утверждают, что особое мнение судьи — тайна совещания судей, и об этом никто не должен знать, кроме судей, постановивших приговор, а также судей вышестоящих судов и прокурора, проверяющего законность и обоснованность приговора¹⁰⁶. Основной аргумент в пользу такого решения вопроса заключается в том, что ознакомление с особым мнением судьи нарушает закон о тайне совещания судей. Это неверно. Решение судьи, его мнение — результат сове-

¹⁰⁶ См.: И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 79; Научно-практический комментарий УПК РСФСР, стр. 377—378.

шания судей. Закон же охраняет тайну совещания судей, тех суждений, которые были при этом, а не тайну мнения каждого судьи, к которому он окончательно пришел по делу. К тому же закон предусматривает, что особое мнение не объявляется при провозглашении приговора, но этим не исключается возможность последующего с ним ознакомления.

Совершенно недопустимо, чтобы подсудимый не имел возможности ознакомиться с какими-то материалами дела, имевшими то или иное значение для его рассмотрения. Это не соответствовало бы всей системе процессуальных гарантий прав подсудимого.

Следует полностью согласиться с обстоятельной и убедительной критикой М. С. Строговичем утверждения о том, что с особым мнением судьи никто не вправе знакомиться. Так, он, в частности, пишет: «Было бы грубое процессуальное нарушение, если бы участники процесса видели в деле запечатанный конверт, но не могли знать, что в этом конверте находится... Поэтому мы решительно утверждаем, что после вынесения приговора знакомиться с особым мнением могут все те лица, которым закон предоставляет право знакомиться с производством по делу»¹⁰⁷.

Обосновывая право участников судебного разбирательства знакомиться с особым мнением судьи, В. П. Нажимов полагает, что вслед за приговором следовало бы «оглашать особое мнение судьи, не называя его фамилии. Само же особое мнение судьи хранить в особом наряде, а к делу прилагать перепечатанную на машинке или переписанную копию без подписи, заверенную председательствующим»¹⁰⁸. Несмотря на то что все это в большей степени гарантировало бы право подсудимого и других участников процесса на ознакомление с особым мнением судьи, с данным предложением нельзя согласиться.

Приговор суда выносится простым большинством голосов судей, и одно особое мнение не колеблет законности и обоснованности приговора. Публичное же оглашение вслед за приговором особого мнения судьи может породить лож-

¹⁰⁷ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 336—337.

¹⁰⁸ В. П. Нажимов, Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР, сб. «Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР», Калининград, 1970, стр. 112.

ное впечатление о приговоре, снизить его значение, как акта социалистического правосудия.

Нет никакой необходимости и скрывать от участников процесса имя судьи, написавшего особое мнение. Стремление утаить это вряд ли объяснимо с точки зрения нравственных принципов и судебной этики. Тем более, что, как это уже отмечалось ранее, ознакомление с решениями судей в виде их приговора, определения и особого мнения не нарушает тайны их совещания.

Действующее законодательство не ограничивает право подсудимого и других участников процесса знакомиться с особым мнением судьи, но с тем, чтобы по данному вопросу не возникали какие-либо сомнения, его следовало бы более четко решить в законе.

*Право подсудимого
знакомиться с протоколом
судебного заседания*

Протокол судебного заседания — единственный процессуальный документ, который свидетельствует о всем том, что происходило в судебном разбирательстве. Лишь на основании его можно судить о законности действий суда и других участников процесса, о том, насколько полно, всесторонне и объективно проведено судебное следствие. Этим определяется значение протокола в осуществлении правосудия, на что неоднократно обращал внимание судов Верховный Суд СССР¹⁰⁹.

Велико значение протокола судебного заседания и в обеспечении прав подсудимого. Этим обуславливается, в частности, право подсудимого знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него свои замечания. Аналогичные права принадлежат и другим участникам процесса. Все это направлено на то, чтобы обеспечить составление такого протокола, который верно, безошибочно отражал бы ход судебного разбирательства. На это направлены и много-

¹⁰⁹ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 36—37; «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 328—329.

численные предложения по совершенствованию порядка оформления протокола судебного заседания.

Вносились предложения расширить участие подсудимого и других лиц в составлении протокола с тем, чтобы он полностью оформлялся в ходе судебного разбирательства. Предлагалось, чтобы после допроса подсудимого (свидетеля и т. д.) в зале судебного заседания оглашалась запись его показаний в протоколе, а затем он своею подписью удостоверял бы ее правильность¹¹⁰. Несмотря на то что данные предложения направлены на расширение прав участников судебного разбирательства, в том числе подсудимого, а их реализация, может быть, и улучшила бы в какой-то степени качество протокола, с предложениями этими нельзя согласиться. Прежде всего, они чрезмерно усложняют процесс. Оглашение в суде показаний каждого допрошенного лица увеличивало бы вдвое время судебного разбирательства. Но дело не только в этом. После оглашения записи показаний того или иного лица, например свидетеля, в судебном заседании может возникнуть спор о содержании записи. Участвуя в этом споре, подсудимый, защитник, обвинитель и другие лица настаивали бы на своих формулировках записи показаний; суду пришлось бы решать этот спор, принимать или отвергать те или иные формулировки. Все это воспринималось бы как предварительная и необъективная оценка доказательств.

Между тем есть другие способы обеспечить высокое качество протокола судебного заседания. Это — применение звукозаписи, стенографии и машинописи при составлении

¹¹⁰ См.: Н. П. Кан, Некоторые пути совершенствования уголовного судопроизводства, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 106; Г. Шафир, Я. Мазель, Совершенствовать порядок изготовления судебного протокола, «Советская юстиция», 1965, № 6, стр. 15; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 265.

Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР предусматривает, что в случаях, когда суд признает необходимым, свидетели и потерпевшие подписывают в протоколе судебного заседания данные ими показания (ст. 241). Такое решение вопроса вряд ли является удачным. Возникают недоумения: когда появляется такая необходимость, чем она вызывается? Чем процессуально отличаются показания, подписанные лицом, их давшим, от неподписанных показаний? Не повлечет ли это различный подход к доказательствам, например придание подписанным показаниям большего значения? Вопрос должен быть решен только так: либо все показания подписывать, либо не делать это совсем.

протоколов, участие подсудимого и всех заинтересованных лиц в составлении на этой основе протоколов судебных заседаний.

В прошлом применение звукозаписи и стенографии в суде считалось неприемлемым¹¹¹ или даже утопичным делом¹¹². При этом такие утверждения делались несмотря на то, что уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают возможность ведения протокола судебного заседания в виде стенографической записи¹¹³.

Необходимость применения звукозаписи, стенографии и машинописи в уголовном судопроизводстве, в частности для составления протоколов судебных заседаний, все чаще отмечается в юридической литературе¹¹⁴.

В 1966 г. союзные республики дополнили свои уголовно-процессуальные кодексы правилами о применении звукозаписи в уголовном судопроизводстве. Дело теперь за тем, чтобы создать в каждом суде необходимые условия для ее применения.

Наряду со звукозаписью для протоколирования судебного заседания необходимо применять стенографию и машинопись¹¹⁵. Именно в этом заключается сейчас внедрение новых,

¹¹¹ См.: Г. Шафир, Я. Мазель, Совершенствовать порядок изготовления судебного протокола, «Советская юстиция», 1965, № 6, стр. 15.

¹¹² См.: Н. П. Кан, Некоторые пути совершенствования уголовного судопроизводства, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 106.

¹¹³ См. ст. 241 УПК Узбекской ССР, ст. 281 УПК Азербайджанской ССР.

¹¹⁴ См.: А. Я. Палиашвили, Использование звукозаписи, кино съемки и стенографии в уголовном процессе, «Советское государство и право», 1971, № 2, стр. 87—92; В. Алексеев, Значение протоколов судебного заседания для вышестоящего суда, «Советская юстиция», 1965, № 5, стр. 19; М. П. Хилобок, Теоретические вопросы и практика применения звукозаписи в следственных действиях, «Советское государство и право», 1966, № 2, стр. 114—117; Л. Карнеева, Использование в суде звукозаписи, «Советская юстиция», 1966, № 14, стр. 19; В. Герасимов, Использование звукозаписи при рассмотрении уголовных дел в суде, «Советская юстиция», 1968, № 21, стр. 13—14; Звукозапись в уголовном процессе, «Правоведение», 1968, № 2, стр. 133—139; Ю. Патраков, Т. Альшевский, В. Пахмелкин, Важнейший показатель судебной культуры, «Советская юстиция», 1968, № 6, стр. 20—21; Н. Макарова, А. Левин, Использование звукозаписи в Московском областном суде, «Советская юстиция», 1971, № 15, стр. 27—28.

¹¹⁵ Пленум Верховного Суда СССР в одном из своих постановлений, обращая внимание судей на значение протоколов судебных заседаний, потребовал принять меры к изготовлению протоколов в установленном срок и в печатном виде (см.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 36—37).

передовых методов совершенствования уголовного судопроизводства в части составления протоколов судебных заседаний.

Протокол судебного заседания должен быть изготовлен не позднее чем через трое суток по окончании судебного заседания, и председательствующий обязан обеспечить подсудимому и другим участникам процесса возможность ознакомиться с ним (ст. 264 УПК). Отказ подсудимому в ознакомлении с протоколом судебного заседания, как отметил Верховный Суд СССР, является грубым процессуальным нарушением¹¹⁶.

Если в ходе судебного заседания применялась звукозапись, то подсудимый имеет право ознакомиться и с ней. Это непосредственно законом не предусмотрено, но вытекает из права подсудимого знакомиться со всеми материалами дела.

Ознакомившись с протоколом судебного заседания и найдя, что он не отражает точно ход судебного разбирательства, подсудимый вправе подать на него свои замечания. Они могут касаться необходимости исправления содержания тех или иных записей или дополнения протокола пропущенными в нем сведениями и относиться к любой части протокола, а не только к показаниям допрошенных лиц. Замечания могут подаваться в течение трех суток после подписания протокола председательствующим и секретарем.

Рассмотрев замечания и согласившись с ними, председательствующий удостоверяет их правильность и приобщает к протоколу судебного заседания. При несогласии председательствующего с замечаниями они вносятся на рассмотрение распорядительного заседания суда. Определенной гарантией правильного рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, гарантией полноты и объективности отражения в протоколе всего хода судебного разбирательства является непременно участие лица, подавшего эти замечания, в обсуждении их судом, а также рассмотрение этих замечаний судьями, которые участвовали в разбирательстве дела.

Решаются же данные вопросы уголовно-процессуальным законодательством союзных республик по-разному. Так, уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 266) и УПК боль-

¹¹⁶ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 328, 329.

шинства других союзных республик требуют, чтобы в распорядительном заседании, рассматривающем замечания на протокол, председательствующий и хотя бы один из народных заседателей были из числа судей, участвовавших в разбирательстве дела. Невольно возникает вопрос: почему только один народный заседатель и к чему в этом случае будет сводиться роль другого народного заседателя, не участвовавшего в разбирательстве дела? Чем он будет руководствоваться, решая спор о замечаниях на протокол судебного заседания, в котором не участвовал? Правильнее решен этот вопрос в уголовно-процессуальных кодексах некоторых других союзных республик. Например, в ст. 118 УПК Литовской ССР предусмотрено, что в случае несогласия председательствующего с поданными замечаниями они вносятся на рассмотрение распорядительного заседания суда в том же составе, что и при рассмотрении дела, и, лишь когда это невозможно, допустима замена одного народного заседателя¹¹⁷. Несомненно, что замечания на протокол судебного заседания с большим успехом и правильнее могут быть рассмотрены судьями, которые участвовали в разбирательстве дела.

По-разному уголовно-процессуальные кодексы союзных республик решают вопрос и об участии в распорядительном заседании лиц, подавших замечания на протокол судебного заседания. В уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик содержится правило, согласно которому в распорядительное заседание в необходимых случаях вызываются лица, подавшие замечания на протокол (ст. 266 УПК). Таким образом, исключается право подсудимого и других лиц, подавших замечания, участвовать в судебном заседании по их желанию. Лица эти могут быть лишь вызваны судом в распорядительное заседание.

УПК некоторых других союзных республик предусматривают, что участники процесса вправе явиться в распорядительное заседание и обосновать сделанные ими замечания на протокол¹¹⁸. Указание в законе на данное право подсудимого и других лиц, подавших замечания на протокол, в большей степени обеспечивает защиту их интересов, а вместе с тем и законность оформления протокола судебного заседания.

¹¹⁷ См. также ст. 101 УПК Грузинской ССР, ст. 88 УПК Латвийской ССР, ст. 110 УПК Туркменской ССР.

¹¹⁸ См. ст. 101 УПК Грузинской ССР, ст. 230 УПК Молдавской ССР.

Но есть еще и третий вариант решения данного вопроса в УПК союзных республик, которые оговаривают, что замечания на протокол судебного заседания рассматриваются с участием лица, их принесшего¹¹⁹. Это требование закона следует понимать, конечно, не как обязанность подсудимого или другого лица, подавшего замечания на протокол, непременно участвовать в распорядительном заседании суда, а как обязанность суда вызвать лицо, подавшее замечания на протокол, для участия в их рассмотрении.

Анализ уголовно-процессуального законодательства союзных республик позволяет выработать общее, наиболее приемлемое правило в решении данного вопроса. Подсудимый и другие лица, подавшие замечания на протокол судебного заседания, должны иметь право участвовать при их обсуждении в суде. Суд обязан сообщить им о времени рассмотрения замечаний в распорядительном заседании. Рассматривать замечания на протокол судебного заседания, как правило, должны судьи, участвовавшие в разбирательстве дела. В законе необходимо указать и срок для рассмотрения судом замечаний на протокол судебного заседания. Вероятно, он не должен быть более трех суток.

Право подсудимого на освобождение из-под стражи

Заключение под стражу, лишение свободы весьма существенно затрагивают интересы личности, ограничивают ее права и потому возможны лишь в случаях, особо предусмотренных законом. В отношении подсудимого заключение под стражу допустимо лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, и когда есть основания полагать, что он скроется от суда, будет препятствовать установлению истины, продолжать преступную деятельность или уклонится от исполнения приговора, а также по мотивам опасности совершенного преступления (ст. ст. 89, 91, 96 УПК).

¹¹⁹ См. ст. 91 УПК Армянской ССР, ст. 110 УПК Туркменской ССР.

Заключение под стражу преследует лишь цели, которые стоят перед мерами пресечения в уголовном судопроизводстве, и, если отпадают основания для применения меры пресечения, подсудимый должен быть освобожден из-под стражи¹²⁰.

Определенной гарантией прав личности является установление законом предельных сроков содержания под стражей в качестве меры пресечения. Однако сроки эти распространяются лишь на стадию предварительного расследования (ст. 97 УПК). Между тем на практике известно немало дел, которые продолжают рассматриваться в суде и заканчиваются освобождением подсудимого из-под стражи. Установление предельных сроков содержания подсудимых под стражей во время рассмотрения дела в судебных стадиях¹²¹ явится дополнительной гарантией законных интересов личности и обяжет суд тщательней проверять законность и обоснованность нахождения подсудимого под стражей.

В определенных случаях закон обязывает суд немедленно освободить подсудимого из-под стражи.

Подсудимый должен быть незамедлительно освобожден из-под стражи, если он оправдан, освобожден от наказания или от отбывания наказания, а также в случае осуждения его к наказанию, не связанному с лишением свободы (ст. 319 УПК).

Подсудимый освобождается из-под стражи в зале судебного заседания, сразу после провозглашения приговора. Никакая отсрочка этому по тем или иным причинам не допускается.

В судебном заседании уголовное дело может быть прекращено. Если подсудимый при этом находился под стражей, то он также немедленно должен быть освобожден в зале судебного заседания. Указанием на это следовало бы дополнить уголовно-процессуальный закон.

¹²⁰ В юридической литературе ставился вопрос о предоставлении суду права проверять законность и обоснованность заключения обвиняемого под стражу в стадии предварительного расследования (см., например: Н. П. Кан, Некоторые пути совершенствования уголовного судопроизводства, «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 108). Вопрос этот требует специального и глубокого изучения. Во всяком случае после того, как дело передано в суд, на нем лежит обязанность проверить законность и обоснованность заключения подсудимого под стражу.

¹²¹ См.: М. М. Выдря, Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанций, автореф. докт. дисс., М., 1967, стр. 24.

Право подсудимого на жалобу

Одной из наиболее эффективных гарантий защиты прав и законных интересов подсудимого является его право на жалобу. Все действия и решения суда могут быть обжалованы подсудимым в установленном законом порядке (ст. ст. 22, 46 УПК). Из этого общего положения нет и быть не может никаких исключений. Закон в определенных случаях предусматривает особые правила, особый порядок обжалования тех или иных действий и решений суда, но он не содержит абсолютного запрещения их обжалования. Так, например, ст. 331 УПК не допускает обжалования в кассационном порядке некоторых определений суда, но это не означает, что закон вообще запрещает принесение на них жалоб. Они могут быть обжалованы в ином, в частности в надзорном, порядке.

В праве подсудимого обжаловать действия и решения суда наиболее ярко проявляется взаимоотношение интересов личности и правосудия. Свободное, почти ничем не ограниченное право на жалобу соответствует как интересам личности, так и интересам правосудия. Значение жалоб в уголовном судопроизводстве не только в том, что они направлены на защиту прав и законных интересов отдельных лиц, но и в том, что они являются важнейшей гарантией законности в уголовном процессе, содействуют более успешному осуществлению задач судопроизводства.

Отмечая огромное значение жалоб граждан, В. И. Ленин писал: «...обязательно приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам»¹²².

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на то, что «правильное и своевременное разрешение жалоб и заявлений граждан является важнейшим условием, обеспечивающим восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, укрепление социалистической законности и улучшение деятельности судебных органов»¹²³.

¹²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 224.

¹²³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 декабря 1963 г. «О мерах по дальнейшему улучшению рассмотрения жалоб и за-

Подсудимый может обжаловать не только действия и решения суда, в судебном разбирательстве он вправе также приносить жалобы на действия и решения органов расследования (следователя, лица, производящего дознание, прокурора). В законе предусмотрено, что после направления дела в суд всякие ходатайства и жалобы по делу направляются непосредственно в суд (ст. 217 УПК). Такой порядок обусловливается тем, что именно суду предстоит разбирать дело по существу, и любая жалоба на действия или решения органов расследования может отразиться на рассмотрении дела. Подобные жалобы могут поступить в суд и до предания обвиняемого суду, и после предания суду. Они часто связаны с неудовлетворением тех или иных ходатайств подсудимого, с незаконностью действий следователя и пр. Некоторые из них суд может полностью разрешить в ходе судебного разбирательства, например жалобу подсудимого на отказ следователя назначить экспертизу, провести следственное действие, предоставить возможность полностью ознакомиться с делом и т. д. Не всегда, однако, суд в состоянии принять окончательное решение по жалобе. Некоторые из них требуют вмешательства вышестоящих по отношению к следователю органов. Судьи очень часто жалобы, которые, по их мнению, не имеют процессуального значения по делу, направляют для рассмотрения в другие органы: в прокуратуру, органы МВД и иные организации. Это неправильная практика. Все жалобы по делу должны быть в его материалах. Когда суд не может окончательно разрешить жалобу, он обязан ее копию со своим письмом или частным определением направить для рассмотрения в соответствующую организацию.

Подсудимый вправе обжаловать различные действия суда, председательствующего и других участников процесса. Жалобы подсудимого в судебном разбирательстве необходи-

явлений граждан по судебным делам» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 12; см. также стр. 17—20, 257).

О рассмотрении дел по кассационным жалобам см.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 6—11); Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 ноября 1971 г. «О работе судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 2, стр. 3—4).

мо отличать от его ходатайств. Жалоба всегда является реакцией на те или иные действия, чаще всего незаконные. Так, подсудимый может заявить жалобу на действия обвинителя, который задает свидетелю наводящие вопросы, на действия председательствующего, который ограничивает выступления подсудимого с последним словом, и т. д. Любая жалоба подсудимого в судебном разбирательстве должна быть непременно занесена в протокол судебного заседания. По каждой жалобе подсудимого суд или председательствующий, когда это входит в его компетенцию (ст. 243 УПК), обязаны сразу принять решение. Если жалоба подсудимого осталась неудовлетворенной, он вправе изложить ее одновременно с жалобой на приговор или определение, которыми закончилось рассмотрение дела.

Среди всех жалоб подсудимого особое значение имеют его жалобы на приговор суда. Подсудимый вправе обжаловать приговор суда в кассационном порядке¹²⁴. Это право принадлежит как осужденному, так и оправданному (ст. 325 УПК). Лицо, оправданное по суду, может обжаловать приговор в части мотивов и оснований оправдания.

Подсудимому гарантируется возможность свободно обжаловать приговор, что обеспечивается рядом процессуальных правил. Закон не ограничивает те основания, по которым подсудимый вправе обжаловать приговор, не регламентирует содержание, а также форму жалобы подсудимого. Его жалоба может быть мотивированной, а может содержать лишь просьбу об отмене или изменении приговора.

Гарантией права подсудимого на свободное обжалование приговора является процессуальное правило о недопустимости в кассационной инстанции «поворота к худшему» для подсудимого по его жалобе (ст. 340 УПК). Это значит, что жалоба подсудимого не может повлечь за собой каких-либо неблагоприятных последствий для него: усиление наказания или отмену приговора за мягкостью наказания или в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении и т. д.¹²⁵

¹²⁴ Подробно об этом см.: И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, М., 1968, стр. 125—159, 182—248.

¹²⁵ См. об этом: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 409—414; И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 353—391; Н. Чистяков, В. Серов, Недопустимость поворота к худшему, «Социалистическая законность», 1971, № 8, стр. 39—40.

Созданию благоприятных условий для осуществления подсудимым права на обжалование приговора должно способствовать и предоставление подсудимому возможности дополнительно знакомиться со всеми материалами дела. В течение срока, установленного для обжалования приговора, дело должно находиться в суде. В это время его не могут истребовать из суда ни прокурор, ни вышестоящий суд, никакие иные органы.

Жалоба на приговор может быть подана в течение семи суток со дня провозглашения приговора, а осужденным, содержащимся под стражей, — в тот же срок со дня вручения ему копии приговора (ст. 328 УПК)¹²⁶. В случае пропуска срока подсудимый вправе просить суд о его восстановлении. Вопрос этот решается судом в распорядительном заседании. При наличии уважительных причин пропуска срока суд обязан восстановить его и принять жалобу. Отказ суда в восстановлении срока обжалуется в вышестоящий суд, который вправе восстановить пропущенный срок и рассмотреть дело по жалобе (ст. 329 УПК).

Кассационную жалобу подсудимый может подать в суд, вынесший приговор, а также направить ее непосредственно в кассационную инстанцию (ст. 326 УПК).

И. Д. Перлов предлагал установить в законе правило, чтобы кассационные жалобы и протесты во всех случаях приносились только в суд, вынесший приговор¹²⁷. Вряд ли в этом есть необходимость. Такое ограничение, в частности, права подсудимого на обжалование приговора может лишь осложнить рассмотрение его жалобы, направленной по той или иной причине непосредственно в кассационную инстанцию. Следует учитывать и весьма распространенное представление о том, что жалоба обычно подается в вышестоящий орган по отношению к тому, на который жалуются.

Кассационная жалоба подсудимого, поданная в установленный срок, во всех случаях подлежит обязательному рассмотрению кассационной инстанции. По данному вопросу принципиальное значение имеет постановление Пленума

¹²⁶ УПК Грузинской ССР и УПК Узбекской ССР предусмотрели пятидневный, а УПК Туркменской ССР — десятидневный срок для обжалования приговора.

¹²⁷ См.: И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 198.

Верховного Суда СССР от 15 марта 1971 г. по делу Наурбиева В. В. Осужденный, находясь под стражей, сдал кассационную жалобу в установленный законом срок администрации следственного изолятора, которая, однако, своевременно в надлежащий судебный орган ее не отправила. Жалоба поступила в кассационную инстанцию после рассмотрения в ней дела по жалобе адвоката. Отменяя кассационное определение по данному делу, Пленум Верховного Суда СССР указал, что, если кассационная жалоба осужденного поступила после того как дело было уже рассмотрено по жалобе его адвоката, кассационное определение подлежит отмене, а дело — направлению на новое кассационное рассмотрение¹²⁸.

Принципиальное значение этого постановления Пленума Верховного Суда СССР состоит в том, что в нем подчеркивается важность права подсудимого на жалобу, обязанность кассационной инстанции рассмотреть его жалобу одновременно и совместно с другими жалобами по делу. Отменяя определение кассационной инстанции, Пленум прежде всего исходил не из содержания жалобы, а из факта нарушения права подсудимого обжаловать приговор, нарушения его права на защиту.

Следует отметить, что УПК некоторых союзных республик устанавливают несколько иной порядок рассмотрения кассационных жалоб в случае, близком по своему процессуальному содержанию к указанному. Так, если после рассмотрения дела в кассационной инстанции поступает жалоба от лица, которому восстановлен кассационный срок, то эта жалоба дополнительно рассматривается в кассационной инстанции без предварительной отмены первоначального определения, а затем решается вопрос о том, необходимо ли отменить в порядке надзора первоначальное и последующее определения¹²⁹. Такому порядку дополнительного рассмотрения кассационных жалоб сопутствует ряд отрицательных моментов, и его следовало бы изменить, установив единый порядок рассмотрения кассационных жалоб и в подобных случаях, и в случаях, аналогичных делу Наурбиева.

Может возникнуть вопрос: зачем преждевременно отменять первоначальное кассационное определение, ведь воз-

¹²⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 3, стр. 21—22.

¹²⁹ См. ст. 362 УПК УССР, ст. 354 УПК Азербайджанской ССР, ст. 344 УПК Туркменской ССР, ст. 305 УПК Эстонской ССР.

можно, кассационная жалоба, которую приходится дополнительно рассматривать, окажется необоснованной? Такое рассуждение было бы неверным. Если признается необходимым рассмотреть в кассационном порядке жалобу, доводы которой не были ранее учтены при вынесении кассационного определения по делу, то такое определение является незаконным, необоснованным и подлежит отмене именно потому, что при его вынесении не были учтены доводы одной из кассационных жалоб. Кроме того, требуется учесть и некоторые психологические факторы. Рассматривая повторно дело в кассационной инстанции без предварительной отмены ранее вынесенного определения, судьи, несомненно, будут в определенной степени им связаны, связаны необходимостью последующей его отмены, если новое, дополнительное определение будет противоречить первоначальному определению. Все это, естественно, отразится на всесторонней и объективной проверке доводов вновь рассматриваемой жалобы. Совершенно иной станет обстановка в кассационной инстанции, когда после отмены первоначального кассационного определения доводы всех жалоб и протеста будут в равной мере всесторонне обсуждаться.

Пленум Верховного Суда СССР по данному вопросу разъяснил судам, что в случаях, когда возникает необходимость повторно рассмотреть дело в кассационной инстанции по жалобе, которая поступила позже, но подлежит рассмотрению, «суд кассационной инстанции обязан, если иное не установлено законом, направить дело председателю суда, правомочному внести протест в порядке судебного надзора, с тем, чтобы состоявшееся определение было отменено, а все жалобы и протест были рассмотрены одновременно»¹³⁰. Именно так вопрос должен быть решен в процессуальном законодательстве союзных республик.

Подсудимый, по тем или иным причинам не изложив в кассационной жалобе всех своих соображений относительно приговора, вправе подать дополнительную жалобу (ст. 328 УПК). В ней можно привести новые аргументы, подтверждающие соображения, изложенные в основной жалобе, а также дополнительно указать основания, которые свидетельствуют о незаконности, необоснованности приговора.

¹³⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 7.

Дополнительная жалоба должна быть подана до начала рассмотрения дела в кассационной инстанции.

Есть мнение, что дополнительные жалобы и протесты могут содержать новые доводы лишь в обоснование ранее указанных нарушений, что дополнительная жалоба не должна изменять характер и направление основной, первоначальной жалобы, так как иначе было бы нарушено право участников процесса, которые в случае подачи дополнительной жалобы перед самым началом заседания кассационной инстанции не могли бы как следует подготовиться к отстаиванию своих прав и законных интересов¹³¹. С этим мнением нельзя согласиться. Какое бы то ни было ограничение содержания любой кассационной жалобы, какими бы причинами это ни обосновывалось, означало бы ограничение права на свободное обжалование приговора и повлекло за собой существенное умаление процессуальных прав участников процесса, в том числе подсудимого. Кроме того, просто недопустимо, чтобы кассационная инстанция лишь по формальным соображениям (не написали об этом раньше!) отвергала рассмотрение тех или иных утверждений о наличии оснований для отмены или изменения приговора. Несомненно, все такие соображения должны быть учтены кассационной инстанцией, иначе судебная ошибка может остаться неисправленной.

Ограничение содержания дополнительной жалобы не вытекает из толкования действующего законодательства.

Конечно, представление новой по содержанию дополнительной жалобы, тем более непосредственно перед заседанием суда, может поставить других участников процесса в затруднительное положение, но выход из него нужно искать не путем ограничения содержания дополнительных жалоб, а созданием для участников процесса условий, позволяющих вовремя ознакомиться с дополнительными жалобами. В законе можно было бы оговорить, что участники процесса должны быть заблаговременно ознакомлены с кассационными жалобами, в том числе и дополнительными. С этой целью в необходимых случаях должно быть отложено заседание суда кассационной инстанции.

¹³¹ См.: И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 223—224; П. С. Элькин, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 121—123; Е. Мартынич, Недопустимость поворота решения к худшему в кассационном производстве, «Советская юстиция», 1970, № 8, стр. 16—17.

Из права подсудимого на свободное обжалование приговора вытекает и его право отозвать свою жалобу до начала заседания кассационной инстанции (ст. 338 УПК), а также жалобу своего защитника. Хотя последнее прямо законом не предусмотрено, но безусловно вытекает из права подсудимого отказаться от защитника на любой стадии процесса (ст. 50 УПК).

Пленум Верховного Суда СССР разъяснил судам, что защитник подсудимого в суде первой инстанции вправе подать кассационную жалобу на приговор по своей инициативе. Если осужденный заявит об отказе от защитника в суде второй инстанции, то при отсутствии других кассационных жалоб или протеста производство по делу в кассационном порядке прекращается, за исключением случаев, когда отказ от защитника не обязателен для суда¹³².

Право подсудимого обжаловать приговор неразрывно связано с его правом знать о принесении по делу протеста и других жалоб. Закон предусматривает это право подсудимого, но несколько ограничивает его указанием на то, что о протестах и жалобах извещаются лишь те осужденные и оправданные, интересов которых касается жалоба или протест (ст. 327 УПК).

Прежде всего, не следует лишать подсудимого возможности самому решить вопрос, насколько его касается протест или жалоба по делу, но не это главное. Кассационная инстанция, проверяя дело в полном объеме, может по жалобе, которая и не касается подсудимого, отменить в отношении его приговор, а это уже, несомненно, существенно затрагивает его интересы. Подсудимый должен знать о всех жалобах и протестах, которые поданы по делу, в том числе и о частных жалобах и протестах.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что в силу ч. 3 ст. 331 УПК суды обязаны извещать участников процесса о поданных по делу частных жалобах и частных протестах, разъяснять им их право подавать возражения на жалобы и протесты, участвовать в заседании кассационной инстанции как в случаях, когда определение суда первой инстанции может быть обжаловано и опротестовано, так и в случаях,

¹³² См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 7—8.

когда, согласно закону, оно может быть только опротестовано¹³³.

Для того чтобы обеспечить подсудимому возможность тщательно проанализировать соображения, изложенные в протестах или жалобах, и изложить свои возражения на доводы, указанные в этих документах, ему по его просьбе должны быть выданы копии протеста, а также жалобы потерпевшего или его представителя (ст. 327 УПК).

Подсудимый может подать возражения не только на протест прокурора и жалобу потерпевшего, но и на кассационные жалобы других подсудимых и их защитников. Возможно это в силу возникших противоречий между его интересами и интересами других подсудимых.

Надо полагать, что подсудимый вправе знакомиться с теми возражениями, которые поданы на его жалобу. Хотя это право законом не предусмотрено, оно крайне необходимо как гарантия права на защиту и гарантия всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела в кассационной инстанции.

Закон устанавливает, что о дне рассмотрения дела в кассационной инстанции извещаются лишь лица, которые подали кассационные жалобы (ст. 336 УПК). Вероятно, все же извещать об этом следует всех осужденных и оправданных, с тем чтобы всем им обеспечить равную возможность выступить в суде с устными возражениями на протест и жалобы, поданные по делу.

Право свободно обжаловать приговор в определенной степени ограничено указанием закона на то, что приговоры Верховных судов союзных республик обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат (ст. 44 Основ, ст. 325 УПК).

Такое ограничение в равной мере касается всех лиц, имеющих право обжаловать и опротестовать приговор, но интересы подсудимого в данном случае более всего затрагиваются, поскольку для него приговор, несомненно, имеет особое значение. Необходимость отказаться от такого ограничения права обжаловать и опротестовать приговор неодно-

¹³³ См. там же, стр. 11, а также: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 1, стр. 11.

кратно и убедительно обосновывалась в юридической литературе¹³⁴.

Подсудимый должен иметь возможность обжаловать приговор Верховного суда союзной республики в Верховный Суд Союза ССР. Мнение, что это нарушало бы суверенитет союзной республики, неубедительно. По действующему законодательству Верховный Суд СССР может отменять решения Верховных судов союзных республик, и это вполне обоснованно не рассматривается как нарушение суверенитета республики.

Подсудимый должен иметь право обращаться с жалобой именно в Верховный Суд Союза ССР. Создание для этого каких-либо судебных инстанций в союзных республиках в меньшей степени обеспечило бы проверку законности и обоснованности приговора Верховного суда союзной республики как высшего органа правосудия республики.

Подсудимый может подать жалобу не только на приговор суда, но и на его определения. Лишь некоторые из них не подлежат кассационному обжалованию (ст. 331 УПК). Отдельные исключения из общего правила обжалования судебных определений не всегда оправданы и без достаточных к тому оснований ограничивают право подсудимого на обжалование судебных решений.

Подсудимый не может обжаловать в кассационном порядке определения суда и постановления судьи в случаях, предусмотренных п. п. 2 и 3 ст. 331 УПК. Необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному решает этот вопрос. В отдельных республиках участники процесса имеют более широкие права на обжалование судебных определений¹³⁵. Уже одно это вызывает сомнение в целесообразности ограничений обжалования тех или иных определений суда. Поэтому заслуживают внимания различные предложения об упразднении некоторых

¹³⁴ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 368; И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 62—66; А. Л. Цыпкин, Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора, Саратов, 1965, стр. 5—6.

¹³⁵ См. ст. 354 УПК УССР, ст. 319 УПК Казахской ССР, ст. 373 УПК Азербайджанской ССР, ст. 370 УПК Литовской ССР.

из этих ограничений и расширении права на обжалование судебных определений¹³⁶.

Лишение подсудимого возможности обжаловать отдельные определения суда порой существенно затрагивает его интересы. Это касается, в частности, определений суда о направлении уголовного дела для производства дополнительного расследования (ст. 258, ч. 2 ст. 308 УПК). Иногда суды вместо того, чтобы постановить оправдательный приговор, когда к этому есть все основания, по тем или иным причинам возвращают дело прокурору для производства дополнительного расследования. Прокуроры, как правило, такие определения не опротестовывают, а подсудимые их обжаловать не могут. В результате незаконные определения суда приводятся в исполнение, нарушаются интересы подсудимого и правосудия.

Не соответствует интересам подсудимого и запрещение обжаловать частные определения суда. Практике известны случаи, когда, постановив оправдательный приговор, суд выносит частное определение, в котором отмечает неправильное, недостойное поведение оправданного, употребляя иногда такие формулировки, которые ставят под сомнение невиновность оправданного, а последний не может такое определение обжаловать.

Пожалуй, не только в этих, но и в других случаях подсудимый должен иметь возможность обжаловать определения суда. Ему необходимо предоставить право обжаловать определения суда о возбуждении уголовного дела по новому обвинению (ст. 255 УПК), о направлении дела для дополнительного предварительного расследования (ст. 258 УПК, ч. 2 ст. 308 УПК), об отклонении замечаний на протокол судебного заседания (ст. 266 УПК), частные определения суда (ст. 321 УПК).

Ранее уже отмечалось, что одной из гарантий свободного обжалования приговора является правило о недопустимости «поворота к худшему». Как верно писала В. И. Каминская, «для того чтобы право гражданина на обжалование

¹³⁶ См.: М. Выдря, Определения суда, их обжалование и гарантии прав участников уголовного процесса, «Советская юстиция», 1964, № 8, стр. 10—12; И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 66—69; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 419; Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, стр. 66.

судебного решения было реальным, ему должна быть гарантирована свобода обжалования. Это означает, что подача им жалобы не может иметь своим результатом ухудшение его положения»¹³⁷.

Действительно, если бы осужденный или оправданный рисковал в результате рассмотрения его жалобы оказаться в худшем положении, это сдерживало бы его в желании обжаловать приговор, ущемляло бы его право на жалобу и вместе с тем отрицательно отражалось бы на интересах правосудия.

Законодательством предусмотрен такой порядок кассационного производства, который не допускает для подсудимого по его жалобе «поворота к худшему». Целесообразность этого порядка в достаточной степени теоретически обоснована в юридической литературе, и вызывает недоумение попытка П. Ф. Пашкевича поколебать его значение в осуществлении правосудия. Так, он пишет: «...нам представляется вполне допустимым предоставить право суду второй инстанции самому в ряде случаев исправлять ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, не только в сторону, благоприятную для осужденного, но и невыгодную для него»¹³⁸. Предложение это вносится в целях обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства, а обосновывается лишь тем, что подобная возможность допускается законодательством некоторых зарубежных социалистических стран, а также тем, что в гражданском процессе кассационная инстанция имеет больше прав на изменение судебных решений¹³⁹.

Приведенные аргументы совсем неубедительны. Эффективность правосудия во многом зависит от его быстроты, но нельзя этим оправдывать любое упрощение процесса. Непонятно, почему в решении данного вопроса следует отдать предпочтение законодательству зарубежных социалистических стран, а не нашему.

В гражданском и уголовном процессах, разумеется, много общего, но не все правила гражданского судопроизводства

¹³⁷ Правовые гарантии законности в СССР, под ред. М. С. Строговича, М., 1962, стр. 215.

¹³⁸ П. Ф. Пашкевич, Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства, сб. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 14, М., 1971, стр. 89.

¹³⁹ См. там же, стр. 88—90.

ва приемлемы в уголовном, если учитывать его особенности. Одной из таких особенностей является то, что уголовный процесс в большей степени затрагивает интересы личности, ограничивает ее права, касается самого дорогого для человека — его свободы, а иногда и жизни. Именно этим и диктуется необходимость обеспечить подсудимым реальные гарантии права обжаловать приговор, которым они могут быть лишены свободы и жизни. Недопустимость «поворота к худшему» — одна из таких реальных гарантий свободного обжалования приговора.

Ряд суждений, направленных в какой-то степени на ограничение правила о недопустимости «поворота к худшему», высказал Я. О. Мотовиловкер. Он полагает, что в решении вопроса о пределах действия запрета преобразования к худшему имеет определенное значение разграничение в уголовном деле фактической и юридической сторон и что запрет преобразования к худшему распространяется только на вопросы права, а не на вопросы факта¹⁴⁰. Вместе с тем, признавая, что не все нормы уголовно-процессуального закона последовательно проводят эту идею, он предлагает внести соответствующие изменения в закон. Обосновывается это тем, что никакие формальные правила не должны препятствовать установлению истины. Если исходить лишь из этого, то почему тогда следует ограничить действие запрета преобразования к худшему только вопросами права, а не отказаться от этого правила вообще ради идеи обеспечения в каждом случае, на каждой стадии процесса законности, обоснованности и справедливости приговора?

Изложенные соображения неприемлемы потому, что они ограничивают право подсудимого свободно обжаловать приговор. Реальным это право может быть лишь при соблюдении правила о недопустимости по жалобе подсудимого «поворота к худшему» независимо от того, касается это вопросов права или вопросов факта. Истина же, разумеется, должна быть установлена в каждом случае. Для этого в уголовном процессе помимо жалобы подсудимого есть много других средств: протест прокурора, жалоба потерпевшего, надзорное производство и т. д.

Я. О. Мотовиловкер полагает, что запрет преобразова-

¹⁴⁰ См.: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 259.

ния к худшему в отношении подсудимого иногда отрицательно отражается на интересах других подсудимых по тому же делу, и в подтверждение этого он приводит следующую ситуацию. Допустим, один из подсудимых неправильно оправдан, так как суд пришел к ошибочному выводу, что преступное деяние совершено не им, а вторым подсудимым. По кассационной жалобе необоснованно осужденного приговор в отношении оправданного не может быть отменен; «пока же, — пишет далее автор, — приговор в части оправданного не отменен, он в силу п. 9 ст. 5 УПК РСФСР исключает производство по вопросу, кем именно — ранее оправданным или осужденным — совершено преступление»¹⁴¹. С таким толкованием п. 9 ст. 5 УПК нельзя согласиться. Закон исключает уголовное судопроизводство в отношении лица, о котором имеется по тому же обвинению вступивший в законную силу приговор. Необоснованный оправдательный приговор в отношении одного подсудимого не является препятствием для реабилитации необоснованно осужденного по тому же делу. Дело в отношении его может быть прекращено кассационной инстанцией, он может быть оправдан при повторном рассмотрении дела в суде первой инстанции. Принятию таких решений не препятствует наличие неотмененного приговора в отношении других подсудимых по тому же делу. Если это был оправдательный приговор, как в ситуации, приведенной Я. О. Мотовиловкером, то он может быть отменен лишь по протесту прокурора либо по жалобе потерпевшего или самого оправданного (ст. 341 УПК), и это нисколько не нарушает прав и законных интересов других подсудимых по тому же делу. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что «праву осужденного на обжалование приговора (ст. 325 УПК) корреспондирует обязанность суда всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело независимо от того, как это скажется на положении других участников процесса»¹⁴². Возможно это лишь с соблюдением правила о недопустимости «поворота к худшему».

Верховный Суд СССР много раз обращал внимание судей на недопустимость ухудшения положения подсудимого при рассмотрении дела в кассационной инстанции. В постановлении от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения су-

¹⁴¹ Там же, стр. 260.

¹⁴² Там же, стр. 260.

дами уголовных дел в кассационном порядке» Пленум Верховного Суда СССР указал, что, «рассматривая дело по жалобе осужденного или его защитника... кассационная инстанция не вправе включать в свое определение такие указания, которые ухудшают положение осужденного»¹⁴³. Пленум Верховного Суда СССР указал также и на то, что вносить изменения в приговор кассационная инстанция может при условии, если этим не ухудшается положение осужденного¹⁴⁴.

Право свободного обжалования приговора, недопустимость «поворота к худшему» весьма удачно в определенной процессуальной ситуации решают проблему взаимоотношения интересов личности и правосудия. Именно как тем, так и другим интересам в полной мере соответствуют правила о недопустимости для подсудимого по его жалобе «поворота к худшему» и его право на свободное обжалование приговора. Предоставление кассационной инстанции возможности при наличии лишь жалобы подсудимого принимать то или иное решение, ухудшающее его положение, будет означать ограничение права подсудимого на свободное обжалование приговора и повлечет за собой отрицательные последствия для правосудия. В таких условиях не каждый подсудимый решится обжаловать приговор, несмотря даже на то, что он может быть незаконным и необоснованным. Дела с такими приговорами не попадут в сферу кассационного рассмотрения; ошибка, допущенная судом, может оказаться неисправленной.

При этом не следует забывать, что большинство судебных ошибок исправляется кассационной инстанцией именно по жалобам подсудимых и их защитников. Так, по изученным 780 делам, содержащим судебные ошибки, около 12% приговоров были отменены и изменены по протестам прокуроров и 88% — по жалобам осужденных и их защитников.

Это свидетельствует о важности права подсудимого на свободное обжалование приговора, о необходимости расширения его гарантий, а не о сокращении их. Тем более, что в действующем законодательстве есть нормы, которые снижают эффект от правила о недопустимости в кассационной инстанции «поворота к худшему». Такая возможность становится реальной в силу несовершенства некоторых правил надзорного производства.

¹⁴³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 9.

¹⁴⁴ Там же, стр. 7, 8.

Подсудимый обжаловал приговор, считая себя невиновным. Рассматривая дело по его жалобе, судебная коллегия, допустим, областного суда признала жалобу необоснованной и оставила приговор без изменения. Но кто-то из судей, посчитав, что осужденному назначено мягкое наказание, доложил об этом председателю областного суда, и вот уже приговор отменен президиумом областного суда по мотивам мягкости меры наказания, назначенной осужденному.

Подсудимый не всегда улавливает всю тонкость таких процессуальных правил и то, что его положение ухудшила не кассационная инстанция по его жалобе, а надзорная инстанция по протесту председателя областного суда. Ему понятно одно: он написал жалобу в областной суд, оспаривая свою виновность, а областной суд вынес решение о том, что ему назначено мягкое наказание. Причем случилось это именно потому, что он подал жалобу, а если бы он этого не сделал, то приговор исполнялся бы, и неизвестно еще, принес бы кто-нибудь на него протест по мотивам мягкости меры наказания или нет.

Все это позволяет толковать недопустимость «поворота к худшему» как формальное процессуальное правило, которое можно легко обойти. Между тем, как совершенно правильно пишут В. Алексеев и Б. Шишкин, «установленные законом процессуальные гарантии должны пониматься судами не как неизбежная формальность, а как основа, определяющая всю деятельность суда»¹⁴⁵. Нельзя не согласиться с ними и в том, что действия судьи, оставившего приговор без изменения, а затем написавшего представление для отмены этого приговора по мотивам мягкости меры наказания или необходимости применения закона о более тяжком преступлении, не соответствуют судебной этике и процессуальной функции судьи — осуществлять правосудие¹⁴⁶.

В юридической литературе неоднократно высказывались соображения о необходимости ограничить права председателей судов на принесение протестов и приводились различные доводы в их обоснование¹⁴⁷, рассмотреть которые в дан-

¹⁴⁵ В. Алексеев, Б. Шишкин, Роль процессуальных гарантий в стадиях кассационного и надзорного производства, «Советская юстиция», 1971, № 22, стр. 19.

¹⁴⁶ См. там же, стр. 18—19.

¹⁴⁷ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 452—453; А. Хвостов, Не следует ли изменить порядок опро-

ном случае не представляется возможным. Одним из аргументов в пользу именно такого решения вопроса должно быть стремление создать процессуальные гарантии, обеспечивающие в полной мере право подсудимого на свободное обжалование приговора.

тестования решений и приговоров, вступивших в законную силу? «Социалистическая законность», 1963, № 1, стр. 19; Д. С. Карев, Некоторые замечания к проекту Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право», 1958, № 7, стр. 119.

ПРАВО ПОДСУДИМОГО НА ЗАЩИТУ

Общие положения

В судебном разбирательстве подсудимый имеет право на защиту. Суд обязан создать ему все условия для того, чтобы он имел возможность защищаться установленными законом средствами и способами от обвинения, по которому он предан суду, и обеспечить охрану его личных и имущественных прав.

В системе процессуальных прав обвиняемого (подсудимого) особое место принадлежит праву на защиту. В ст. 111 Конституции СССР записано, что разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту. Закрепление права на защиту в основном законе страны свидетельствует о его большом значении в общественной жизни, в осуществлении правосудия, в охране прав и законных интересов советских граждан. В праве на защиту ярко выражена взаимосвязь интересов правосудия и личности. Если подсудимый не совершил преступления, право на защиту содействует опровержению предъявленного ему обвинения; если он виновен, то право на защиту способствует выяснению всех обстоятельств, смягчающих его ответственность; тем самым обеспечивается решение задач правосудия — изобличение и справедливое наказание виновных, недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных.

Право на защиту охраняет лишь законные интересы личности и может осуществляться лишь способами и средствами, предусмотренными в законе. Недопустимо его использование в целях уклонения от ответственности за совершенное преступление.

Право на защиту способствует всестороннему, полному и объективному исследованию всех материалов уголовного дела, правильному познанию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, установлению истины. Выражая интересы личности, оно вместе с тем содействует борьбе с преступностью, изобличению лиц, действительно совершивших преступления. Всякого рода отступления от него могут привести к осуждению невиновных лиц и, следовательно, оставлению действительных преступников безнаказанными, что, несомненно, отрицательно отражается на борьбе с преступностью.

Значение права на защиту состоит именно в том, что оно обеспечивает решение проблемы взаимоотношения интересов личности и правосудия в уголовном судопроизводстве, содействует успешному осуществлению задач правосудия и охране субъективных прав личности. Этому должно быть подчинено дальнейшее развитие и совершенствование процессуальных норм, раскрывающих конкретное содержание права на защиту.

Значение права на защиту для осуществления правосудия и охраны интересов личности неоднократно подчеркивалось Верховным Судом СССР и Верховными судами союзных республик. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» указал, что «некоторые судьи нарушают установленное законом право подсудимого на защиту, забывая о том, что осуществление этого права представляет собой одно из проявлений социалистического демократизма, важнейшую гарантию правосудия и необходимое условие успешной борьбы с преступностью»¹. Пленум потребовал от судов «устранить имеющиеся случаи недооценки роли защиты»², он обратил внимание судей на то, что «защитник, оказывая подсудимому помощь в осуществле-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 255.

² Там же, стр. 260.

нии его процессуальных прав, тем самым содействует правильному и всестороннему рассмотрению дела и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора»³. Нарушение права на защиту всегда рассматривалось как существенное нарушение закона, процессуальной формы⁴.

Право на защиту определяет собой один из основных принципов уголовного судопроизводства, принцип обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту. В юридической литературе правильно отмечалось, что принцип обеспечения обвиняемому права на защиту — более широкое понятие, чем право на защиту, так как помимо осуществления обвиняемым (подсудимым) и защитником принадлежащих им прав оно включает в себя и деятельность других участников процесса по осуществлению прав и законных интересов обвиняемого⁵. В судебном разбирательстве принцип обеспечения права на защиту во многом влияет на характер процессуальных отношений, возникающих между всеми участниками процесса.

Основой права на защиту является презумпция невиновности, которая определяет собой как необходимость этого права, так и его конкретное содержание. «Право обвиняемого на защиту реально лишь в условиях такой уголовно-процессуальной системы, которая признает презумпцию его невиновности»⁶. Согласно презумпции невиновности подсудимый, несмотря на то что ему предъявлено обвинение, несмотря на любую степень обоснованности этого обвинения, считается невиновным. В ходе судебного разбирательства вина его лишь устанавливается, этим и обуславливается признание за подсудимым права на защиту. Но связь между презумпцией невиновности и правом на защиту не только в этом. Презумпция невиновности, как принцип процесса, яв-

³ Там же.

⁴ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969 гг.)», М., 1971, стр. 252—253, 264—266, 318, 382—385, 417—418.

⁵ См.: А. Л. Цыпкин, Право на защиту в советском уголовном процессе, Саратов, 1959, стр. 64; П. С. Элькин, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 40—44; Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 99—100.

⁶ П. С. Элькин, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», стр. 40—41.

ляется своего рода гарантией реального обеспечения права подсудимого на защиту. Если подсудимого, несмотря на все его процессуальные права, в ходе судебного разбирательства судьи будут рассматривать как лицо, виновное в совершении преступления, то право на защиту, его реальное осуществление для подсудимого станет ничтожным. Поэтому, определяя необходимость права подсудимого на защиту, презумпция невиновности вместе с тем является гарантией его реального осуществления.

Защищаться от обвинения, по которому подсудимый предан суду, — его право, а не обязанность. Подсудимый может признать себя виновным или отрицать вину, он вправе своим участием в исследовании доказательств опровергать обвинение, но может и не проявлять в этом отношении какой-либо активности. Однако ему всегда должны быть созданы необходимые условия для осуществления права на защиту. Активное участие подсудимого в судебном разбирательстве, полное использование им своего права на защиту служит не только интересам самого подсудимого, но и интересам правосудия. Поэтому суд должен способствовать тому, чтобы подсудимый использовал все предоставленные ему законом возможности для защиты от предъявленного обвинения.

Праву подсудимого на защиту соответствуют определенные обязанности суда и других участников процесса. Так, ст. 19 УПК предусматривает, что суд обязан обеспечить подсудимому возможность защищаться от предъявленного ему обвинения. В ст. 20 УПК предусмотрена обязанность суда всесторонне, полно и объективно выяснять все обстоятельства дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, как отягчающие, так и смягчающие его вину.

Право обвиняемого (подсудимого) на защиту является одной из основных проблем уголовного судопроизводства. Оно исследовалось многими авторами и в разных аспектах⁷.

⁷ См.: Защита по уголовным делам, под ред. И. Т. Голякова, М., 1948; сб. «Адвокат в советском уголовном процессе», М., 1954; А. Л. Цыпкин, Право на защиту в советском уголовном процессе; А. М. Левин (и др.), Защитник в советском суде, М., 1960; сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», под ред. П. С. Элькинд, Л., 1967; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 145—149. 196—198, 239—253; Г. А. Гинзбург (и др.), Советский адвокат, М., 1968; сб. «Советская адвокатура», отв. ред. А. А. Круглов, М., 1968; И. Д. Перлов, Право на защиту, М., 1969; Г. П. Саркисянц, Защитник в уголовном процессе, Ташкент, 1971; Г. З. Анашкин (и др.), Адвокатура в

Под правом обвиняемого (подсудимого) на защиту принято понимать совокупность прав, предоставленных ему законом для защиты от предъявленного обвинения. Каждое конкретное процессуальное право подсудимого играет определенную роль в защите его законных интересов, содействует опровержению обвинения или выяснению обстоятельств, смягчающих его вину. Роль этих процессуальных прав, степень влияния их на выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, различны, но все они, несомненно, направлены на обеспечение защиты подсудимого от обвинения, по которому он предан суду, и в этом смысле составляют содержание его права на защиту.

Среди процессуальных прав подсудимого особое место принадлежит его праву иметь защитника. Возможность получить юридическую помощь от лица, являющегося профессиональным юристом, несомненно, составляет важную, существенную сторону права обвиняемого (подсудимого) на защиту. Осуществляя защиту обвиняемого, защитник и сам пользуется определенными процессуальными правами, причем некоторых из них нет даже у обвиняемого (подсудимого).

Таким образом, являясь обобщающим понятием, право на защиту включает в себя: а) все процессуальные права обвиняемого (подсудимого), которыми он лично пользуется, вступая в уголовно-процессуальные отношения и осуществляя различные процессуальные действия; б) право обвиняемого (подсудимого) иметь защитника, пользоваться его юридической помощью; в) права защитника, которые он может использовать для опровержения обвинения, установления обстоятельств, смягчающих ответственность обвиняемого⁸.

Рассматривая право на защиту как определенное единство указанных трех его составных частей, нельзя вместе с тем не отметить, что каждая из них характеризуется своим особым содержанием. Поэтому следует полностью согласиться с возражениями П. С. Элькинд по поводу суждения о том,

СССР, М., 1971; Ю. И. Стецовский, Адвокат в уголовном судопроизводстве, М., 1972; сб. «Роль и задачи советской адвокатуры», под ред. А. Я. Сухарева, М., 1972.

⁸ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 146.

что нет никакой необходимости в расчленении единого понятия защиты на отдельные самостоятельные понятия⁹.

В юридической литературе при исследовании права обвиняемого на защиту было принято различать право личной защиты обвиняемого (право на защиту в «материальном» смысле) и право обвиняемого (подсудимого) на помощь защитника (право на защиту в «формальном» смысле). Разграничение этих понятий подвергалось обоснованной критике, главным образом в связи с использованием неудачной терминологии, но это не свидетельствует об ошибочности подхода к анализу права на защиту с разных позиций, стремления показать его разные аспекты.

Несомненно, между правом личной защиты подсудимого, его правом иметь защитника и правом последнего осуществлять защиту подсудимого существуют определенные различия. Именно в этих трех направлениях должно в дальнейшем развиваться право обвиняемого (подсудимого) на защиту. Это возможно посредством совершенствования процессуальных норм, предусматривающих конкретные права подсудимого, в частности его право пользоваться услугами защитника, и права самого защитника, которые он может использовать в интересах обвиняемого (подсудимого).

Рассматривая право на защиту как обобщенное понятие, его можно определить не как совокупность всех конкретных прав обвиняемого (подсудимого) и его защитника, а как право обвиняемого (подсудимого) использовать все указанные в законе средства и способы для опровержения предъявленного ему обвинения или смягчения своей ответственности. При таком понимании права на защиту каждое конкретное процессуальное право обвиняемого (подсудимого) и его защитника становится процессуальной гарантией общего и единого понятия-права обвиняемого (подсудимого) на защиту.

Одной из основных процессуальных гарантий права подсудимого на защиту является участие защитника в судебном разбирательстве.

Процессуальное положение защитника, его права и обязанности, взаимоотношения с подсудимым и судом определяют, насколько его участие в процессе станет реальной

⁹ См.: П. С. Элькин, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, сб. «Вопросы защиты по уголовным делам», стр. 7—11.

гарантией защиты прав и законных интересов подсудимого. Именно поэтому проблема процессуального положения защитника была и остается предметом большой дискуссии. По моему мнению, наиболее правильно как в интересах подсудимого, так и в интересах правосудия определять процессуальное положение защитника как представителя законных интересов подсудимого¹⁰.

Защитник может стать участником судебного разбирательства лишь по воле подсудимого или с его согласия (если защитника назначает суд). Подсудимый, отказавшись от защитника, может тем самым в любой момент отстранить его от участия в деле. Свои основные процессуальные действия в суде защитник должен согласовывать с подсудимым, без чего невозможна успешная защита интересов последнего. Все это вытекает из действующего законодательства и характерно для отношений, связанных с институтом представительства.

Уголовно-процессуальное законодательство некоторых союзных республик так и определяет защитника, указывая, что защитник — это «лицо, уполномоченное в установленном законом порядке представлять интересы обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь»¹¹. Аналогичное решение данного вопроса вытекает из следующего указания Пленума Верховного Суда СССР: «Разъяснить, что защитник, оказывая подсудимому помощь в осуществлении его процессуальных прав, тем самым содействует правильному и всестороннему рассмотрению дела и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора»¹². Указание это имеет принципиальное значение. Определяя процессуальное положение защитника, Пленум Верховного Суда СССР исходит из того, что он прежде всего является помощником обвиняемого (подсудимого) и тем самым содействует осуществлению правосудия.

¹⁰ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 245—247; Г. З. Анашкин (и др.), Адвокатура в СССР, стр. 69—70; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 212—217; А. Л. Цыпкин, Право на защиту в советском уголовном процессе, стр. 40—41; Ю. И. Стецовский, Адвокат в уголовном судопроизводстве, стр. 44—48.

¹¹ См. ст. 21 УПК Казахской ССР.

¹² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 260.

Основное возражение против определения процессуального положения защитника как представителя обвиняемого (подсудимого), заключается в том, что защитник в таком случае якобы лишается возможности иметь в деле свою позицию, которая отличалась бы от позиции обвиняемого (подсудимого), и во всем, что связано с защитой, обязан следовать за своим подзащитным¹³. Но такой вывод совершенно не вытекает из определения процессуального положения защитника как представителя обвиняемого (подсудимого).

Уголовному судопроизводству известен институт представительства. Так, адвокат может быть представителем потерпевшего (ст. 56 УПК), но от этого он не превращается в исполнителя воли потерпевшего и вправе самостоятельно избирать способы и средства защиты его законных интересов.

Представительство в уголовном судопроизводстве отличается своими особенностями, и нет никаких оснований распространять на него все то, что присуще представительству в гражданском судопроизводстве. В судебном разбирательстве процессуальное положение адвоката как представителя потерпевшего и процессуальное положение защитника как представителя подсудимого характеризуются, с одной стороны, многими общими чертами, а с другой — определенными особенностями, отличающими их друг от друга и от института представительства в гражданском судопроизводстве.

Отмечая определенную самостоятельность защитника в его процессуальном положении, М. С. Строгович пишет: «...защитник в своих действиях на суде не связан целиком волей своего подзащитного и определяет свою линию защиты так, как он это считает отвечающим задачам советского правосудия»; и далее: «...известная самостоятельность позиции защитника по отношению к подсудимому допускает несовпадение точек зрения адвоката и подсудимого по различным вопросам, возникающим при производстве по делу в связи с различными обстоятельствами, исследуемыми на суде. Но она не может приводить к таким кардинальным расхождениям между основными позициями адвоката и подсудимого, которые придавали бы защите чисто формальный ха-

¹³ См.: И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, М., 1968, стр. 126; М. А. Чельцов, К вопросу о процессуальном положении защитника-адвоката, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. XIV, М., 1965, стр. 110—116.

рактар, а по существу означали бы оставление подсудимого без защитника»¹⁴.

Характеристика процессуального положения защитника как представителя обвиняемого (подсудимого) полностью соответствует должным взаимоотношениям защитника с подсудимым и судом, задачам защиты и правосудия. Это вряд ли можно сказать о других суждениях относительно процессуального положения защитника: как «помощника суда»¹⁵, «правозаступника»¹⁶, как независимой, самостоятельной стороны в уголовном процессе¹⁷ и т. д. Несмотря на все особенности каждой из этих характеристик процессуального положения защитника, общим для них является то, что они как бы на второй план отодвигают взаимоотношения защитника с обвиняемым (подсудимым), не подчеркивают, что защитник — прежде всего помощник обвиняемого (подсудимого), тогда как именно в этом особенность его процессуального положения.

В. П. Нажимов, правильно характеризуя защитника как помощника обвиняемого, вместе с тем считает невозможным рассматривать его как представителя обвиняемого, потому что «помощник в отличие от представителя обладает известной самостоятельностью в определении позиции по делу...»¹⁸. Но из чего следует, что помощник в отличие от представителя обладает необходимой для защитника процессуальной самостоятельностью? То, что защитник является помощником обвиняемого, как раз и вытекает из того, что он должен представлять, отстаивать законные интересы обвиняемого (подсудимого).

Возражая против определения защитника как представителя обвиняемого (подсудимого), иногда полагают, что для характеристики процессуального положения защитника достаточно сказать, что он является защитником прав и законных интересов обвиняемого. Так, В. А. Стрёмовский пишет:

¹⁴ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 247.

¹⁵ См.: М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 115.

¹⁶ См.: М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 105.

¹⁷ См. И. Д. Перлов, Право на защиту, стр. 30.

¹⁸ В. П. Нажимов, Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР, сб. «Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР», Калининград, 1970, стр. 86.

«...юридическое понятие представительства не определяет ни характер взаимоотношений между адвокатом и обвиняемым, ни правовую сущность деятельности защитника, ни его процессуальное положение. Нам кажется правильной позиция тех процессуалистов, которые считают адвоката защитником прав и законных интересов обвиняемого»¹⁹. То, что адвокат, а точнее, защитник защищает права и законные интересы обвиняемого, вероятно, разделяется всеми процессуалистами, но дело-то в том, что это суждение не раскрывает всесторонне особенность процессуального положения защитника. Оно определяет главным образом назначение защитника и не подчеркивает характер его взаимоотношений с подсудимым. Это в большей степени достигается при характеристике процессуального положения защитника как представителя подсудимого. Такая характеристика дает возможность судить об особенностях, связанных с возникновением и прекращением процессуальных отношений между защитником и подсудимым, об основном направлении этих отношений.

Процессуальные взаимоотношения подсудимого и защитника

Процессуальное положение защитника, его отношения с подсудимым характеризуются целым рядом особенностей. В дальнейшем будут рассмотрены некоторые из них с точки зрения гарантий права подсудимого на защиту.

1. Защитник может стать участником судебного разбирательства лишь по приглашению подсудимого или с его согласия. Пригласить защитника для участия в процессе могут близкие родственники подсудимого и другие лица. Он может быть вызван по инициативе суда, когда участие защитника в судебном разбирательстве является обязательным. Но во всех этих случаях от подсудимого зависит, бу-

¹⁹ В. А. Стремовский, Участники предварительного следствия, Ростов-на-Дону, 1966, стр. 168.

дет ли защитник фактически участвовать в процессе. Для этого необходимо согласие подсудимого.

Подсудимый, не обратившийся заранее в юридическую консультацию, может просить суд о назначении ему защитника, и суд в этом случае обязан обеспечить участие в процессе защитника.

Верховный Суд РСФСР в одном случае указал, что нельзя расценивать как нарушение права на защиту, «если подсудимый, просивший о назначении защитника до суда, в начале судебного заседания ходатайства о назначении защиты не заявил, а прокурор не участвовал в рассмотрении дела»²⁰. Возможно, в данном случае подсудимый не изъявлял в суде желания на участие в процессе защитника, но если в материалах дела есть просьба обвиняемого (подсудимого) о назначении ему защитника, суд в подготовительной части судебного заседания обязан по своей инициативе уточнить намерение подсудимого иметь защитника. Нельзя в таком случае обойти молчанием, «не заметить» соответствующую просьбу обвиняемого (подсудимого) лишь потому, что подсудимый обратился с ней в стадиях процесса, предшествующих судебному разбирательству.

Подсудимый вправе свободно избрать себе защитника из числа лиц, которые согласно закону могут выполнять обязанности защитника (ст. 48 УПК). Отказ суда допустить защитника по соглашению под предлогом, что по делу участвует защитник по назначению, является грубым нарушением прав подсудимого на защиту²¹.

В тех случаях, когда участие в процессе избранного обвиняемым защитника невозможно в течение длительного срока, суд вправе предложить подсудимому пригласить другого защитника или назначить обвиняемому защитника через коллегия адвокатов. На практике и в юридической литературе по-разному толкуют понятие «длительный срок», поэтому его следовало бы уточнить в законе; вероятно, он не должен быть менее двух недель.

²⁰ «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961—1963 гг.», М., 1964, стр. 334.

²¹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 253, 264; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 25—27; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 5, стр. 9—10.

Как правило, подсудимый пользуется услугами одного защитника, но закон не ограничивает его в возможности иметь нескольких защитников. Практически необходимость в этом может возникнуть по большому делу с многочисленными эпизодами обвинения.

Одно и то же лицо может быть защитником нескольких подсудимых, если интересы этих подсудимых не противостоят друг другу (ст. 47 УПК). В противном случае защитник не смог бы в полной мере выполнить свои обязанности по защите интересов каждого из подсудимых. Такое решение данного вопроса также вытекает из процессуального положения защитника как представителя интересов подсудимого. Быть представителем подсудимых с противоречивыми интересами невозможно.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно указывали на то, что в случае противоречия интересов подсудимых защита их одним адвокатом является грубым нарушением права подсудимого на защиту, что суд обязан в этом случае обеспечить каждому из подсудимых участие защитника в судебном заседании²².

2. Подсудимый вправе в любой момент судебного разбирательства отказаться от защитника. Он может так поступить в начале судебного заседания, когда защитник еще не приступил к выполнению своих обязанностей, и позже, в ходе судебного разбирательства. Такой отказ возможен только по инициативе самого подсудимого. Его нельзя так или иначе понуждать к этому. Иногда судьи и адвокаты прямо или косвенно советуют подсудимым отказаться от защитника, если в судебном заседании не участвует прокурор. Это нельзя рассматривать иначе как нарушение права подсудимого на защиту. Вместе с тем добровольный отказ подсудимого от защитника обязательен для суда. Защитник не может участвовать в процессе помимо воли подсудимого. Исключения из этого правила возможны, когда состояние сознания и воли подсудимого не позволяет ему рассудительно решить этот вопрос, и в некоторых других случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ст. 50 УПК).

²² См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР», стр. 265.

В таком решении данного вопроса, несомненно, правильно учтены интересы личности и правосудия.

В ходе судебного разбирательства подсудимый может отказаться вообще от защитника или от услуг защитника, участвующего в суде, и просить допустить в процесс другого защитника. Вопрос о замене защитника в ходе судебного разбирательства в достаточной степени не урегулирован действующим законодательством. Статья 251 УПК предусматривает замену защитника лишь в подготовительной части судебного заседания в случае, если он не явился в суд. Уголовно-процессуальное законодательство некоторых союзных республик допускает возможность замены защитника и в других случаях²³.

Замена защитника в ходе судебного разбирательства, разумеется, нежелательна, так как во многом осложняет рассмотрение дела, но в некоторых случаях она необходима. Правильно пишет П. С. Элькинд, что «в интересах правосудия, охраны прав и законных интересов подсудимого нужно удовлетворить ходатайство о допущении защитника, хотя и заявленное много позднее подготовительной части судебного разбирательства, в момент окончания судебного следствия. В законодательство союзных республик следует ввести, по нашему мнению, норму, допускающую подобного рода исключения»²⁴. Именно так вопрос должен решаться как в случае замены защитника, так и в том случае, когда подсудимый ранее отказался от защитника, а затем в ходе судебного разбирательства пришел к выводу, что защитник необходим ему в процессе. Если подсудимый, злоупотребляя своим правом, в ходе судебного следствия заявит ходатайство о замене или назначении защитника лишь в целях осложнения процесса, суд всегда будет иметь возможность отклонить такое ходатайство.

Защитник не только по воле подсудимого может быть отстранен от участия в судебном разбирательстве; необходимость в этом может объективно возникнуть в силу тех

²³ См. ст. 47 УПК УССР, ст. 58 УПК Азербайджанской ССР, ст. 45 УПК Молдавской ССР, ст. 31 УПК Киргизской ССР, ст. 44 УПК Армянской ССР.

²⁴ П. С. Элькинд, Некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе, «Советская юстиция», 1968, № 9, стр. 13; см. также: Т. Н. Добровольская, указ. соч., стр. 109—110.

или иных причин, исключающих участие в деле определенного лица в качестве защитника. Такие обстоятельства предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством лишь некоторых союзных республик²⁵. Аналогичные правила изложены в положениях об адвокатуре²⁶.

Адвокат не должен выполнять обязанности защитника по конкретному делу:

а) если он раньше участвовал в нем в качестве судьи, следователя, прокурора, лица, производившего дознание, свидетеля, эксперта, специалиста, секретаря судебного заседания, переводчика, понятого, общественного обвинителя, а также если он подлежит допросу по делу в качестве свидетеля;

б) если он является родственником должностного лица, принимавшего участие в расследовании или рассмотрении дела, либо родственником общественного обвинителя или потерпевшего;

в) если он раньше оказывал по делу юридическую помощь другим лицам, интересы которых противоречат интересам лица, обратившегося к нему за защитой.

Устранение в указанных случаях лица от выполнения обязанностей защитника по конкретному делу необходимо, несмотря на мнение об этом подсудимого.

Вопрос об общей и специальной дееспособности защитника должен быть четко решен в действующем законодательстве.

3. Закон предусматривает, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого (ст. 51 УПК). Несомненно, это правило является одной из надежных гарантий права подсудимого на защиту. Оно свидетельствует о том, что подсудимому всегда будет обеспечена юридическая помощь независимо от характера и тяжести обвинения, до-

²⁵ См. ст. 61 УПК УССР, ст. 43 УПК Казахской ССР. В заголовках этих статей говорится об обстоятельствах, исключающих участие в деле защитника. Такая редакция является неточной. Речь должна идти об обстоятельствах, исключающих для определенного лица возможность быть защитником по конкретному делу, об отводе защитника, а не об исключении вообще участия в деле защитника.

²⁶ См. ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР и аналогичные статьи положений об адвокатуре других союзных республик.

казанности или недоказанности события преступления и вины, независимо от наличия обстоятельств, отягчающих или смягчающих его ответственность.

Как бы ни складывались взаимоотношения между подсудимым и защитником, последний никогда не вправе отказаться от выполнения обязанностей по защите.

Подсудимый и защитник могут существенно разойтись в оценке материалов дела, в способах и средствах защиты, притязания подсудимого могут носить незаконный характер, но и в этом случае защитник не может отказаться от защиты, он должен продолжать ее, не вступая в противоречие с законом и объяснив подсудимому смысл избранной им защиты прав и законных интересов подсудимого. Если подсудимый не согласен с позицией, избранной защитником, то он может отказаться от услуг защитника, последний же по своей инициативе никогда не вправе оставить подсудимого без юридической помощи. Поэтому никак нельзя согласиться с высказанными в юридической литературе суждениями, что адвокат при определенных условиях вправе отказаться от защиты.

Так, М. Наникишвили пишет: «Бывает и так: материалами предварительного следствия обвинение доказано, обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления, адвокат соглашается защищать его, однако при рассмотрении дела в суде подсудимый вдруг почему-то отрицает совершение им преступления. В таком случае адвокат вправе отказаться от защиты, и этот отказ не будет противоречить ст. 23 Основ уголовного судопроизводства, согласно которой адвокат не имеет права отказаться от принятой на себя защиты»²⁷. Вряд ли можно согласиться с попыткой заверить, что отказ от защиты в подобном случае не противоречит закону. Нет сомнения, что это грубое нарушение закона. Закон запрещает адвокату отказываться от принятой на себя защиты подсудимого, кроме случаев, когда он не должен был принимать ее на себя, но эти случаи, предусмотренные ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР, касаются совсем других обстоятельств.

Иначе подходит к решению данного вопроса М. Розенберг. Он пишет: «Самому адвокату закон запрещает отка-

²⁷ М. Наникишвили, Позиция адвоката в уголовном процессе, «Социалистическая законность», 1965, № 6, стр. 36—37.

заться от принятой на себя защиты; он не может выйти из процесса по собственной инициативе. Думается, было бы целесообразнее изменить закон и предоставить адвокату такое право при условии строгого контроля над необходимостью отказа со стороны президиума коллегии адвокатов»²⁸. Обосновывается такое предложение все теми же соображениями о необходимости найти выход из противоречий, которые порой возникают между защитником и подсудимым, а также тем, что законодательство некоторых социалистических стран предусматривает для адвоката возможность отказаться от защиты. С этими рекомендациями нельзя согласиться. Выход из противоречий, которые могут возникнуть между защитником и подсудимым, следует искать не в праве адвоката отказаться от защиты и оставить подсудимого без юридической помощи (рассуждая примерно так: «пусть ему будет хуже»), а в продолжении защиты теми способами и средствами, которые, по мнению адвоката, единственно возможны и необходимы в интересах самого подсудимого. Долг защитника — разъяснить подсудимому, что избранная им линия защиты наиболее приемлема для обеспечения его прав и законных интересов, а право подсудимого — согласиться с защитником или отказаться от его услуг.

Можно себе представить, в каком положении окажутся подсудимые, если защитники в ходе судебного разбирательства станут отказываться от продолжения защиты и покидать зал судебного заседания, мотивируя это тем, что они не согласны с позицией, занятой подсудимым. Несмотря на любой контроль за обоснованностью такого отказа, он сам по себе причинял бы непоправимый вред защите. Подсудимый не только лишался бы юридической помощи, что осложняло бы осуществление им своего права на защиту, но — что особенно недопустимо — создавалось бы впечатление (а порой не только впечатление), что осуждение подсудимого предрешиено, поскольку даже адвокат не считает возможным его защищать. Все это отрицательно отражалось бы на всестороннем, полном и объективном исследовании материалов дела.

В создании реальных гарантий права подсудимого на защиту немаловажное значение имеет решение вопроса о

²⁸ М. Розенберг, Роль защитника в доказывании по уголовному делу, «Социалистическая законность», 1968, № 6, стр. 43.

том, с какого момента защита считается принятой адвокатом, так как именно с этого момента он не вправе от нее отказаться. Есть мнение, что защиту следует считать принятой лишь после того, как адвокат познакомится с материалами дела, встретится с подсудимым и согласует с ним свою позицию. Так, Ю. И. Стецовский пишет: «Выявив в беседе с обвиняемым невозможность разделения его позиции, адвокат может отказаться от ведения данного дела, разъяснив обвиняемому, его право обратиться к другому адвокату. Наличие у адвоката этой возможности предотвращает навязывание обвиняемым своей позиции адвокату. Поэтому защита может считаться принятой адвокатом лишь после его беседы с обвиняемым, в ходе которой он согласился с позицией адвоката»²⁹. Вряд ли можно согласиться с такими рекомендациями. Являясь попыткой найти выход из возможной конфликтной ситуации между защитником и подсудимым, они направлены против права подсудимого на защиту, так как фактически лишают подсудимого возможности иметь защитника. Подсудимому рекомендуют: соглашайся во всем с адвокатом, иначе можешь остаться без защитника.

Утверждение, что защита считается принятой с момента, когда адвокат ознакомится с делом и согласует с подсудимым свою позицию, противоречит закону. Статья 51 УПК предусматривает, что «с момента допущения к участию в деле защитник вправе: иметь свидание с обвиняемым, знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; представлять доказательства, заявлять ходатайства...». Как же, не приняв защиту, адвокат может стать субъектом процессуальных отношений? Осуществление им процессуальных прав и обязанностей, предусмотренных ст. 51 УПК, свидетельствует о принятии им на себя защиты. Таким образом, с момента допущения адвоката к участию в деле защита считается им принятой.

Неверно и то, что защита не может быть принята до тех пор, пока адвокат не ознакомится с делом и не побеседует с подсудимым, так как будто лишь после этого могут выясниться обстоятельства, исключающие участие адвоката в деле (его родственные отношения с другими участниками

²⁹ Ю. Стецовский, О процессуальной самостоятельности адвоката, «Советская юстиция», 1966, № 16, стр. 14; см. также его работу «Адвокат в уголовном судопроизводстве», стр. 40.

процесса и т. п.)³⁰. Такие обстоятельства могут выясниться в любой момент процесса, и, если они стали известны после принятия адвокатом защиты, их необходимо рассматривать как основание для устранения (отвода) адвоката от дальнейшего участия в деле.

Гарантией права подсудимого на защиту является обязанность адвоката принять на себя защиту подсудимого, если этому не препятствуют особые, исключительные причины. Отношения подсудимого с адвокатом, которые возникают после оформления соглашения на участие адвоката в процессе, следует рассматривать как процессуальные отношения, поскольку с ними связано осуществление права на защиту. В настоящее время не только уголовно-процессуальное законодательство, но и положения об адвокатуре союзных республик не решают этот вопрос в достаточной степени.

Право адвоката отказаться по конкретному делу от принятия на себя защиты должно быть четко регламентировано законом и осуществляться под контролем президиумов коллегий адвокатов. Это является определенной гарантией обеспечения права подсудимого на защиту.

Адвокат должен иметь возможность отказаться от принятия на себя защиты лишь в следующих случаях:

а) когда есть основания для его отвода, есть обстоятельства, предусмотренные законом и исключающие его участие в рассмотрении конкретного уголовного дела;

б) когда им принята на себя защита другого подсудимого по тому же делу, и хотя между интересами подсудимых нет противоречий, но сложность защиты исключает возможность ее осуществления в отношении нескольких подсудимых;

в) если нельзя принять участие в рассмотрении дела (адвокат занят в другом процессе, находится в отпуске и т. д.)³¹.

4. Гарантией права подсудимого на защиту является

³⁰ См.: Ю. Стецовский, Отказ адвоката от защиты обвиняемого, «Социалистическая законность», 1967, № 7, стр. 59—60; он же, Адвокат в уголовном судопроизводстве, стр. 38—39.

³¹ См.: А. Л. Цыпкин, Актуальные вопросы теории и практики советской защиты, сб. «Советская адвокатура», М., 1968, стр. 51.

указание закона на обязательное участие защитника в судебном разбирательстве некоторых уголовных дел.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не содержали в прошлом перечня случаев обязательного участия защитника в деле и предусматривали, что он определяется законодательством союзных республик (ст. 22 Основ, в прежней редакции).

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 31 августа 1970 г.³² внес изменения в ст. 22 Основ, расширив участие защитника в уголовном судопроизводстве и предусмотрев некоторые случаи его обязательного участия в деле. Это свидетельствует о повышении роли права на защиту в решении задач правосудия.

Участие защитника в судебном разбирательстве обязательно по делам:

- в которых участвует государственный или общественный обвинитель;
- несовершеннолетних;
- немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту;
- лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство;
- лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь;
- лиц, между интересами которых имеются противоречия и хотя бы один из них имеет защитника (ст. 49 УПК)³³.

Если в этих случаях защитник не приглашен самим подсудимым или другими лицами, по его поручению, суд обязан обеспечить участие защитника в деле. Такая обязанность суда, бесспорно, является определенной гарантией обеспечения права подсудимого на защиту. Однако само понятие «обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве» представляется неудачным. Его употребление создает впечатление, что защитник непременно должен участ-

³² См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, № 36, ст. 362; а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 6, ст. 51).

³³ См. ст. 49 УПК в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1972, № 26, ст. 663).

зовать в деле в случаях, предусмотренных законом. Между тем подсудимый и в этих случаях может отказаться от защитника, участие которого в деле окажется совсем не обязательным. Смысл правила об обязательном участии защитника в деле заключается не в том, что защитнику непременно придется участвовать в судебном разбирательстве, а в том, что суд по своей инициативе, если этого не сделал подсудимый, обязан вызвать в судебное заседание адвоката. Соответственно и следовало бы уточнить редакцию закона. Но правильное решение данного вопроса заключается не только в этом.

Обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве возможно лишь в интересах подсудимого, как гарантия его права на защиту. Защитник может участвовать в деле, если на то есть воля подсудимого. Его отказ от защитника, как правило, обязателен для суда. Правильно пишет А. Л. Цыпкин, что «в силу свободы распоряжением своим правом, подсудимый волен решать вопрос об участии в деле защитника; право иметь защитника не может превратиться для него в обязанность терпеть защитника»³⁴. В основе это верно, но нельзя согласиться с А. Л. Цыпкиным в том, что из права отказаться от защитника недопустимы никакие исключения, потому что «тот, кто дееспособен по уголовным законам, не может быть ограничен в процессуальных правах, которыми другие пользуются без ограничения»³⁵.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено, что отказ от защитника не обязателен для суда по делам несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту; лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь (ст. 50 УПК)³⁶.

Ограничение права указанных лиц отказаться от защитника направлено на обеспечение их права на защиту, т. е.

³⁴ А. Л. Цыпкин, О диспозитивности в советском уголовном процессе, «Советское государство и право», 1958, № 3, стр. 134.

³⁵ Там же, стр. 135.

³⁶ См. ст. 50 УПК в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1972, № 26, ст. 663).

прежде всего соответствует их интересам. То, что несовершеннолетние, а также лица, страдающие определенными физическими или психическими недостатками, и лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, в состоянии сознавать преступность своих действий и нести ответственность за эти действия, не означает еще, что они в состоянии так же, как и другие лица, хорошо разобраться во всем, что происходит в суде, осмыслить все правила судопроизводства и использовать их для своей защиты. Несомненно, они испытывают в этом определенные трудности.

Ограничение права отказаться от защитника в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, вытекает из гуманизма социалистического строя, советского права и продиктовано вниманием к правам и законным интересам личности.

То, что отказ от защитника иногда не обязателен для суда, необходимо рассматривать как гарантию права на защиту. Идея эта, заложенная в законе, не должна на практике превращаться в ограничение права подсудимого на защиту. Поэтому отклонять просьбу подсудимого, отказывающегося от защитника, суду следует лишь в исключительных случаях, когда действительно есть сомнения в рассудительности подсудимого, когда очевидно, что он переоценивает свои возможности лично осуществлять защиту.

Неверно, что «обязательное участие защитника устанавливается прежде всего в интересах правосудия, в интересах достижения объективной истины»³⁷. Оно устанавливается в интересах прежде всего подсудимого, его права на защиту, а тем самым и для решения задач правосудия.

Подсудимый вправе отказаться от защитника и лично осуществлять защиту. В этом случае обязательное участие защитника в процессе помимо его воли в какой-то степени приводит к ограничению его права на защиту. Это тем более возможно в условиях, пока существуют некоторые различия в процессуальных правах подсудимого и защитника. Участие в суде защитника помимо воли подсудимого лишает последнего, таким образом, права самому произнести защитительную речь. Все это необходимо учитывать, обсуждая хода-

³⁷ Г. М. Шафир, Участие защитника на предварительном следствии, сб. «Советская адвокатура», М., 1968, стр. 63.

тайство подсудимого об отказе от защитника, с тем чтобы положение закона об обязательном участии защитника, направленное на обеспечение права на защиту, фактически не превращалось бы на практике в обязанность для подсудимого терпеть защитника.

В юридической литературе были высказаны предложения о расширении перечня дел, по которым суд по своей инициативе должен назначить адвоката, если его не пригласил подсудимый. В целях создания больших гарантий для обеспечения права подсудимого на защиту, вопрос этот необходимо решить несколько иначе, а не путем уточнения перечня дел, по которым обязательно участие защитника.

В законе следовало бы предусмотреть, что, извещая обвиняемого о том, когда состоится предание суду, суд одновременно разъясняет ему право пригласить защитника. Если к моменту рассмотрения дела в стадии предания суду в материалах дела не будет данных о приглашении защитника, суд по своей инициативе вызывает адвоката в судебное заседание для решения вопроса об участии его затем в процессе. Тем самым каждому подсудимому, если он того желает, было бы обеспечено участие защитника в судебном разбирательстве.

5. Гарантией права подсудимого на защиту являются процессуальные права и обязанности защитника.

Права и обязанности защитника во многом определяются процессуальным положением подсудимого и вытекают из его процессуальных прав. Вряд ли можно согласиться с тем, что «защитник пользуется самостоятельными, а не производными от прав обвиняемого процессуальными правами»³⁸. Многие права защитника аналогичны правам подсудимого и существуют у него только потому, что являются правами подсудимого. Реализация защитником некоторых прав, например права обжаловать приговор, зависит от подсудимого. Отдельные права защитника, которые непосредственно законом не предусмотрены, вытекают из тех или иных прав подсудимого. Так, в ст. 325 УПК сказано, что оправдательный приговор может обжаловать лицо, оправданное по су-

³⁸ И. Д. Перлов, Право на защиту, стр. 27.

ду. Производным от этого права является и соответствующее право защитника подсудимого.

Разумеется, процессуальные права защитника и подсудимого полностью не совпадают; каждый из них имеет и свои, принадлежащие только ему процессуальные права.

Особым правом защитника является некоторая возможность собирать доказательства. Положение об адвокатуре РСФСР (ст. 26) предусматривает, что юридические консультации в необходимых случаях вправе запросить из государственных и общественных организаций справки, характеристики и иные документы, связанные с оказанием адвокатами юридической помощи.

Заслуживают внимания высказанные в печати соображения о расширении права адвокатов собирать доказательства.

Участие в суде защитника приводит к возникновению некоторых процессуальных прав. К их числу следует отнести прежде всего право защитника на свидание с подсудимым, которое служит существенной гарантией права последнего на защиту³⁹.

Определенной гарантией права на защиту является равенство прав участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК). В судебном разбирательстве защитник и подсудимый пользуются равными правами с обвинителем по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств.

6. Гарантией права на защиту является обязанность защитника использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих подсудимого или смягчающих его ответственность, и оказывать ему необходимую юридическую помощь.

Защита состоит не только в опровержении обвинения, в оспаривании вины подсудимого, «защитник обязан защищать и такого обвиняемого, вина которого несомненна»⁴⁰. В каждом случае защитник должен выбирать линию защиты в

³⁹ См. об этом: Ю. Стецовский, Общение обвиняемого с защитником, «Советская юстиция», 1971, № 5, стр. 19—20.

⁴⁰ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 251.

интересах подсудимого, исходя вместе с тем из того, что его долгом является защита законных интересов подсудимого и лишь законными средствами и способами. «Поэтому не все средства, избираемые самим подсудимым в целях своей защиты, приемлемы для защитника. Бывает, что подсудимый лжет, пытается извратить действительность, и за это он не несет ответственности. Для защитника же, советского адвоката, ложь — грубое нарушение его обязанностей»⁴¹. «Защита законных интересов и прав обвиняемого — вот что составляет задачу защитника, а не защита незаконных притязаний обвиняемого, неизбежно перерастающая в защиту преступника от преступления»⁴².

7. Участие защитника в уголовном судопроизводстве является одной из основных гарантий права обвиняемого (подсудимого) на защиту.

Закон предусматривает почти ничем не ограниченную возможность для участия защитника в судебном разбирательстве. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. значительно расширил участие защитника в стадии предварительного расследования. В стадии же предания суду участие защитника весьма ограничено, и нельзя согласиться с тем, что в этой стадии «предусмотрены достаточные процессуальные средства, обеспечивающие максимальную защиту прав обвиняемого»⁴³. Если по делу проводилось дознание, а не предварительное следствие, а также в тех случаях, когда адвокат не участвовал в предварительном следствии, он лишается права принять участие в стадии предания суду, так как защитник допускается к участию в деле, по которому не производилось предварительного следствия, лишь с момента предания обвиняемого суду (ст. 47 УПК), а в соответствии со ст. 236 УПК возможность ознакомиться с делом, поступившим в суд, защитник получает только после предания обвиняемого суду.

⁴¹ Там же, стр. 247.

⁴² Д. Р. Расулов, Доклад о проекте Основ уголовного судопроизводства, Заседания Верховного Совета Союза ССР пятого созыва (вторая сессия), стенографический отчет, М., 1959, стр. 501.

⁴³ Г. З. Анашкин (и др.), Адвокатура в СССР, М., 1971, стр. 94.

И. Д. Перлов, анализируя ст. 47 УПК, полагал, что указание закона на допуск защитника с момента предания обвиняемого суду означает для него возможность принять участие в стадии предания суду⁴⁴, но такое толкование ст. 47 УПК не вытекает из ее буквального смысла. Кроме того, ст. ст. 221, 223 УПК предусматривают право суда при решении вопроса о предании суду вызвать лиц, лишь заявивших перед ним какие-либо ходатайства. Защитник, не участвовавший в стадии предварительного расследования и незнакомый с материалами дела, вряд ли сможет заявить какое-нибудь ходатайство перед судом, к тому же у него просто нет права, которому соответствовала бы обязанность суда допустить его к участию в стадии предания суду. Даже в том случае, когда защитник был допущен в стадию предварительного расследования и, таким образом, знаком с материалами дела, его участие в стадии предания суду ограничено.

Защитник по поступившему в суд делу может заявить различные ходатайства. Судья единолично или суд в распорядительном заседании должны их обсудить и принять определенные решения, но при этом самого защитника могут и не вызвать в суд.

Адвокаты очень редко заявляют ходатайства в стадии предания суду и еще реже участвуют при их обсуждении в суде, когда решается вопрос о предании обвиняемого суду. Несомненно, это отрицательно отражается на защите прав и законных интересов обвиняемых. Поэтому необходимо, с одной стороны, обратить внимание на полное использование и правильное применение действующего законодательства, обеспечивающего права обвиняемого (подсудимого) в стадии предания суду, а наряду с этим внести в закон соответствующие изменения в целях создания наибольших гарантий права на защиту. Заслуживают внимания многочисленные предложения о допуске участия защитника в уголовном судопроизводстве с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, в том числе по делам, по которым проводится дозна-

⁴⁴ См.: И. Д. Перлов, Право на защиту, стр. 50—51.

ние⁴⁵. Это обеспечило бы и более широкое участие защитника в стадии предания суду.

8. С правом подсудимого пригласить защитника для участия в судебном заседании связана его обязанность оплатить труд адвоката.

Приглашая адвоката для участия в процессе, подсудимый оформляет соответствующее соглашение с юридической консультацией.

В том случае, когда адвокат участвовал в деле по назначению, суд одновременно с постановлением приговора выносит определение о размере вознаграждения, подлежащего выплате юридической консультации подсудимым (ст. 322 УПК).

Обязанность выплатить вознаграждение за юридическую помощь несет как осужденный, так и оправданный, а также лицо, в отношении которого дело было прекращено производством. Вряд ли такое решение вопроса можно признать удачным. Прав М. С. Строгович, утверждая, что институт принудительного взыскания с подсудимого оплаты его защитника является неоправданным и излишним⁴⁶.

Действительно, если подсудимый оправдан, то, вероятно, он вправе рассчитывать лишь на возмещение ему ущерба, который он понес от неосновательного привлечения к уголовной ответственности, а не на то, что ему придется еще нести какие-то расходы в связи с рассмотрением дела в суде, в том числе и расходы по оплате труда адвоката. Представляется, что в этом случае оправданному должны быть возмещены расходы, понесенные им по соглашению с юридической консультацией за участие адвоката в процессе.

Если подсудимый был осужден, но адвокат защищал его в процессе по назначению суда, так как участие защитника в

⁴⁵ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 241; И. Д. Перлов, Укрепление законности и дальнейшее совершенствование защиты по уголовным делам, сб. «Советская адвокатура», М., 1968, стр. 38; В. Е. Чугунов, Обвиняемый в советском уголовном процессе, сб. «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства», Саратов, 1962, стр. 337; Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве, Л., 1970, стр. 176—177.

⁴⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 357—358.

судебном разбирательстве было обязательным (ст. 49 УПК), то и в этом случае вряд ли можно считать оправданным возложение на подсудимого обязанности оплатить труд адвоката. Подсудимый не приглашал адвоката, его участие в процессе признал необходимым суд. Какие же при этом есть основания возлагать на подсудимого обязанность оплатить труд адвоката?

В тех же случаях, когда подсудимый, не обратившийся ранее непосредственно в юридическую консультацию, сам ходатайствует перед судом о назначении защитника, суд предлагает юридической консультации выделить адвоката для участия в процессе, а все вопросы, связанные с осуществлением защиты, в том числе и с оплатой труда адвоката, должны решаться непосредственно подсудимым с юридической консультацией.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по-разному решают вопрос о праве суда определить вознаграждение, подлежащее выплате юридической консультации подсудимым. Вероятно, наиболее правильно решен этот вопрос в законодательстве Латвийской ССР, Грузинской ССР и Киргизской ССР, уголовно-процессуальные кодексы которых не предусматривают права суда решать вопрос об оплате труда адвоката подсудимым.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ПОДСУДИМОГО

*Общие положения.
Процессуальные обязанности
и процессуальное принуждение*

Правовое положение подсудимого определяется не только его процессуальными правами, но и процессуальными обязанностями. Необходимость последних, их характер и содержание обуславливаются взаимоотношением интересов правосудия и личности в уголовном судопроизводстве. С точки зрения интересов подсудимого процессуальные обязанности ему, возможно, и ни к чему, но в интересах правосудия они необходимы. Безусловно, это свидетельствует об определенной конфликтности в данном конкретном случае интересов правосудия и личности.

Вина лица, привлеченного в качестве обвиняемого, устанавливается в ходе судебного разбирательства, поэтому подсудимым может оказаться лицо, которое не совершило преступления. Предание его суду, возложение на него процессуальных обязанностей существенно затрагивает его интересы. Допустимо это лишь в целях успешного решения задач правосудия, познания истины, установления и наказания лиц, совершивших преступление.

Решить данную конфликтную ситуацию возможно, все-сторонне учитывая интересы правосудия и личности, при

определении в законе той или иной конкретной процессуальной обязанности подсудимого. Вместе с тем было бы неправильно процессуальные обязанности подсудимого всегда расценивать лишь как какую-то противоположность его интересам. Добросовестное выполнение подсудимым процессуальных обязанностей направлено и на обеспечение его прав. Так, например, обязанность подсудимого участвовать в судебном разбирательстве, несомненно, отвечает и его интересам — принять активное участие в исследовании материалов уголовного дела.

В реализации обязанностей всегда можно обнаружить аспект, связанный с интересами самого подсудимого. Действия подсудимого, в том числе вытекающие из его обязанностей, как правило, способствуют удовлетворению и его личных интересов.

Если рассматривать не отдельные, изолированные правовые отношения, а всю их совокупность, «то можно увидеть, что обязанности, наряду с правами и вместе с ними, обеспечивают удовлетворение личных интересов и целей субъекта права, развитие свободы личности, участвующей в правовом общении»¹. То же самое можно сказать о процессуальных отношениях, о правах и обязанностях подсудимого.

Процессуальные обязанности подсудимого вытекают из задач уголовного судопроизводства и совершенно конкретно определены действующим законодательством. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждениями, что обвиняемый (подсудимый) наделен лишь процессуальными правами и свободен от каких-либо обязанностей². Так, М. А. Чельцов, возражая авторам, которые к числу обязанностей подсудимого относят обязанность не уклоняться от суда и соблюдать порядок заседания, пишет, что обязанность не уклоняться от суда появляется лишь после избрания меры пресечения, а обязанность соблюдать в суде порядок распространяется на всех участников процесса и не специфична для положения подсудимого³. Как тот, так и другой довод не опроверга-

¹ С. Н. Братусь (и др.), Марксистско-ленинская общая теория государства и права, М., 1970, стр. 494.

² См.: Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1956, стр. 156; Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 75.

³ См.: Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова, стр. 75.

ют наличие у обвиняемого (подсудимого) обязанностей. Действительно, обязанность не уклоняться от суда, как правовая обязанность, возникает при определенных условиях, но от этого она не перестает быть таковой. То, что обязанность соблюдать порядок судебного заседания распространяется на всех участников процесса, как раз и свидетельствует о наличии, а не об отсутствии такой обязанности и у подсудимого.

Наиболее правильным и чаще встречающимся в юридической литературе является мнение о том, что обвиняемый (подсудимый) как участник судопроизводства наделен процессуальными правами и процессуальными обязанностями⁴.

Следует только заметить, что при рассмотрении процессуальных обязанностей обвиняемого порой ограничиваются характеристикой лишь некоторых из них, чаще всего следующих двух: не уклоняться от следствия и суда и соблюдать установленный порядок судопроизводства⁵.

Сводить все процессуальные обязанности обвиняемого (подсудимого) лишь к этим двум положениям не следует. Это не соответствует действующему законодательству, процессуальным отношениям, которые возникают в уголовном судопроизводстве, обедняет исследование проблемы процессуальных обязанностей.

Нельзя согласиться и еще с одним суждением, которое также в определенном смысле ограничивает исследование проблемы процессуальных обязанностей. В. А. Стремовский пишет: «...содержанием обязанностей обвиняемого является только воздержание от совершения действий, точно указанных в законе, т. е. его обязанности носят негативный характер. Обязанности же активного характера на обвиняемого не возложены, и потому всякие попытки требовать от него представления доказательств своей невиновности или подтвержде-

⁴ См.: Уголовный процесс, отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькин, М., 1972, стр. 116—117; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 235; Советский уголовный процесс, Саратов, 1968, стр. 80; Советский уголовный процесс, под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 73; А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 138—139; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 202; В. Н. Шпилев, Участники уголовного процесса, Минск, 1970, стр. 72—74; В. А. Стремовский, Участники предварительного следствия, Ростов-на-Дону, 1966, стр. 149—150.

⁵ См.: Р. Д. Рахунов, Указ. соч., стр. 202—203.

ния данных им объяснений являются нарушением законности»⁶. Это неверно. Нельзя сводить обязанности лишь к воздержанию от совершения действий. Обязанность — это «необходимое поведение, образец, прообраз действия, признанный государством необходимым в определенной ситуации и в определенное время»⁷. В. А. Стремовский ошибочно каждую обязанность обвиняемого действовать определенным образом рассматривает как его обязанность доказывать свою невиновность или свои утверждения. Такой обязанности у обвиняемого действительно нет, но это не означает, что на него не возложены никакие обязанности, связанные с необходимостью совершать определенные действия. К числу таких обязанностей подсудимого можно отнести: обязанность по требованию суда передать имеющиеся у него предметы и документы, необходимые по делу (ч. I ст. 70 УПК); обязанность обосновать свое ходатайство, указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства (ст. 276 УПК), и др.

С проблемой процессуальных обязанностей тесно связана проблема процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Возможность применения процессуального принуждения к подсудимому вытекает из необходимости обеспечить исполнение им обязанностей. Уже сам факт закрепления в законе мер процессуального принуждения свидетельствует о наличии у обвиняемого (подсудимого) и некоторых других участников судопроизводства процессуальных обязанностей. Если бы они таких обязанностей не имели, то не было бы и оснований для применения к ним процессуального принуждения.

Принуждению в уголовном судопроизводстве принадлежит немалая роль в обеспечении исполнения процессуальных норм, так как разумеется, невозможно рассчитывать на то, что обвиняемый (подсудимый) в каждом случае будет добровольно и добросовестно следовать требованиям закона и исполнять свои обязанности. «...Право, — писал В. И. Ленин, — есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»⁸.

⁶ В. А. Стремовский, Указ. соч., стр. 149.

⁷ С. Н. Братусь (и др.), Марксистско-ленинская общая теория государства и права, стр. 491.

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

Процессуальное принуждение к подсудимому было бы неправильно рассматривать как какую-то начальную стадию реализации в отношении его мер государственного принуждения за совершенное им преступление, прежде всего в силу презумпции невиновности, поскольку вина подсудимого в ходе судебного разбирательства лишь устанавливается. В связи с этим никак нельзя согласиться с тем, что процессуальные действия государственных органов «покоятся на уже возникшей ранее обязанности лица отвечать за свои действия в уголовном порядке...», что «за совершение преступного деяния лицо начинает фактически нести уголовную ответственность со стадии предварительного расследования...»⁹. Суждения эти означают не что иное, как отождествление подсудимого с виновным.

Применение мер процессуального принуждения и применение наказания как государственного принуждения имеют различные цели. Меры процессуального принуждения не содержат элементов кары, их цель — содействовать быстрому и полному раскрытию преступления, изобличению виновных. Учитывая это, следует признать неудачным использование в юридической литературе вместо понятия «меры процессуального принуждения» понятия «уголовно-процессуальная ответственность»¹⁰. Неудачно это прежде всего потому, что любая ответственность связана с определенной виной, а поскольку подсудимый — это еще не виновный, не следует до его осуждения говорить о какой-либо его ответственности. Кроме того, употребление понятия «уголовно-процессуальная ответственность» может привести к ошибочному представлению о том, что меры процессуального принуждения в какой-то степени являются начальной стадией применения уголовно-правовой ответственности.

Процессуальное принуждение является необходимым средством борьбы с преступностью, направленным на более успешное решение задач уголовного судопроизводства.

В судебном разбирательстве уголовных дел процессуальное принуждение прежде всего, и в большей степени, касается интересов подсудимого. Применение к подсудимому, ви-

⁹ Ф. Н. Фаткуллин, Обвинение и судебный приговор, Казань, 1965, стр. 20, 23.

¹⁰ См.: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, Томск, 1971, стр. 89 и сл.

на которого еще не установлена, мер процессуального принуждения возможно лишь при особых обстоятельствах, в силу крайней необходимости, так как применение таких мер к лицу, необоснованно привлеченному к уголовной ответственности, существенно нарушает его законные интересы.

В решении проблемы процессуального принуждения очень остро сталкиваются интересы правосудия и личности. Общественные интересы требуют принятия необходимых мер против любых попыток помешать успешному осуществлению правосудия. В интересах правосудия процессуальное принуждение допустимо по отношению к лицам, вина которых еще не установлена. Тем самым не исключается ситуация, в которой процессуальное принуждение может оказаться затем необоснованным. С точки зрения интересов личности такая ситуация нежелательна, но закон ее не исключает. В этом, несомненно, одно из конкретных проявлений конфликтности интересов правосудия и личности.

В. И. Каминская справедливо пишет, что решать подобные конфликтные ситуации необходимо «с наименьшим ущербом для интересов как общества, так и личности»¹¹. Правильно обращая внимание на необходимость всесторонне учитывать интересы личности в решении проблемы процессуального принуждения, В. И. Каминская в итоге приходит к выводу, с которым невозможно согласиться. «С точки зрения интересов общества, — пишет она, — гораздо важнее обеспечить прочную правовую охрану всем честным гражданам от необоснованного привлечения их к ответственности и осуждения, от необоснованного применения к ним мер процессуального принуждения. Для достижения этой цели, являющейся неотъемлемым элементом демократии, можно, по нашему мнению, мириться с возможностью единичных случаев, когда преступник уйдет от заслуженного наказания»¹².

Нет! Мириться с этим нельзя, даже если это единичные случаи. Общеизвестно, какое отрицательное влияние на борьбу с преступностью оказывают нераскрытые преступления. В. И. Ленин, придавая особое значение раскрытию каждого преступления, писал: «Важно не то, чтобы за преступле-

¹¹ См.: В. И. Каминская, Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве, «Советское государство и право», 1968, № 10, стр. 31.

¹² Там же, стр. 34—35.

ние было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым»¹³.

Никакими соображениями нельзя оправдывать возможность для преступника избежать ответственности, в том числе и соображениями о необходимости создать особые гарантии прав и законных интересов личности. Пределы процессуального принуждения, гарантии законного и обоснованного его применения должны определяться исходя из интересов правосудия и личности, на основании глубокого анализа практики применения процессуальных норм. Решение этой проблемы в законе основано на многолетней деятельности органов правосудия, но это, разумеется, не исключает необходимости дальнейшего совершенствования системы мер процессуального принуждения и гарантий их правильного применения.

В уголовном судопроизводстве в отношении подсудимого допустимы лишь определенные меры процессуального принуждения, предусмотренные законом. Следует заметить, однако, что все эти меры не сведены в уголовно-процессуальном законодательстве в какую-либо четкую систему. Исключение составляют меры пресечения, которым посвящены специальные главы уголовно-процессуального законодательства (глава 6 УПК). Другие же меры процессуального принуждения изложены в разных главах уголовно-процессуальных кодексов, и порой лица, применяющие их, не имеют о них четкого и ясного представления.

В целях повышения гарантий законности и обоснованности применения процессуального принуждения в законе следовало бы предусмотреть определенную систему мер процессуального принуждения, общие условия их применения, виды мер принуждения и конкретные условия применения каждой из них. Все это лучше было бы изложить в главах УПК, которые сейчас посвящены мерам пресечения, назвав их «Меры процессуального принуждения».

К общим условиям применения мер процессуального принуждения можно было бы отнести следующие:

- а) Применение мер процессуального принуждения допускается только в случаях, предусмотренных законом.
- б) Мера процессуального принуждения применяется

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

лишь в том случае, когда обвиняемый (подсудимый) или другие лица уклоняются от выполнения своих процессуальных обязанностей или есть основания полагать, что они будут их выполнять недобросовестно и лишь при условии, если это нельзя предотвратить иными процессуальными средствами.

в) При применении процессуального принуждения недопустимы действия, унижающие честь и достоинство личности.

г) Процессуальное принуждение может быть обжаловано лицом, в отношении которого оно применено, его защитником или представителем.

Действующее законодательство допускает применение в отношении подсудимого следующих мер процессуального принуждения:

1. Меры пресечения (ст. ст. 89—101, 222, 260 УПК).

В стадии предания суду и в судебном разбирательстве суд редко обсуждает вопросы, связанные с мерами пресечения, избранными органами предварительного расследования, в отношении обвиняемых, а в литературе высказано мнение, что «использование судом права, предусмотренного ст. 260 УПК РСФСР, должно быть как исключение»¹⁴. Между тем нельзя не заметить, что если в ходе судебного разбирательства суды редко принимают решения об изменении в отношении подсудимых мер пресечения, то они значительно чаще это делают при вынесении приговора. Так, по изученным делам суды изменили меры пресечения в стадии предания суду в отношении 0,7% обвиняемых, в ходе судебного разбирательства эти меры вообще не изменялись, а по приговору суда они были изменены в отношении 4% осужденных. При чем анализ этих дел свидетельствует о том, что во многих случаях у суда были все основания изменить в отношении подсудимого меру пресечения до вынесения приговора.

Следует согласиться с тем, что изменять меру пресечения и брать подсудимого под стражу в ходе судебного разбирательства суд может в особых, исключительных случаях¹⁵, но, когда по окончании предварительного расследования отпали основания для избрания мер пресечения, и осо-

¹⁴ М. Выдря, Определения суда, их обжалование и гарантии прав участников уголовного процесса, «Советская юстиция», 1964, № 8, стр. 11.

¹⁵ См. там же.

бенно заключения под стражу, суд обязан изменить меру пресечения; в противном случае к подсудимому, без достаточных к тому оснований, продолжает применяться процессуальное принуждение.

2. Привод (ст. 247 УПК).

Суд вправе подвергнуть приводу подсудимого, не явившегося в судебное заседание без уважительных на то причин.

3. Удаление из зала судебного заседания (ст. ст. 263, 280, 285, 401 УПК).

Подсудимый может быть удален из зала судебного заседания за повторное нарушение порядка и при условии, если ему за это уже делалось предупреждение. Предупреждение является определенной мерой воздействия на подсудимого и других лиц, но как самостоятельную меру процессуального принуждения ее вряд ли можно рассматривать.

Подсудимого могут удалить из зала судебного заседания на время допроса других лиц, когда это необходимо в интересах установления истины (ст. ст. 280, 285 УПК) или в воспитательных целях (ст. 401 УПК).

В других случаях эта мера процессуального принуждения не применяется к подсудимому. Так, Верховный Суд СССР указал, что отказ подсудимого от дачи показаний не может служить основанием для удаления его из зала заседания¹⁶.

4. Помещение подсудимого в медицинское учреждение (ст. ст. 188, 288 УПК).

В такой мере процессуального принуждения иногда возникает необходимость при производстве в суде судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы.

Каждая мера процессуального принуждения непосредственно направлена прежде всего на то, чтобы обеспечить выполнение обвиняемым (подсудимым) его процессуальных обязанностей и таким образом содействовать успешному осуществлению правосудия.

¹⁶ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг.», М., 1964, стр. 203.

*Содержание конкретных
процессуальных обязанностей
подсудимого*

Выше уже было отмечено, что действующее законодательство не приводит в определенной системе обязанности обвиняемого (подсудимого), как это сделано относительно его прав, но анализ процессуального законодательства дает возможность выделить основные процессуальные обязанности подсудимого.

1. Обязанность не уклоняться от суда.

Разбирательство дела в суде первой инстанции происходит с участием подсудимого, явка которого в суд обязательна (ст. 246 УПК).

Участие подсудимого в судебном заседании является определенной гарантией его права на защиту, но оно вместе с тем является и его процессуальной обязанностью. Отсутствие подсудимого в судебном заседании всегда осложняет осуществление правосудия.

Показания подсудимого как источник доказательств, его участие в процессе как лица, заинтересованного в исходе дела, независимо от позиции, занятой подсудимым, несомненно, влияют на всестороннее, полное и объективное исследование материалов дела, создают для этого благоприятные условия.

В ходе судебного разбирательства необходимо всесторонне выяснить данные о личности подсудимого, и если подсудимый не будет участвовать в судебном заседании, то решение этого вопроса весьма осложнится.

Судебное разбирательство призвано оказывать воспитательное воздействие, и прежде всего на лиц, совершивших преступление. Если подсудимый не участвует в судебном заседании, то воспитательное воздействие на него судебного разбирательства становится ничтожным.

Все это оправдывает возложение на подсудимого обязанности участвовать в судебном разбирательстве по каждому уголовному делу.

Между тем уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному решает этот вопрос. УПК РСФСР и уголовно-процессуальные кодексы некоторых дру-

гих союзных республик¹⁷ исходят из того, что суд может признать не обязательной явку подсудимого в суд по делам о преступлениях, за которые закон не предусматривает наказание в виде лишения свободы (ст. 246 УПК). Согласно ст. 246 УПК Таджикской ССР суд вправе допустить это по любым делам. Вряд ли такое решение вопроса об обязанности подсудимого участвовать в судебном заседании и о праве суда освободить его от этой обязанности является удачным. Наиболее правильно решается данный вопрос в УПК тех союзных республик, которые допускают разбираемость дела в отсутствие подсудимого лишь в случае, когда он, находясь вне пределов СССР, уклоняется от явки в суд¹⁸.

Если у обвиняемого (подсудимого) отобраена подписка о невыезде, последняя возлагает на него обязанность не отлучаться с места жительства и являться по вызову суда, но такая обязанность возникает у подсудимого, если это было предусмотрено в самой подписке о невыезде. Верховный Суд СССР указал, что обвиняемый, изменивший место жительства по окончании предварительного следствия, не может считаться нарушившим подписку о невыезде, если в подписке не содержалось обязательства невыезда без разрешения суда¹⁹. При избрании той или иной меры пресечения процессуальная обязанность обвиняемого (подсудимого) должна быть точно сформулирована.

Обязанность подсудимого являться по вызову суда вытекает не только из избранной в отношении его меры пресечения. При отсутствии оснований применения меры пресечения у обвиняемого (подсудимого) отбирается обязательство (подписка) являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства (ч. IV ст. 89 УПК). В отличие от подписки о невыезде данная подписка не содержит обязанности не отлучаться с места жительства без соответствующего разрешения. Она предусматривает обязанность подсудимого изве-

¹⁷ См. ст. 262 УПК УССР, ст. 225 УПК Узбекской ССР, ст. 250 УПК Грузинской ССР, ст. 263 УПК Азербайджанской ССР, ст. 239 УПК Армянской ССР, ст. 208 УПК Эстонской ССР.

¹⁸ См. ст. 245 УПК БССР, ст. 288 УПК Казахской ССР, ст. 266 УПК Литовской ССР, ст. 216 УПК Молдавской ССР, ст. 247 УПК Латвийской ССР, ст. 241 УПК Киргизской ССР, ст. 252 УПК Туркменской ССР.

¹⁹ См.: «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969 гг.)», М., 1971, стр. 304.

шать суд о перемене места жительства и являться по вызовам суда.

Однако правило об отобрании у обвиняемого (подсудимого) такого обязательства на практике почти никогда не применяется. По всем изученным делам автору не удалось обнаружить ни одного случая применения данного правила, а основания к этому по некоторым делам были. Органы расследования и суды, избирая в отношении подсудимых, как правило, меры пресечения, не учитывают, что тем самым на подсудимых (порой без достаточных к тому оснований) возлагаются дополнительные обязанности, когда можно было бы обойтись без них, ограничившись применением правила, предусмотренного в ч. IV ст. 89 УПК.

Обязанность не уклоняться от суда заключается в том, что подсудимый должен всегда являться по вызову суда. Однако, если подсудимый не явился по вызову в суд, то это еще не означает, что он уклонился от исполнения своей обязанности. Суд должен выяснить причины этого и, лишь убедившись в том, что они являются неуважительными, может принять к подсудимому необходимые меры. Иногда на практике суды, не выяснив причину, по которой подсудимый не явился в суд, применяют к нему меры процессуального принуждения, нарушая тем самым закон и права подсудимого.

Если подсудимый не явился в судебное заседание без уважительных на то причин, суд может подвергнуть его приводу, а также избрать или изменить подсудимому меру пресечения с тем, чтобы обеспечить выполнение им своей процессуальной обязанности не уклоняться от суда и принимать участие в рассмотрении дела.

2. Обязанность подсудимого соблюдать порядок судебного заседания.

Надлежащий порядок судебного заседания является условием создания в суде необходимой обстановки для более успешного исследования материалов уголовного дела. Порядок этот определяется правовыми (ст. 262 УПК) и нравственными нормами. Все участники судебного заседания, в том числе и подсудимый, обязаны их соблюдать и беспрекословно подчиняться распоряжениям председательствующего, направленным на обеспечение порядка в судебном заседании.

Под соблюдением порядка судебного заседания следует понимать соблюдение не только правил приличного, долж-

ного поведения, но и правил, которые определяют порядок работы суда, исследования доказательств, порядок судебной процедуры, предусмотренный законом и установленный судом (ст. ст. 279—287 УПК и др.). Поэтому недопустимы такие действия подсудимого, когда он, например, неоднократно пытается первым задать вопросы свидетелям иль задать их без разрешения председательствующего свидетелю, не закончившему еще своих показаний. Действия эти являются нарушением порядка судебного заседания несмотря на то, что они могут быть внешне облечены в корректную форму.

Наряду с этим нельзя расценивать как нарушение порядка судебного заседания действия подсудимого, которые вытекают из его процессуальных прав, в том числе такие действия, как отказ от дачи показаний, неоднократное повторение ходатайства по одному и тому же вопросу и т. д.

В случае нарушения подсудимым порядка во время судебного заседания председательствующий разъясняет ему недопустимость такого поведения и предупреждает о том, что при повторном нарушении порядка он может быть удален из зала судебного заседания (ст. 263 УПК).

Учитывая, что удаление подсудимого из зала судебного заседания является крайней мерой, которая осложняет исследование в суде доказательств, прибегать к ней следует в исключительных случаях. Иногда целесообразнее повторно предупредить подсудимого за нарушение порядка судебного заседания. Вместе с тем следует учитывать, что в отдельных случаях подсудимый может допустить в судебном заседании такие дерзкие действия, которые потребуют немедленного удаления его из зала суда без предварительного предупреждения. Буквальное толкование закона (ст. 263 УПК) как будто исключает возможность такого удаления, поэтому в закон следовало бы внести некоторое редакционное уточнение.

Подсудимый, удаленный из зала судебного заседания за нарушение порядка, осознав свое неправильное поведение, может просить суд разрешить ему вернуться в зал. Надо полагать, что, если от подсудимого поступило такое ходатайство и он обещает в дальнейшем добросовестно выполнять обязанность соблюдать порядок судебного разбирательства, суд должен разрешить ему вернуться в зал судебного засе-

дания. Суды часто так и поступают. Необходимо предусмотреть это и в действующем законодательстве.

3. Обязанность подсудимого не препятствовать суду в установлении истины.

Обвиняемый вправе, а не обязан участвовать в доказывании. У него нет и не может быть никакой обязанности доказывать, но это не освобождает его от обязанности подчиняться законным требованиям суда, направленным на обнаружение доказательств и установление истины.

Подсудимый обязан не препятствовать суду в установлении истины, поэтому суд наделен определенными процессуальными средствами, к которым он вправе прибегнуть, когда подсудимый не исполняет этой своей обязанности и противодействует суду в установлении истины. Одним из таких средств является избрание или изменение меры пресечения в отношении подсудимого. Статья 89 УПК предусматривает, что при наличии достаточных оснований полагать, что подсудимый воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, суд вправе применить в отношении его одну из мер пресечения.

Обязанность подсудимого не препятствовать суду в установлении истины не следует рассматривать как запрещение любых действий подсудимого, которые в какой-то степени препятствуют суду в познании истины. Некоторые действия подсудимого, вытекающие из его процессуальных прав, могут объективно препятствовать установлению истины. К числу таких действий можно отнести отказ подсудимого от дачи показаний, его ложные показания и пр. Поэтому из обязанности подсудимого не препятствовать установлению истины вытекает запрещение не любых его действий, а лишь противозаконных действий, препятствующих осуществлению правосудия.

Эта общая обязанность подсудимого заключается в ряде более конкретных его процессуальных обязанностей. Так, в ходе судебного следствия в целях получения новых доказательств суд может потребовать от подсудимого совершения определенных действий: передать суду имеющийся у подсудимого документ, представить образцы почерка и т. д. Выполнение каждого из этих действий является конкретной обязанностью подсудимого.

Подсудимый обязан не препятствовать получению тех

или иных доказательств по делу. Например, недопустимы с его стороны любые воздействия на свидетелей в целях воспрепятствовать им дать правдивые показания, фальсификация вещественных доказательств и тому подобные действия.

Подсудимый имеет право на защиту, но это право он обязан осуществлять, используя лишь законные способы защиты. Эта его обязанность также, безусловно, вытекает из обязанности не препятствовать установлению истины и осуществлению правосудия.

4. Обязанность подсудимого представлять доказательства.

В законе предусмотрено, что суд вправе требовать от граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные (ч. 1 ст. 70 УПК). Это требование закона в полной мере относится и к подсудимому, и на него, таким образом, возлагается определенная процессуальная обязанность.

Выше уже отмечалось, что эту конкретную процессуальную обязанность нельзя рассматривать, как возложение на подсудимого обязанности доказывать. Представляя по требованию суда документы и предметы, подсудимый ничего сам не доказывает — он выполняет лишь свою процессуальную обязанность не препятствовать установлению истины и вытекающую из нее обязанность передать суду имеющиеся у него предметы и документы, которые могут содержать доказательства, необходимые для установления истины по делу. Ничего не меняется в процессуальной природе этой обязанности и от того, с какой целью в каждом конкретном случае суд требует от подсудимого представления тех или иных предметов и документов. Это может быть связано с проверкой показаний самого подсудимого или проверкой обстоятельств, которых он не касался.

Показания подсудимого нельзя оценивать в зависимости от того, представил он или не представил те или иные предметы и документы, которые от него потребовал суд в связи с его показаниями. Если подсудимый не выполнит требования суда, то это не означает, что обстоятельства, о которых он давал свои показания, считаются недоказанными. Суд обязан проверить их всеми имеющимися в его распоряжении средствами и лишь в результате всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела оценить их, исходя из всех собранных доказательств по делу.

Обязанность подсудимого передать имеющиеся у него предметы и документы по требованию суда предусмотрена законом и является правовой обязанностью, но невыполнение ее не влечет за собой применения к подсудимому каких-либо правовых мер воздействия, мер процессуального принуждения. В основе исполнения этой процессуальной обязанности лежат нравственные начала. Такое взаимодействие права и нравственности в решении данной конкретной ситуации в уголовном судопроизводстве является вполне оправданным.

5. Обязанность подсудимого представить образцы для сравнительного исследования.

При проведении экспертизы в суде (ст. 288 УПК) иногда может возникнуть необходимость получить от подсудимого образцы для сравнительного исследования. Это могут быть образцы его почерка, отпечатки пальцев, образцы волос, пробы крови и т. д. Статья 288 УПК предусматривает, что в суде при получении образцов для сравнительного исследования применяются правила ст. 186 УПК, устанавливающие порядок получения образцов для сравнительного исследования в стадии предварительного расследования. В необходимых случаях изъятие таких образцов производится с участием специалиста, а сам факт изъятия подробно отражается в протоколе судебного заседания.

Изъятие образцов должно осуществляться с соблюдением требований закона и нравственных правил. При этом не допускаются действия, унижающие достоинство личности или опасные для здоровья подсудимого.

Подсудимый обязан выполнить требование суда о предоставлении образцов для сравнительного исследования, но в основе исполнения этой обязанности, как и ранее рассмотренной, лежат нравственные начала, а не применение тех или иных мер процессуального принуждения.

6. Обязанность подсудимого выполнить требование суда об освидетельствовании.

Необходимость освидетельствовать подсудимого может возникнуть в ходе судебного разбирательства. Основанием для этого могут послужить, например, факты, приведенные в показаниях потерпевшего или свидетеля.

Освидетельствование предусмотрено ст. 181 УПК и проводится, как правило, в стадии предварительного расследования. Закон хотя непосредственно не предусматривает проведения освидетельствования в судебном разбирательстве,

но и не исключает такой возможности. Статья 70 УПК устанавливает, что суд вправе производить следственные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, а следовательно, в том числе и освидетельствование.

Освидетельствование в суде иногда становится крайне необходимым, например в случае, когда есть данные о нарушении законности при его проведении в стадии предварительного расследования, когда есть сомнения относительно достоверности содержания протокола этого следственного действия. Поэтому в законе следовало бы указать, что освидетельствование в суде проводится по правилам его проведения в стадии предварительного расследования, как, например, это предусмотрено в ст. 288 УПК относительно представления образцов для сравнительного исследования. Кроме того, учитывая, что для проведения освидетельствования необходимы особые условия, в законе нужно было бы оговорить, что освидетельствование проводится в закрытом судебном заседании, причем суд вправе ограничить круг лиц, присутствующих при этом.

Закон не предусматривает применения каких-либо мер процессуального принуждения в отношении лица, уклоняющегося от освидетельствования. Поэтому оно не может быть произведено в суде в принудительном порядке. В основе обязанности подсудимого выполнить требование суда об освидетельствовании, как и в некоторых других случаях, лежат нравственные начала.

7. Обязанность подсудимого выполнить решения суда о помещении его в медицинское учреждение.

В ходе судебного разбирательства суд может признать необходимым назначить экспертизу для определения психического состояния подсудимого (ст. ст. 79, 288 УПК). Возможно это, если заключение эксперта, полученное в стадии предварительного расследования, вызывает у суда сомнение в его правильности, а также если экспертиза по данному вопросу не проводилась и основания для нее возникли при рассмотрении дела в суде.

Для проведения такой экспертизы суды часто направляют дело на дополнительное предварительное расследование. Такая практика не соответствует закону. Согласно ст. ст. 232, 258 УПК дело подлежит направлению для дополнительного расследования, если неполнота предварительного следствия

не может быть восполнена в судебном заседании²⁰.

В связи с назначением экспертизы иногда возникает необходимость поместить подсудимого в медицинское учреждение. Возможно это только на основании определения суда, поэтому соответствующее право суда следовало бы предусмотреть в ст. 288 УПК.

Решение суда о помещении подсудимого в медицинское учреждение исполняется в принудительном порядке. В целях же гарантий прав и законных интересов подсудимого ему, а также его защитнику или представителю должно быть предоставлено право обжаловать такое решение.

8. Обязанность подсудимого обосновать свое ходатайство.

Статья 276 УПК предусматривает, что лицо, заявившее в суде ходатайство, обязано указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства. Это касается и подсудимого. Любое его ходатайство, заявленное в судебном заседании, должно быть обосновано, иначе невозможно решить вопрос о том, какое оно имеет значение для правильного разрешения дела. Нельзя согласиться с тем, что подсудимый должен быть освобожден от такой обязанности, поскольку она якобы свидетельствует о возложении на подсудимого обязанности доказывания. Так, Б. Харaziшвили пишет: «На наш взгляд, неудачно требование ст. 276 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, где говорится, что обвиняемый, заявивший ходатайство, обязан указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства. Это логически означает частичное перенесение бремени доказывания на обвиняемого; кроме того, не учитывается, что вообще никто из участников процесса, в том числе и обвиняемый, не может заранее достоверно указать, какое именно обстоятельство может быть подтверждено при помощи того или иного источника доказательств»²¹. Это неверно. Лицо, заявившее ходатайство об истребовании дополнительного доказательства, может не знать, как это доказательство отразится на познании истины, но оно не может не знать, какие обстоятельства по делу должны быть

²⁰ См. также: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 8.

²¹ «Социалистическая законность», 1970, № 10, стр. 89.

с его помощью проверены, иначе ходатайство теряет свой смысл, становится беспредметным. Указать эти обстоятельства и означает обосновать ходатайство. Если бы такой обязанности не было у подсудимого и других участников процесса, то суду пришлось бы удовлетворять каждое ходатайство, а не только обоснованное. Можно себе представить, к чему бы это привело.

Обязанность подсудимого объяснить значение заявленного ходатайства вовсе не означает даже частичного возложения на него бремени доказывания. Эту обязанность нельзя отождествлять с обязанностью доказывать обстоятельства, имеющие значение для дела. Их всестороннее, полное и объективное исследование является обязанностью лишь суда, который при обсуждении ходатайства должен знать мнение лица, заявившего ходатайство, о его значении для дела.

Закон предусматривает обязанность подсудимого, как и других участников процесса, обосновывать ходатайства об истребовании дополнительных доказательств (ч. I ст. 276 УПК). Но подсудимый может заявить перед судом ходатайства и по другим вопросам, например об изменении меры пресечения, о прекращении дела, о направлении его для дополнительного предварительного расследования и т. д. Разумеется, подсудимый должен обосновывать и эти свои ходатайства. Не исключено, что он может ограничиться лишь той или иной просьбой, например прекратить дело, изменить меру пресечения, и не объяснять ее, т. е. ничего не сказать в обоснование своего ходатайства. Но это не в интересах самого подсудимого, так как немотивированное ходатайство в большей степени обречено на отклонение его судом.

В интересах участников процесса и правосудия каждое ходатайство должно быть обосновано тем, кто его заявил. Поэтому следовало бы уточнить редакцию ст. 276 УПК, предусмотрев в ней обязанность обосновать любое ходатайство, а не только об истребовании дополнительных доказательств.

Правильно обратив внимание на то, что обязанность обосновать ходатайство предусмотрена ст. 276 УПК в отношении участников судебного разбирательства и не указана ст. 131 УПК в отношении участников предварительного следствия, Я. О. Мотовиловкер обоснованно предлагает вопрос о данной обязанности обвиняемого решить в общей части Уголовно-процессуального кодекса²².

²² Я. О. Мотовиловкер, указ. соч., стр. 131—132.

СУДЕБНАЯ ЭТИКА
И ЕЕ РОЛЬ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ПОДСУДИМОГО

1. Велико значение нравственных начал и судебной этики¹ в решении задач правосудия, в защите прав и законных интересов личности, в решении проблемы взаимоотношений общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве.

Нравственные принципы определяют моральный характер процессуальных действий, процессуальных отношений всех участников правосудия.

Полное соответствие процессуальной деятельности и процессуальных отношений не только правовым, но и нравственным нормам обеспечивает успешное решение задач уголовного судопроизводства. Последовательное проведение как тех, так и других норм в уголовном судопроизводстве содействует всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, установлению объективной истины, справедливому осуждению лиц, виновных в совершении преступлений, оправданию невиновных, укреплению законности в уголовном судопроизводстве.

¹ Судебную этику как научное знание необходимо отличать от профессиональной морали (нравственности) и рассматривать ее именно как науку о нравственных началах правосудия и деятельности, с ним связанной. Однако в юридической литературе весьма распространено отождествление судебной этики и нравственных начал. Исходить из этого, в некоторых случаях, вынужден и автор.

Нравственные принципы, которым должны соответствовать отношения участников уголовного судопроизводства, являются определенной гарантией субъективных прав личности, и прежде всего подсудимого.

Особое значение в правосудии эти принципы приобретают в связи с указаниями Программы КПСС о том, что «в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»².

ЦК КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев вопрос о мерах по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов, в принятом постановлении (июль 1970 г.) потребовали всемерно повышать культуру в их работе³.

На необходимость всегда следовать нравственным началам и повышать культуру судебной деятельности неоднократно обращали внимание судей Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР⁴. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» указал на то, что все вопросы, подлежащие разрешению при осуществлении правосудия, судьи должны решать «на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием и высокими принципами коммунистической морали...»⁵.

С правосудием всегда связано представление о высоких принципах морали: справедливости, правде, гуманном отношении к человеку и т. д. Их значение в правосудии определяет закономерный и особенно повышенный в последние годы интерес к проблемам судебной этики — науки о нравственных началах правосудия и деятельности, с ним связанной⁶.

² «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 410.

³ «Правда», 1 сентября 1970 г.

⁴ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 30—38, 43, 266, 519; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 1, стр. 11; 1967, № 2, стр. 19—24; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 4, стр. 4—6.

⁵ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 518—519.

⁶ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 177—180; он же, Судебная этика, ее предмет и сущность, «Советское государство и право», 1971, № 12; И. Д. Перлов, Судебная этика, «Советское государство и право», 1970, № 12; Л. Ароц-

Перед судебной этикой в области уголовного судопроизводства стоят задачи: раскрывать моральную сущность уголовно-процессуальных норм, совершенствовать их развитие с точки зрения моральных требований, содействовать внедрению нравственных начал в судопроизводство, совершенствовать нравственные нормы, призванные наряду с правовыми нормами регулировать отношения, возникающие в уголовном процессе.

Успешное решение задач, стоящих перед судебной этикой, во многом зависит от понимания ее сущности. В юридической литературе наметились по крайней мере два направления в толковании понятия судебной этики. Так, М. С. Строгович пишет, что «судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, а вовсе не создает каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей, адвокатов»⁷. Высказано и другое мнение, заключающееся в том, что судебную этику не следует сводить лишь к распространению общих закономерностей коммунистической морали на этику судей, следователей, прокуроров, адвокатов⁸, что для нее характерны и свои,

кер, Тактика и этика судебного допроса, М., 1969; он же, Судебная этика, «Социалистическая законность», 1969, № 9; А. Ратинов, Ю. Зархин, Следственная этика, «Социалистическая законность», 1970, № 10; А. Л. Ривлин, Нравственные начала в уголовном судопроизводстве, «Советское государство и право», 1971, № 8; А. Бойков, Что такое судебная этика, «Советская юстиция», 1971, № 1; Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 115—159.

⁷ М. С. Строгович, Судебная этика, ее предмет и сущность, «Советское государство и право», 1971, № 12, стр. 91; см. также: И. Д. Перлов, Судебная этика, «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 104; сб. «Советская адвокатура», отв. ред. А. А. Круглов, М., 1968, стр. 124.

Аналогичное мнение было высказано и автором этих строк (см.: Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 120—121). В. И. Каминская в рецензии на данную книгу пишет, что в ней отвергается самое право профессиональной судебной этики на существование (см.: «Социалистическая законность», 1972, № 1, стр. 92). Отвергать профессиональную этику, в том числе судебную, невозможно. Речь может идти лишь о том, как ее понимать. Здесь допустимы разные суждения каждое из которых вряд ли означает отрицание профессиональной этики.

⁸ См.: Л. Ароцкер, Судебная этика, «Социалистическая законность», 1969, № 9, стр. 31.

свойственные лишь ей нравственные нормы⁹, которые могут даже ограничивать действие общих моральных принципов¹⁰.

Разногласия в этом споре иногда видят в том, что одни авторы подчеркивают наличие в профессиональной этике специфических нравственных норм, а другие говорят лишь о специфическом преломлении в ней общих этических принципов¹¹. Но суть спора, конечно, не в том, существуют или не существуют в каждой профессиональной этике свои специфические нормы. Их существование очевидно. Спор в другом: каково содержание этих норм; являются ли они результатом применения общеэтических норм с учетом специфики профессиональной деятельности, или это особые нравственные нормы, которые не вытекают из общих принципов морали и даже ограничивают их действие?

Полагая, что профессиональную этику нельзя сводить лишь к специфическому преломлению общеэтических норм в той или иной деятельности, А. Д. Бойков определяет ее как «учение о специфике действия общеэтических норм (идеалов, понятий, чувств, убеждений, рекомендаций и т. п.) в той или иной сфере общественного производства и об особых нормах, дополняющих и развивающих моральный кодекс строителя коммунизма»¹². Но что это за «особые» нормы, дополняющие и развивающие общие принципы коммунистической морали? Если они вытекают из этих принципов, конкретизируют их с учетом специфики той или иной профессии, то, по-видимому, во второй части определения, предложенного автором, отпадает необходимость. А если это действительно «особые» нормы, которые не соответствуют общеэтическим правилам или ограничивают их действие, то именно поэтому они не могут стать нормами профессиональной этики, так как их применение противоречило бы общим этическим принципам.

А. Д. Бойков пишет: «Если согласиться с тем, что нормы профессиональной этики лишь конкретизируют общие принципы морального кодекса применительно к особен-

⁹ См.: А. Л. Ривлин, Нравственные начала в уголовном судопроизводстве, «Советское государство и право», 1971, № 8, стр. 113.

¹⁰ См.: А. Ратинов, Ю. Зархин, Следственная этика, «Социалистическая законность», 1970, стр. 35.

¹¹ См.: А. Д. Бойков, Проблемы адвокатской этики, сб. «Роль и задачи советской адвокатуры», М., 1972, стр. 174—175.

¹² Там же, стр. 179.

ностям профессии, то наши поиски сколько-нибудь существенных отличий одной профессиональной этики от другой оказались бы заведомо бесплодными, а учение о профессиональной морали лишилось бы прочной базы». Мы не смогли бы, утверждает он далее, объяснить, почему поведение врача, прибегающего к обману больного относительно характера его болезни, нравственно оправдывается, а обман со стороны следователя или суда, как тактический прием с целью раскрытия преступления, осуждается. Почему высоко-нравственным является поступок врача, по собственной инициативе навещающего тяжело больного на дому, а поведение адвоката, по собственной инициативе предлагающего обвиняемому свои услуги, расценивается как аморальное?¹³

Но все эти и другие подобные «почему» совсем не трудно объяснить, рассматривая связанные с ними нормы профессиональной этики, именно как специфическое проявление тех или иных общеэтических принципов. Так, врач, скрывая иногда от больного характер его заболевания, проявляет тем самым внимание, заботу, любовь к человеку. Норма, оправдывающая такое поведение врача, вытекает из общеэтического принципа — гуманизма. Обман же со стороны следователя, суда, как тактическое действие, недопустим, так как свидетельствует о неуважении к человеку и противоречит общеэтическим принципам гуманизма и справедливости.

В качестве специфических норм судебной этики часто приводят правила о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, об адвокатской тайне и т. п., которые якобы являются изъятием из общих моральных принципов правдивости, искренности. Следует прежде всего заметить, что эти правила являются правовыми нормами (ст. ст. 72, 139 УПК). В их же нравственном содержании, и именно с точки зрения общих моральных принципов, вряд ли можно сомневаться.

Правдивость и искренность, как нравственные принципы, нельзя рассматривать в отрыве от гражданского долга, а иногда и правовой обязанности не разглашать определенные сведения. Последнее касается государственной, военной, служебной тайны, а также определенной тайны при осуществлении правосудия. Все это вытекает из общих принципов морали, а не является каким-то исключением из них.

¹³ См. там же, стр. 175—176.

Те или иные конкретные специфические нормы любой профессиональной этики необходимо рассматривать с точки зрения всей системы принципов коммунистической морали, а не одной какой-либо общеэтической нормы.

В уголовном судопроизводстве любая моральная норма, если она действительно является таковой, непременно вытекает из общих нравственных принципов.

«В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма», — писал В. И. Ленин¹⁴. Этому подчинены нравственные начала и уголовного судопроизводства. Они должны служить целям и задачам правосудия в борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов личности.

Нравственные начала уголовного судопроизводства определяются всеми принципами морального кодекса строителя коммунизма, сформулированными в Программе КПСС.

Для каждой профессиональной этики характерны общие и единые нормы, обязательные для всех членов социалистического общества. В профессиональной этике не может быть каких-то особых норм, которые не вытекали бы из общих нравственных принципов, не соответствовали, противоречили им или, тем более, ограничивали действие принципов коммунистической морали. Такие нормы были бы лишены нравственного содержания с точки зрения общих принципов морали. Особенностью каждой профессиональной этики является то, что в различных сферах профессиональной деятельности применение, выражение и преломление общих нравственных норм имеет в ряде случаев свои специфические черты и формы.

Следует заметить, что еще А. Ф. Кони рассматривал судебную этику как приложение общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности¹⁵.

Из понимания сущности судебной этики вытекает решение вопросов: о направлении ее развития, о расширении нравственных начал в судебной деятельности.

Развитие судебной этики, как представляется, должно идти не в направлении поисков особых профессиональных норм нравственности, не связанных с принципами коммуни-

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.

¹⁵ См.: А. Ф. Кони, Собр. соч., т. 4, стр. 59.

стической морали, и тем более ограничивающих их действие, а путем внедрения общих нравственных принципов в судебную деятельность с учетом ее особенностей. Это будет содействовать решению задач правосудия, защите прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Положение подсудимого в уголовном судопроизводстве определяется не только правовыми нормами, но и нормами морали. Несомненно их большое значение в обеспечении и защите прав и законных интересов подсудимого.

Осуществляя правосудие, суд касается самого дорогого для человека — его чести и достоинства, свободы, а иногда и жизни. Одним этим уже обуславливается все значение нравственных начал правосудия в решении судьбы подсудимого.

Единство общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве, единство интересов правосудия и личности, прежде всего подсудимого, требуют последовательного проведения при осуществлении правосудия принципов коммунистической морали: справедливости, гуманного отношения к человеку и др.

2. Одним из основных принципов коммунистической морали является непримиримость к несправедливости. В уголовном процессе проблема справедливости приобретает особое значение и в первую очередь затрагивает интересы подсудимого. Какой бы вопрос ни решался в судебном разбирательстве, подсудимый и все другие лица ждут от суда главного и основного — справедливости.

Справедливость правосудия всегда отвечает законным интересам подсудимого и обеспечивает решение задач, стоящих перед судом. Поэтому вся деятельность суда, его решения должны всегда и непременно соответствовать высоко-нравственному принципу — справедливости, исключать всякие в этом сомнения.

В уголовно-процессуальном законе справедливость, как категория этики, рассматривается главным образом в плане соотношения между преступлением и наказанием. В ст. 2 УПК сказано, что одной из задач уголовного судопроизводства является справедливое наказание подсудимого, совершившего преступление. В качестве определенного критерия соответствия назначенного подсудимому наказания тяжести преступления и личности осужденного закон указывает на

нравственную категорию — справедливость. Так, в ст. 347 УПК предусмотрено, что несоответствующим тяжести преступления и личности осужденного признается наказание, которое по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости.

Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что одним из необходимых требований к приговору является справедливость наказания. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» обращается внимание судей на то «чтобы приговор по каждому делу был законным и обоснованным, а наказание, если подсудимый признан виновным, — справедливым»¹⁶. Между тем судебная практика свидетельствует о том, что в отношении подсудимых еще нередко допускаются несправедливые решения. Среди судебных ошибок большую часть составляют ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и несоответствием назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного.

Из всех судебных ошибок, допущенных по 780 изученным делам, 705 — заключались в несправедливом наказании. Причем в 21% случаев судебные ошибки свидетельствовали о назначении мягкого наказания и в 79% — сурового. Кассационные инстанции значительно чаще отмечают именно суровость, а не мягкость наказаний, назначенных судами первой инстанции. Это свидетельствует о том, что несправедливость приговора носит главным образом характер обвинительного уклона в судебной деятельности и, очевидно, требует некоторой переоценки понятия справедливости в моральном сознании судей.

Итак, справедливость — принцип коммунистической морали — в уголовном судопроизводстве проявляется прежде всего в соотношении преступления и наказания, но этим не ограничивается его действие. В юридической литературе обоснованно отмечают и другие аспекты справедливости в уголовном процессе. Так, П. А. Лупинская рассматривает справедливость как свойство, которым должны обладать все решения в уголовном судопроизводстве¹⁷. Но и этим не огра-

¹⁶ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 517; см. также: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 4, стр. 8.

¹⁷ См.: П. Лупинская, Справедливость решений в уголовном судопроизводстве, «Социалистическая законность», 1972, № 3, стр. 9—14.

ничивается ее значение в уголовном судопроизводстве. По отношению к подсудимому справедливость (как понятие морального сознания) должно, по крайней мере, характеризовать соотношение между: а) преступлением и наказанием; б) действиями подсудимого и решениями суда; в) правами и обязанностями подсудимого; г) поведением подсудимого в суде и тем, как на это реагируют другие участники процесса, прежде всего судьи, прокурор, адвокаты.

Справедливость — это требование не только к обвинительному приговору в части меры наказания, но и требованию, которое касается решения в приговоре всех прочих вопросов, в частности гражданского иска. Это также неизменное требование и к оправдательному приговору. Справедливыми должны быть и все другие решения суда: определения о направлении дела для дополнительного расследования, о прекращении дела, об избрании, изменении меры пресечения, частные определения суда и т. д. Иногда некоторые из этих решений, формально соответствующие закону, не соответствуют нравственному критерию — справедливости. Так, в юридической литературе отмечалось, что оправдательные приговоры выносятся значительно реже, чем постановления следственных органов о прекращении дел, направленных судом на дополнительное расследование¹⁸. Это в какой-то мере свидетельствует о том, что иногда справедливости по отношению к подсудимому судьи предпочитают сохранение определенных взаимоотношений с прокурорами и следователями; в итоге от этого страдают интересы правосудия.

Иногда оправдательные приговоры и частные определения суда содержат такие формулировки, которые порождают сомнения в невиновности оправданного. Такие приговоры и определения нельзя расценить иначе как несправедливые.

Справедливость судебных решений означает их законность, обоснованность, мотивированность и истинность. Только отвечая этим требованиям, судебные решения будут справедливыми. Но это не означает, что справедливость в уголовном процессе сводится лишь к выполнению указанных требований. Ее следует рассматривать как моральное сознание, характеризующее все процессуальные действия и решения в уголовном судопроизводстве.

¹⁸ См.: А. Бойков, Что такое судебная этика? «Советская юстиция», 1971, № 1, стр. 8.

С позиции справедливости должно оцениваться процессуальное положение подсудимого в суде, соотношение его прав и обязанностей, создание для него реальной возможности в полной мере пользоваться своими правами. Основой справедливости в данном случае является равенство прав участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК). Справедливость требует от суда равного отношения ко всем участникам процесса, обеспечения подсудимому равной с другими лицами возможности защищать свои права и отстаивать свои законные интересы.

С точки зрения справедливости расцениваются все отношения, которые складываются при осуществлении правосудия, и прежде всего отношения суда к подсудимому. Каждое действие судьи, его обращение к любому участнику процесса и тем более к подсудимому должны подтверждать, что для суда превыше всего справедливость, стремление установить объективную истину. Поэтому в судебном заседании недопустимы со стороны судьи такие замечания подсудимому и нотации, которые свидетельствовали бы о необъективности судьи, вызывали сомнения в справедливости суда.

В ходе судебного разбирательства у его участников, в том числе и судей, возможно различное эмоциональное состояние. Правосудие связано с отысканием истины, а, как указывал В. И. Ленин, «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹⁹. Кроме того, те или иные эмоции судьи могут быть вызваны поведением подсудимого. Вряд ли грубая дерзость или беззастенчивая ложь могут оставить к себе равнодушным. Но судье необходимо уметь управлять своими эмоциями. Его внутреннее эмоциональное состояние не должно внешне проявляться в таких действиях и заявлениях, которые могли бы породить сомнения в объективности суда. Реагировать на поведение подсудимого и других участников процесса судьи должны лишь в пределах прав, предоставленных им процессуальным законом, разумно, в меру пользуясь властью, укрепляя тем самым веру в справедливость суда.

Недопустима и преждевременная, в ходе судебного разбирательства, оценка действий подсудимого. Такая оценка, до тех пор пока не исследованы полностью все материалы

¹⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

дела, часто является ошибочной, несправедливой, вместе с тем она не только создает впечатление о необъективности суда, но и действительно мешает ему быть справедливым в своем окончательном решении.

Справедливыми должны быть отношения к подсудимому не только суда, но и всех других участников судебного разбирательства, и прежде всего прокурора и адвоката. Это особенно касается той оценки действий и поведения подсудимого, которую дают в своих речах обвинитель и защитник. Справедливой должна быть и их характеристика личности подсудимого. Разумеется, обвинитель и защитник оценивают материалы дела, исходя из их назначения в процессе, но в любом случае они должны быть объективными и справедливыми. К сожалению, нередко и речи обвинителей, и речи защитников страдают необъективной, несправедливой характеристикой подсудимого. Прокурор порой обходит молчанием обстоятельства дела, которые не укладываются в обвинительный тезис, или дает им искаженную характеристику, при наличии всех оснований отказаться от обвинения продолжает его поддерживать. Осуждая в своей речи преступление, он иногда прибегает к таким выражениям, использует такие черные краски, характеризуя подсудимого, которые не только у подсудимого, но и у других лиц вызывают чувство определенной несправедливости.

Не менее грешат против справедливости в своих речах и некоторые адвокаты. Причем несправедливая характеристика подсудимого заключается порой не только в стремлении во что бы то ни стало «защитить» подсудимого от правосудия, но и в таких заявлениях, которые унижают честь и достоинство личности, изображая подсудимого глупым и нерассудительным человеком, безвольной жертвой сложившихся обстоятельств и т. п.

Выполнение специфических профессиональных обязанностей и противоположных процессуальных функций не должно лишать обвинителя и защитника общего для них высоко нравственного сознания справедливости, и прежде всего по отношению к подсудимому.

Человек очень остро реагирует на любую несправедливость по отношению к нему, не составляет исключения из этого и подсудимый. Он рассчитывает не только на справедливость приговора и других решений суда, но и на справедли-

вое отношение к нему всех участников процесса, справедливость всех процессуальных действий в ходе судебного разбирательства. Поэтому нельзя согласиться с тем, что «многие промахи в поведении судей и других участников судебного разбирательства могут быть прощены и забыты, если решение суда воспринято как единственно справедливое»²⁰. Не может справедливость приговора оправдывать несправедливость процессуальных действий, ему предшествовавших, оправдывать поведение судей и других участников процесса, не соответствующее нравственным и тем более правовым нормам. Поведение участников процесса, их отношение к подсудимому всегда должны быть справедливыми.

Рассматривая справедливость как важный нравственный принцип судебной деятельности, следовало бы поддержать предложение сформулировать в уголовно-процессуальном законе не только правовые, но и нравственные требования, предъявляемые ко всем процессуальным решениям, указав на справедливость, как на непереносимое самостоятельное требование, которому должно соответствовать любое процессуальное решение²¹. К этому необходимо лишь добавить, что о справедливости в уголовно-процессуальном законе должно быть указано не только по отношению к процессуальным решениям, но и по отношению к процессуальным действиям.

3. Гуманизм является одним из принципов коммунистической морали и социалистического права²². Вера в человека, в его неограниченные возможности и способности лежит в основе социалистического гуманизма. Охрана и защита интересов человека, удовлетворение постоянно растущих его потребностей является выражением подлинного гуманизма советского социалистического общества, в котором самая большая ценность — человек.

Гуманизм пронизывает все общественные отношения в социалистическом обществе. Несомненно значение гуманизма и в области правосудия, где он проявляется в защите

²⁰ А. Бойков, Что такое судебная этика? «Советская юстиция», 1971, № 1, стр. 9.

²¹ См.: П. Лупинская, Справедливость решений в уголовном судопроизводстве, «Социалистическая законность», 1972, № 3, стр. 14.

²² См.: «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 411; В. Степанов, Гуманизм советского общества, «Коммунист», 1971, № 16; В. Д. Попков, Гуманизм советского права, М., 1972.

общества от преступлений, в защите невиновного от осуждения, в справедливом осуждении виновного, в его исправлении и перевоспитании.

Гуманизм в отношении подсудимого заключается прежде всего в справедливом наказании, которое является не только карой за совершенное преступление, но и средством исправления и перевоспитания осужденного. Наказание, как предусматривает закон, не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Однако смешивать понятия гуманизма и справедливости в оценке наказания не следует. Иногда под гуманизмом понимают и смягчение меры наказания, например применение условного осуждения и ожесточение уголовной репрессии, применение сурового наказания в целях защиты общества от опасных преступников. Как правильно заметил В. Д. Попков, подобного рода суждения, игнорируя принцип справедливости, рисуют сложную картину одной краской «под гуманизм». Государство же вынуждено иногда применять для пресечения преступлений средства, не всегда гуманные, но непременно справедливые²³. Справедливое отношение к подсудимому как оценка его поведения определяется соотношением общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве, а гуманное отношение — человеколюбием, уважением к правам личности.

В суде решаются судьбы людей, с правосудием связаны различные ограничения тех или иных прав личности, применение мер принуждения. В решении всех этих вопросов наряду с другими нравственными принципами большую роль играет гуманизм. Осуществление судьями, прокурорами своих полномочий должно быть проникнуто гуманным, глубоко человеческим отношением к людям, на которых распространяется их власть. Все процессуальные действия, которые связаны с осуществлением правосудия, должны быть гуманны в своей основе и продиктованы заботой о правах и законных интересах личности.

Гуманное отношение к человеку, как принцип коммунистической морали, отражается не только на наказании ли-

²³ См.: В. Д. Попков, указ. соч., стр. 97—100.

ца, совершившего преступление, но и на любом решении суда, на каждом его действии по отношению к подсудимому²⁴.

В ходе судебного разбирательства подсудимый, вина которого в совершении преступления еще не установлена, имеет полное основание рассчитывать на гуманное к нему отношение. К сожалению, иногда можно наблюдать со стороны некоторых судей по отношению к подсудимому бездушие и черствость, подозрительность и недоверие. Объясняется это порой глубоко ошибочным мнением о том, что такой принцип коммунистической морали, как гуманное отношение между людьми, не может быть полностью применен к подсудимым — лицам, обвиняемым в совершении преступления. Это неверно. К. Маркс утверждал, что государство должно видеть в человеке, нарушившем закон, не только правонарушителя²⁵. Вера в человека, уважение «к человеческому достоинству во всяком человеке без различия лица, прежде всего за то, что он — человек, и потом уже за его личные достоинства»²⁶, является высоконравственным принципом. Он должен быть и основой отношений судьи к подсудимому. Еще А. Ф. Кони отмечал, что судья должен уметь находить «душу живую» под самой грубой, мрачной, обезображенной формой²⁷. Примерно ту же мысль высказал А. М. Горький в письме несовершеннолетним правонарушителям: «Хотелось бы мне, милые товарищи, чтоб и Вы поверили друг в друга, поверили в то, что каждый из Вас скрывает в себе множество ценнейших возможностей, непроснувшихся талантов, оригинальных мыслей, что каждый из вас — великая ценность.

Это — самая великая вера, только она и должна быть. Всегда лучше ждать друг от друга хорошего, чем плохого...»²⁸.

Современников В. И. Ленина всегда восхищало в нем удивительно человеческое отношение к людям. Так, в своих воспоминаниях Л. А. Фотиева пишет: «Каждая беседа с Вла-

²⁴ См.: М. С. Строгович, Судебная этика, ее предмет и сущность, «Советское государство и право», 1971, № 12, стр. 92; И. Д. Перлов, Судебная этика, «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 106; А. Л. Ривлин, Нравственные начала в уголовном судопроизводстве, «Советское государство и право», 1971, № 8, стр. 114.

²⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 132.

²⁶ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, М., 1955, стр. 392.

²⁷ А. Ф. Кони, Собр. соч., т. 2, стр. 306.

²⁸ М. Горький, Соч., т. 30, М., 1955, стр. 17.

димиром Ильичем была событием, которое навсегда осталось в памяти того, кому посчастливилось побывать у него на приеме. Это объяснялось замечательным свойством Владимира Ильича поднимать работника в собственном сознании, его умении уважать человека. Он сам в высшей степени обладал чувством собственного достоинства и в каждом человеке умел его ценить и оберегать»²⁹.

Уважение к человеку, вера в него не означает примерение с его недостатками. Преступления, отрицательное поведение не могут не вызвать гнева и осуждения, но последние должны быть справедливы и в своей основе покоиться на уважении к человеку. Примером удивительного сочетания этого является отношение В. И. Ленина к людям. Непримиимый к врагам трудящихся, он вместе с тем всегда был справедлив и внимателен к человеку, в том числе и совершившему преступление. Так, В. И. Ленин писал: «Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом»³⁰. А в одном из писем В. И. Ленина читаем: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неспытность, молодость арестованного... Результат проверки телеграфируйте»³¹. О проявлении большого внимания к людям свидетельствует письмо В. И. Ленина коменданту Петропавловской крепости и гарнизонному совету от 2 января 1918 г. «Нам стало известно, — писал он, — что в ночь на 2 января гарнизонный совет вынес резолюцию о лишении заключенных права передачи и свиданий. Отдавая должное чувству революционного энтузиазма, охватившего представителей гарнизона крепости, мы находим в то же время такую меру в охранении лиц, лишенных свободы, излишней...»³².

²⁹ Сб. «Будьте ленинцами», М., 1957, стр. 45.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 201.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.

³² «Декреты Советской власти», т. 1, М., 1957, стр. 312.

Хорошо известны и другие многочисленные письма В. И. Ленина, полные заботы и внимания к людям³³.

О значении гуманного отношения к обвиняемым говорил Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к чекистам: «Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим заключение, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце»³⁴.

На необходимость видеть человека за большой государственной работой, заботиться о его интересах обращал внимание М. И. Калинин: «Наши работники теперь стали уж очень большими «государственниками». Сплошь и рядом слышишь такого рода рассуждения: ну, что такое, если пострадают один-два-три человека, это мелочь по сравнению с той огромной работой, которую мы производим в государстве. Лес рубят — щепки летят, а вы поднимаете скандал из-за какого-либо человека! Я считаю, что такие рассуждения являются бюрократическими. Пренебрежительно относиться к людям не должны никакие работники, ни одного ведомства»³⁵. Это безусловно и, может быть, прежде всего относится к судебным работникам.

На внимательное отношение к себе вправе рассчитывать и подсудимый. Спокойное к нему отношение, внимание к его объяснениям, полное отсутствие иронии или насмешки, а иногда и слово одобрения, как отмечал А. Ф. Кони, входят в нравственную обязанность судьи³⁶.

Гуманное, глубоко человеческое отношение к подсудимому должно проявляться в каждом действии, в каждом решении судей и других участников процесса. Прежде всего это — внимательное, чуткое, заботливое отношение к его правам и законным интересам. Его заявления, просьбы, ходатайства всегда должны быть внимательно выслушаны и, в случае их обоснованности, непременно удовлетворены. Со стороны суда к подсудимому необходим индивидуальный подход при решении тех или иных вопросов, особенно связанных с применением мер процессуального принуждения. Гуманное отношение должно заключаться в уважительном,

³³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 153—154, 211, 214—215, 244, 257, 318; т. 51, стр. 154.

³⁴ С. Дзержинская, В годы великих боев, М., 1965, стр. 306.

³⁵ М. И. Калинин, Избр. произв., т. 3, М., 1962, стр. 58—59.

³⁶ См.: А. Ф. Кони, Собр. соч., т. 4, стр. 54.

культурном, корректном обращении к подсудимому в любой части судебного разбирательства, особенно при его допросе; в доверии к его показаниям и объяснениям.

Подсудимый порой очень нуждается в сочувствии к его переживаниям. В связи с этим отношение к нему судей должно быть в высшей степени тактичным. Следует щадить, оберегать чувства самолюбия и собственного достоинства подсудимых, не допускать высокомерия и пренебрежения по отношению к ним. Обращение к подсудимому должно быть ровным и исключать возможность какого-либо раздражения и озлобления. Строгость и официальность в обращении к подсудимому не должны превращаться в жестокость, а использование различных мер воспитательного воздействия — в устаревание. Гуманное отношение к подсудимому требует от судей видеть в каждом деле не безликий судебный «случай», а живого человека с его сложными чувствами и переживаниями³⁷. Но выполняется это требование не всегда. Нередко можно наблюдать по отношению к подсудимому равнодушие, черствость, подозрительность, нескрываемое отвращение. Причины тому, как верно замечают многие авторы, кроются в так называемой «профессиональной деформации» судей, прокуроров и других лиц, связанных с деятельностью органов расследования, прокуратуры и суда³⁸. Специфические условия профессиональной деятельности суда (властные полномочия, самостоятельность и независимость, ограниченная для других лиц возможность критики судебных ошибок, постоянное столкновение с преступным поведением лиц, стремление раскрыть преступление по каждому делу, наблюдение человеческих страданий) приводят порой к нежелательным изменениям в их характере. У судей возникает уверенность в безошибочности своих решений, в своем особом «чутье», вырабатывается формализм, трафарет в работе, появляется подозрительность к людям, привыкание к виду человеческих страданий, а порой и равнодушие к их судьбам.

³⁷ См.: И. Д. Перлов, Судебная этика, «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 106.

³⁸ См.: А. Л. Ривлин, Нравственные начала в уголовном судопроизводстве, «Советское государство и право», 1971, № 8, стр. 113—114; А. Ратинов, Ю. Зархин, Следственная этика, «Социалистическая законность», 1970, № 10, стр. 38—39; Н. В. Радутная, Условия дальнейшего повышения качества деятельности судей, «Советское государство и право», 1970, № 1, стр. 66.

Подобным превращениям подвержены работники с изъянами в воспитании их нравственного сознания, с невысоким уровнем общей и правовой культуры. Поэтому преодоление «профессиональной деформации» судей, совершенствование нравственных начал правосудия, обеспечение, в частности, справедливости и гуманизма в судебной деятельности зависят прежде всего от воспитания нравственного сознания судей.

4. Одной из нравственных проблем, которой в известной степени должны быть подчинены судебное следствие и судебные прения, является пробуждение совести у подсудимого. Совесть, как выражение нравственного самосознания личности, способности осуществлять моральный самоконтроль, сознавать свой долг и ответственность перед обществом, во многом определяет поведение человека. Человеку, воспитанному на высоких моральных принципах, совесть не позволяет поступать вопреки им. Но совесть влияет не только на выбор поступка, она является средством оценки поступков, их исправления.

Если судебное разбирательство повлияло на пробуждение совести у осужденного, на появление у него чувства стыда за совершенное преступление, то следует считать, что воспитательная задача суда была решена наилучшим образом.

Очень часто подсудимые признают себя виновными, дают подробные, правдивые показания, но это еще не означает, что заговорила их совесть. Лишь чистосердечное раскаяние свидетельствует о нравственном перерождении подсудимого и является необходимым условием его исправления в дальнейшем.

Закон рассматривает чистосердечное раскаяние, а также явку с повинной и активное способствование раскрытию преступления как обстоятельства, смягчающие ответственность³⁹ (ст. 38 УК РСФСР). Все эти три обстоятельства тесно связаны между собой, но каждое из них может быть учтено судом самостоятельно при определении ответственности подсудимого. Связь между этими обстоятельствами заключается, в частности, в том, что явка с повинной и активное способствование раскрытию преступления могут выражать

³⁹ См.: Ю. Лубшев, Учет судом при назначении наказания чистосердечного раскаяния, явки с повинной и активного способствования раскрытию преступления, «Советская юстиция», 1971, № 17, стр.13—15.

раскаяние подсудимого, хотя не всегда и не обязательно о том свидетельствуют. Вместе с тем чистосердечное раскаяние может и не сопровождаться явкой с повинной или активным способствованием раскрытию преступления, о нем могут свидетельствовать иные обстоятельства.

Чистосердечное раскаяние возможно как в стадии предварительного расследования, так и в суде первой инстанции, а также на любой другой стадии уголовного процесса. Оно является обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого (подсудимого). Если же подсудимый не признал себя виновным и не раскаялся, то это не может расцениваться как обстоятельство, отягчающее его ответственность. Поэтому такого рода указание в приговоре является нарушением закона⁴⁰.

Чистосердечное раскаяние лица, совершившего преступление, разумеется, желательно по каждому делу, но так происходит не всегда. По делам, изученным автором, суды в 29% случаев указали в приговоре на чистосердечное раскаяние подсудимых как обстоятельство, смягчающее их ответственность. Причем следует заметить, что почти в каждом пятом случае ссылка в приговоре на чистосердечное раскаяние не вытекала из материалов дела. Конечно, было бы не реально требовать от судов добиваться чистосердечного раскаяния подсудимых в каждом случае, но совершенствовать работу в этом направлении необходимо.

Разъяснить подсудимому гуманный смысл закона, а именно, что чистосердечное раскаяние является обстоятельством, смягчающим ответственность, — обязанность суда. Но проблема эта имеет и другую сторону. Пробуждать совесть, рассчитывать на чистосердечное раскаяние можно лишь в отношении лица, действительно совершившего преступление, а не каждого подсудимого. Поэтому решать эту проблему необходимо исходя из презумпции невиновности и только законными средствами, с соблюдением нравственных принципов.

Иногда можно наблюдать, как в суде подсудимому «читают мораль», «взывают» к его совести, «убеждают» чистосердечно раскаяться, неоднократно напоминая, что это смягчит его ответственность. А подсудимый не виновен, и ему, естественно, не в чем раскаиваться. Правильно писал

⁴⁰ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 4, стр. 9—10.

М. С. Строгович, что гуманное положение материального уголовного права (п. 9 ст. 38 УК РСФСР) нельзя использовать в качестве процессуального средства понуждения подсудимого признать свою вину⁴¹. Разъяснение подсудимому содержания ст. 38 УК РСФСР не должно превращаться в незаконное и безнравственное воздействие на подсудимого в виде обещания смягчить ему наказание в случае признания им своей вины. Следует иметь в виду, что закон запрещает домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20 УПК). Разумеется, в суде никто не выдает прямых обещаний смягчить подсудимому наказание в случае его чистосердечного раскаяния, но настойчивое разъяснение ст. 38 УК РСФСР иногда приобретает именно такое значение, особенно в понимании подсудимого. Это психологическое воздействие с точки зрения ст. 20 УПК следует рассматривать как незаконную меру.

Кроме того, было бы неправильно считать, что чистосердечное раскаяние непременно в каждом случае приводит к смягчению наказания. Подсудимый должен понимать — и ему следует это разъяснить, — что чистосердечное раскаяние учитывается судом наряду с другими обстоятельствами, как смягчающими, так и отягчающими ответственность, в связи с чем в конкретном случае тяжесть преступления и наличие отягчающих обстоятельств, несмотря на раскаяние подсудимого, могут исключить смягчение ему наказания.

Грань между разъяснением подсудимому значения чистосердечного раскаяния и незаконным понуждением подсудимого к такому раскаянию практически трудноуловима, помочь в этом судье могут лишь нравственные принципы и его моральное сознание.

Чистосердечное раскаяние подсудимого, совершившего преступление, должно возникнуть как проявление пробудившейся у него совести или чувства стыда, оно возможно лишь как совершенно добровольная потребность лица признать свою вину, осудить свое поведение. Возникнуть оно может под влиянием всего хода судебного разбирательства. В этом одна из сторон воспитательного значения судебного процесса. В отношении подсудимого воспитательное значение имеет буквально все, что происходит в суде, каждое процессуаль-

⁴¹ См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 421—422.

ное действие, каждое решение, но особая роль в этом принадлежит допросу подсудимого, судебным прениям и приговору.

Допрашивая подсудимого, суд должен не только стремиться выяснить обстоятельства дела, объективную истину, но и оказать определенное воспитательное воздействие на подсудимого. В ходе судебного следствия необходимо изучать особенности личности подсудимого, его характер, положительные и отрицательные качества и по возможности использовать это в воспитательных целях. Особое воспитательное значение имеет допрос подсудимого, признающего себя виновным, об обстоятельствах, которые способствовали преступлению, о причинах, мотивах и целях совершенного им преступления. Выясняя все это, суд должен помочь подсудимому понять несоответствие его поведения общественным интересам, коммунистической морали.

Большая роль в воспитательном воздействии на подсудимого и других лиц принадлежит судебным прениям. В этом отношении важно не только их содержание, но и форма, то, как участник процесса произнесет свою речь. Воспитательный эффект речи во многом зависит от ее эмоциональной стороны. Поэтому нельзя согласиться с тем, что судебный оратор должен освободиться от «встречающегося еще недостатка — от речевых эмоций»⁴². Скорее, их отсутствие в речах прокуроров и адвокатов следует считать ошибкой. Бледные, со стандартным набором фраз, эти речи порой не волнуют сердца слушателей, не заставляют размышлять их над острыми нравственными проблемами, которых так много в любом судебном деле. Судебный оратор должен уметь владеть собой и своей речью, но это не исключает эмоциональной оценки поведения подсудимого и других лиц. Эмоциональная сторона речи повышает ее воспитательное воздействие, интерес к ней слушателей, способствует познанию истины. Судебная речь должна быть эмоциональной, будить не только мысли, но и чувства слушателей⁴³.

⁴² С. Ария. О культуре защитительной речи, «Советская юстиция», 1969, № 14, стр. 20.

⁴³ См.: Е. А. Матвиенко, Судебная речь, Минск, 1972, стр. 226—232.

Как несомненный недостаток подготовки юристов следует отметить то, что учебные планы высших юридических учебных заведений не предусматривают изучения искусства судебной речи.

Особую воспитательную роль играют выездные сессии судов, рассмотрение уголовных дел в широкой аудитории, непосредственно в коллективах трудящихся. Причем распространено мнение, что значение таких процессов заключается в воспитательном воздействии на аудиторию, присутствующих лиц. Но это лишь одна сторона значения выездных сессий, другая заключается в том, чтобы использовать особые условия выездной сессии для воспитательного влияния на подсудимого. Последнее не всегда учитывается.

Среди практических работников распространено ошибочное мнение, что цель выездной сессии — строго наказать подсудимого и тем самым, показав «эффективность» борьбы с преступностью, воздействовать на аудиторию, «неустойчивых» в моральном отношении лиц.

В. И. Ленин требовал уголовные дела, имеющие определенное воспитательное значение, «выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»⁴⁴.

Пленум Верховного Суда СССР в одном из своих постановлений указал, что суть выездных сессий не сводится к тому, чтобы максимально строго оценить содеянное преступником⁴⁵. Забывая об этом и переоценивая воспитательный «эффект» от строгого наказания, судьи иногда жертвуют ради него законными интересами подсудимого, а в результате приговор суда становится необоснованным и несправедливым⁴⁶.

Справедливый оправдательный приговор и справедливое наказание виновного в выездной сессии суда не в меньшей, а в большей степени содействует правовому и нравственному воспитанию лиц, наблюдавших судебный процесс, чем суровое и несправедливое осуждение подсудимого. В каждом случае, где бы ни проходил процесс, суд должен решать не отвлеченную, общую воспитательную задачу, а судьбу кон-

⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 71.

⁴⁵ См.: «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 35; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 2, стр. 20.

⁴⁶ См.: А. Ваксберг, Это были Вы, «Литературная газета», 10 ноября 1971 г. В очерке описан один из случаев, когда суд выездную сессию подчинил задаче покарать преступника, а не тщательно разобраться в деле и в результате был осужден невиновный человек.

кретного человека — подсудимого и лишь на этой основе оказывать воспитательное воздействие на лиц, присутствующих в зале судебного заседания, и на подсудимого.

Следует значительно больше уделять внимания воспитательному воздействию на подсудимых в выездных сессиях суда, использовать для этого особые условия, в которых они проходят; присутствие лиц, с которыми подсудимый работал, жил, которые хорошо его знают. Все это может способствовать пробуждению у подсудимого совести и решению проблемы его нравственного воспитания.

5. Определенной гарантией прав и законных интересов подсудимого является соответствие всех процессуальных действий и процессуальных отношений в уголовном судопроизводстве не только правовым, но и нравственным нормам. Рассматривая данную проблему, необходимо иметь в виду, что правовая и нравственная оценки тех или иных действий иногда могут не совпадать. Это касается и оценок процессуальных действий участников судебного разбирательства. Именно поэтому суд должен принимать все меры к тому, чтобы каждое процессуальное действие в ходе судебного разбирательства согласовывалось как с правовыми, так и с нравственными требованиями.

Нравственная оценка процессуальных действий зависит не только от их соответствия той или иной процессуальной норме, но и от мотивов, по которым они совершаются, от формы их выражения. Мотивы и форма процессуальных действий, как и их содержание, должны соответствовать нравственным началам.

При рассмотрении в суде уголовных дел порой можно наблюдать по отношению к подсудимому такие действия, которые формально как будто соответствуют закону, но вместе с тем являются нарушением судебной этики и заслуживают нравственного порицания. Так, иногда в связи с заявленным подсудимым ходатайством председательствующий, прежде чем объявить определение суда, проводит в присутствии всей судебной аудитории «совещание» с народными заседателями, которое длится несколько секунд. Тем самым создается лишь видимость коллегиального обсуждения вопроса, а на самом деле председательствующий принимает решение единолично. С точки зрения судебной этики такая форма «совещания» производит отрицательное впечатление, а у подсудимого не

без оснований складывается мнение, что не суд, а судья единолично вершит его судьбу. Формально требование ст. 261 УПК выполнено, если, разумеется, для вынесения определения суд не должен был удаляться в совещательную комнату, но несоответствие таких действий судьи нравственным началам свидетельствует о том, что по существу было допущено нарушение и процессуального закона.

Иногда суд, отклоняя ходатайство подсудимого, приводит мотивы, которые формально соответствуют требованиям ст. 276 УПК, но для всех очевидно, что это происходит потому, что суд поспешно проводит судебное следствие, у него «не хватает» времени. Несомненно, такие действия суда противоречат нравственным началам правосудия, а также процессуальному закону.

Статья 280 УПК предусматривает, что подсудимого допрашивают первыми судьи, а затем обвинитель и другие участники процесса⁴⁷. Такой порядок не всегда обеспечивает нравственные начала правосудия, в частности объективность и беспристрастность судей. Огласив обвинительное заключение и приступив к первому допросу, председательствующий нередко невольно ведет этот допрос в плане подтверждения предъявленного подсудимому обвинения. В этих условиях ему значительно трудней остаться на позициях объективности и беспристрастности, чем в случае, если бы первым допрашивал подсудимого прокурор. Конечно, прав И. Д. Перлов в том, что «можно первым допрашивать подсудимого и объективно вести допрос, так же как можно утратить объективность, допрашивая подсудимого последним. Все зависит не от того, когда ведет допрос подсудимого председательствующий, а как он его ведет»⁴⁸. Однако вряд ли есть основания оспаривать, что сам порядок, согласно которому первым допрос подсудимого проводит прокурор, больше соответствует объективности и беспристрастности судей. Многие судьи так и поступают, предоставляя прокурору возможность первому допросить подсудимого. Расценивать это как отступ-

⁴⁷ Аналогичный порядок допроса подсудимых предусмотрен уголовно-процессуальными кодексами большинства союзных республик, только УПК Украинской, Узбекской, Грузинской и Эстонской республик предоставляют право первого допроса прокурору, что следует признать более правильным.

⁴⁸ И. Д. Перлов Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 120.

ление от предписаний процессуального закона не следует. В данном случае исполнение закона правильно увязывается с нравственными принципами.

Процессуальный закон не регламентирует во всех деталях тактику допроса подсудимого, поэтому особое значение приобретает ее этическая сторона. При допросе не должны иметь места бестактные, двусмысленные, оскорбительные, унижающие честь и достоинство личности вопросы. Но проблема — насколько допустимы те или иные приемы допроса с точки зрения нравственных принципов — значительно сложнее. В юридической литературе были высказаны по данному вопросу суждения, с которыми никак нельзя согласиться. Так, Л. Е. Ароцкер, правильно утверждая, что «в формулировке вопросов должна быть учтена этическая, нравственная сторона»⁴⁹, вместе с тем предлагает такие приемы допроса подсудимого, которые вряд ли соответствуют нравственным требованиям. Он рекомендует прибегать к внезапным, неожиданным для подсудимого вопросам в расчете на то, что последний не сможет быстро сориентироваться и сообщит сведения, которые пытался утаить от суда. Советует «не мешать» подсудимому излагать ложные показания, дать возможность «выговориться» и затем изобличить его во лжи. Предлагает допрашивающему своими вопросами отвлекать внимание подсудимого на второстепенные детали и, «парализовав его бдительность», на таком фоне вести допрос по основным обстоятельствам дела⁵⁰.

Прежде всего сомнительно, что такая «игра» с подсудимым поможет объективному познанию истины по делу. Но не в этом суть. Даже если бы подобные приемы содействовали установлению истины, их следует признать недопустимыми с точки зрения нравственных принципов взаимоотношений людей, так как они основаны на предубеждении к лицу, вина которого еще не установлена, на отсутствии элементарного уважения к человеку⁵¹.

Решение вопроса о том, насколько допустимы такого рода приемы допроса при осуществлении правосудия, зависит от того, как понимать сущность судебной этики. Если судебная этика — это применение общих норм морали в специфич-

⁴⁹ Л. Е. Ароцкер, Тактика и этика судебного допроса, стр. 57.

⁵⁰ Там же, стр. 43—44.

⁵¹ См.: М. С. Строгович, Судебная этика, ее предмет и сущность, «Советское государство и право», 1971, № 12, стр. 91.

ческих условиях судебной деятельности (а это так и есть), то очевидно, что подобная «тактика» допроса исключается. Если же судебная этика — это специфические нравственные нормы, которые не всегда вытекают из общих принципов морали, а порой и ограничивают их, то можно «оправдать» такую «тактику» допроса, но это будет означать не что иное, как отрицание единых и общих нравственных принципов в уголовном судопроизводстве.

То, что в уголовном судопроизводстве приходится допрашивать лицо, которое обвиняется в совершении преступления, не должно менять суть общих принципов нравственных отношений людей. Их проявление во взаимоотношениях с подсудимым выражает гуманизм, справедливость, демократизм социалистического правосудия, содействует решению задач правосудия, защите прав и законных интересов личности.

Разновидностью допроса подсудимого является так называемый перекрестный допрос, и, хотя он специально законом не предусмотрен, к нему часто прибегают на практике. Нередко участник процесса использует возможность перекрестного допроса для того, чтобы получить от допрашиваемого определенные сведения, соответствующие его процессуальным интересам. В этих условиях особое значение приобретает соблюдение правил судебной этики⁵² с тем, чтобы перекрестный допрос не превращался в своего рода «кислязание» допрашиваемого.

В ходе судебного разбирательства суд обязан не только обеспечить полное соответствие всех процессуальных действий и процессуальных отношений закону и нравственным нормам, но и реагировать на отступления от этих требований в стадиях, предшествовавших судебному разбирательству. Пожалуй, наиболее распространенным нарушением закона и правил морали в стадии предварительного расследования является допрос в качестве свидетеля лица, которое по существу является обвиняемым. Из числа обобщенных автором дел в 7% случаев органы расследования, прежде чем предъявить лицу обвинение, допрашивали его в качестве свидетеля, несмотря на то, что на момент допроса уже были основания для предъявления обвинения. При допросе от таких «свидете-

⁵² См.: Л. Е. Ароцкер, Тактика и этика судебного допроса, стр. 20—24.

лей» требуют показаний об их участии в преступлении. Оправдывается все это порой формальным соблюдением закона, тем, что для предъявления обвинения не было оснований, а свидетель — не обвиняемый и обязан давать правдивые показания. Но нельзя не заметить, что формальная ссылка в подобных случаях на соблюдение закона не имеет ничего общего с законностью и нравственными началами судопроизводства. Закон, действительно, лишь обвиняемому (подозреваемому, подсудимому) предоставляет право, а не возлагает на него обязанность давать показания. Но, во-первых, анализ практики свидетельствует о том, что органы расследования, допрашивая в качестве свидетеля по существу обвиняемого, уже имеют, как правило, основания для предъявления ему обвинения; а во-вторых, нельзя даже от свидетеля требовать показаний об его участии в преступлении. Это противозаконно и безнравственно, так как такой «свидетель» уже от одного подобного вопроса превращается если не в обвиняемого, то в подозреваемого, но лишь без соответствующего процессуального оформления.

С точки зрения нравственных принципов нельзя под страхом уголовной ответственности (ст. ст. 181, 182 УК РСФСР) заставлять человека, в каком бы качестве он ни выступал (обвиняемый, свидетель), рассказывать о своем участии в преступлении, так как это лишает его права на защиту. Суды редко реагируют на подобное нарушение прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве, а иногда и сами его усугубляют, оглашая показания подсудимого, которые им были даны в стадии предварительного расследования при допросе его в качестве свидетеля. То, что протокол такого допроса не может оглашаться в судебном заседании, вытекает прежде всего из толкования ст. ст. 281, 286, 292 УПК⁵³. Кроме того, как уже отмечалось, следует иметь в виду нравственный аспект этого вопроса и то, что показания, полученные от обвиняемого (подсудимого) под угрозой уголовной ответственности, не могут быть источником доказательств по уголовному делу, поскольку при этом была нарушена процессуальная форма получения показаний обвиняемого (подсудимого).

Закреплением нравственных начал в уголовно-процес-

⁵³ См.: Я. О. Мотовиловкер, Вопросы теории советского уголовного процесса, Томск, 1971, стр. 173—174.

суальном законодательстве явилась бы норма, запрещающая допрашивать в качестве свидетелей лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также норма, согласно которой любое лицо было бы вправе, а не обязано давать показания о своем участии в преступлении. Такие нормы содействовали бы устранению отмеченных недостатков в следственной и судебной деятельности, внедрению нравственных начал в уголовное судопроизводство.

6. Соблюдать элементарные правила культуры поведения — потребность каждого воспитанного человека. В обыденной жизни это само собой разумеется и не составляет особой проблемы. Несколько иначе обстоит дело в уголовном судопроизводстве. Между тем именно в уголовном судопроизводстве можно нередко наблюдать пренебрежительное отношение к элементарным правилам культуры поведения, особенно в отношении с подсудимым. Многие из того, что является обычным и привычным в отношениях между людьми (вежливость, предупредительность, необходимость приветствовать друг друга при встрече, извиняться за бестактность и т. д.), порой считается чем-то излишним в обращении с подсудимым. Это ставит последнего в особое положение, свидетельствует о том, что с точки зрения тех, кто его судит, он уже «потерял» достоинства человека и не заслуживает соблюдения по отношению к нему даже элементарных правил культуры поведения. Несомненно, такое предубежденное отношение к подсудимому мешает успешному решению задач правосудия, объективному исследованию обстоятельств дела.

Элементарные правила культуры поведения должны соблюдаться не только по отношению к подсудимому, вина которого только будет устанавливаться, но и по отношению к осужденному, вина которого в совершении преступления стала очевидной. В этом заключается одно из проявлений высокой культуры поведения человека. Поэтому нельзя согласиться с тем, что «суд — учреждение строгое. Здесь не место для какой-то изысканной вежливости и особой предупредительности»⁵⁴. Задача, как видно, заключается не в том,

⁵⁴ Д. Шахов, О судебной этике, «Советская юстиция», 1965, № 1, стр. 22. (Следует заметить, что вместе с тем в статье высказаны правильные и полезные рекомендации о расширении нравственных начал правосудия.)

чтобы «изгонять» «изысканную» вежливость из судебной деятельности, а в том, чтобы шире внедрять в эту деятельность общие правила культуры поведения, в том числе вежливость, уделяя этому, может быть, даже больше внимания, чем в обычных отношениях между людьми.

Очень правильно вопрос о вежливом обращении с арестованными лицами был решен в инструкции ВЧК, принятой в первые годы Советской власти: «...пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться, и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть»⁵⁵. Подобное отношение должно быть и к подсудимому.

Вежливость, как элементарное правило культуры поведения, должна проявляться во внимании к правам и законным интересам подсудимого, в тактичном к нему отношении; она должна исключать грубость, высокомерие, пренебрежение.

Часто ли можно наблюдать, чтобы перед началом судебного заседания прокурор, судьи и другие участники судебного заседания здоровались с подсудимым или чтобы в ходе судебного заседания участник процесса, допустивший в результате своей несдержанности грубую бестактность по отношению к подсудимому, извинился перед ним? К сожалению, это бывает редко⁵⁶.

Вежливость в судебном заседании заключается также в умении слушать. Особенно терпеливо следует выслушать подсудимого, который выступает в суде со своими показаниями, объяснениями, защитительной речью, произносит последнее слово.

Председательствующий, руководя судебным заседанием, может останавливать выступление лиц, которые уклоняются от существа дела (ст. ст. 283, 295 УПК). Останавливать же

⁵⁵ «Из истории ВЧК (1917—1921 гг.). Сборник документов», М., 1958, стр. 103—104.

⁵⁶ Как это происходит в некоторых судах, описано в очерке О. Чайковской «Величие суда» («Литературная газета», 9 сентября 1970 г.).

выступление подсудимого даже в таком случае не всегда следует, необходимо учитывать, как подсудимым будет воспринято то, что судья перебьет его выступление и как все это отразится на ходе судебного следствия. И, конечно, никак нельзя признать удачным указание в законе (ст. 297 УПК), что председательствующий может останавливать подсудимого, во время его последнего слова, если он касается обстоятельств, явно не имеющих отношения к делу. В какой-то степени направлять выступления подсудимого возможно, когда исследуются обстоятельства дела, оцениваются доказательства. Возможно это в судебном следствии, в судебных прениях. Но с учетом особенностей последнего слова вряд ли справедливо и тактично перебивать выступление подсудимого в этом случае и лишать его возможности сказать суду все, что он считает необходимым перед тем, как суд удалится для вынесения приговора. Уголовно-процессуальное законодательство некоторых союзных республик вполне обоснованно не предусматривает право председательствующего останавливать подсудимого во время его последнего слова, если он уклоняется от существа дела⁵⁷.

Обеспечение прав и законных интересов подсудимого зависит не только от соблюдения в судебном заседании законности и нравственных начал, но и от соблюдения элементарных правил культуры поведения.

7. В защите прав и законных интересов подсудимого определенное значение имеет решение нравственной проблемы о влиянии общественного мнения на правосудие.

Общественное мнение, как одно из проявлений сознания в жизнедеятельности общества, отражая общественную практику людей, выступает как регулятор их деятельности. Оно как бы «фокусирует индивидуальные мнения, упорядочивает социальную информацию, нивелирует оттенки, отвергая неприемлемые черты и усиливая общепользные, и оформляет общую линию поведения»⁵⁸. С ним нельзя не считаться в любой сфере общественной деятельности. Независимо от того, нужно ли поддерживать или, наоборот, преодолевать те или иные суждения обществен-

⁵⁷ См. ст. 319 УПК УССР, ст. 277 УПК Узбекской ССР, ст. 279 УПК Казахской ССР.

⁵⁸ Е. И. Пронин, Печать и общественное мнение, М., 1971, стр. 115.

ности их всегда необходимо брать в расчет, потому что за ними движение больших масс населения⁵⁹.

Общественное мнение, как средство духовного воздействия общества на поведение отдельных лиц и деятельность различных организаций, имеет огромное влияние на развитие всех общественных отношений. Став общенародным в стране победившего социализма, оно приобрело первостепенное значение в решении задач коммунистического строительства. Несомненна роль общественного мнения в развитии и укреплении социалистической законности, в борьбе с преступностью, в защите прав и законных интересов личности.

Взаимосвязь общественного мнения и правосудия весьма сложная, но их положительное влияние друг на друга очевидно, так как оно направлено на укрепление социалистической законности, защиту прав и законных интересов личности. Однако в юридической литературе очень распространено суждение, что «при рассмотрении дела и особенно при вынесении приговора судьям нельзя поддаваться «общественному мнению», которое очень часто отражает лишь «общественные страсти»⁶⁰.

Ошибочность такого утверждения заключается в отождествлении «общественного мнения» с «общественными страстями». В результате вместе с «общественными страстями» — отрицательным для правосудия явлением — осуждается и общественное мнение, содействующее успешному осуществлению правосудия.

При отправлении правосудия недопустимо и недостойно следовать «общественным страстям» или, говоря иначе, ложному общественному мнению, интересам отдельных лиц, которые не выражают общественного мнения. Противодействовать «общественным страстям», которые нередко разжигаются вокруг уголовного дела, необходимо всеми дозволенными средствами и способами и именно потому, что они не выражают общественного мнения, общественных интересов.

⁵⁹ См. там же, стр. 106—107.

⁶⁰ Л. Ароцкер, Судебная этика, «Социалистическая законность», 1969, № 9, стр. 34; см. также Р. Д. Рахунов, О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе, «Советское государство и право», 1968, № 4, стр. 56; К. Суходолец, Ю. Корневский, Отчего бывают ошибки, «Известия», 14 марта 1966 г.; И. Галкин, Суд и общественные страсти, «Известия», 16 апреля 1966 г.

Отличить «общественные страсти» от подлинного общественного мнения порой трудно, но необходимо; иной путь был бы нравственно не оправдан. Поэтому, несмотря на живучесть «общественных страстей», на трудность их распознавания, судья не может рассуждать так: чтобы не запутаться в «общественных страстях» и общественном мнении, лучше не обращать на все это внимание. Такое суждение было бы недостойно судьи. Судья должен уметь распознавать «общественные страсти» и отличать их от общественного мнения. Подлинное общественное мнение соответствует общественным интересам, и если судья остается к нему глух, то его деятельность перестает быть правосудием в настоящем и высоконравственном значении этого слова, правосудием, которое призвано служить общественным интересам.

Проблема взаимоотношений правосудия и общественного мнения должна решаться не путем ограждения судей от влияния общественного мнения, а путем нравственного воспитания судей, которые были бы способны понимать общественное мнение, отличать его от «общественных страстей». Нравственная сила судьи в том и состоит, что он может противостоять «общественным страстям», отличать от них действительное общественное мнение и, учитывая последнее, вместе с тем сохранять свою независимость, решать дела по своей совести и своему внутреннему убеждению.

Полемизируя с автором этих строк о роли общественного мнения в осуществлении правосудия, В. И. Каминская пишет: «При всем уважении к общественному мнению необходимо понимать, что оно некомпетентно судить о виновности лица, что этот вопрос может решить только суд...»⁶¹. Да, решить вопрос о виновности человека, действительно, может только суд. Но обсуждать, оценивать поступки людей, «судить» человека может не только суд, но и общественное мнение, и никакими запретами не ограничить в этом «компетенцию» общественного мнения. Спорным может быть лишь вопрос о том, следует ли суду и в какой степени учитывать общественное мнение, или он не должен обращать на него свое внимание. Судьи не могут, свидетельствуя лишь в общем свое «уважение» к общественному мнению, на деле проходить мимо него, оставляя его незамеченным. Это не соответствовало бы нравственным принципам и отрицательно от-

⁶¹ «Социалистическая законность», 1972, № 1, стр. 93.

ражалось на осуществлении правосудия. Поэтому действительное уважение к общественному мнению может проявляться лишь в учете его в любой сфере общественной жизни, в том числе и в судопроизводстве.

Уместно отметить, какое значение общественному мнению в осуществлении правосудия придавал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что «преследование преступлений касается всего общества»⁶². Анализируя деятельность дореволюционного суда, В. И. Ленин писал о значении общественного мнения: «Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается сквозь свои схоластические пути наша официально-профессорская юриспруденция...». Для подлинного правосудия, указывал он, «нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения — в обсуждении дела»⁶³. Это было сказано в связи с анализом деятельности дореволюционного суда, но, несомненно, имеет полное отношение и к социалистическому обществу, в котором роль общественных интересов и общественного мнения неизмеримо возросла. В. И. Ленин не только считал необходимым учитывать общественное мнение при рассмотрении уголовных дел, но и подчеркивал его значение в улучшении работы судов. В 1918 г. в связи с осуждением взяточников к мягким мерам наказания он требовал «преследовать судом общественного мнения и исключать из партии...»⁶⁴ судей, которые не обеспечивают решения задач социалистического правосудия.

В резолюции XXIV съезда КПСС предусмотрено, что «общественное мнение надо более решительно направлять на борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, стяжательством, туеядством, хищениями, взяточничеством, пьянством. Необходимо продолжать борьбу со всеми пережитками прошлого в сознании и поступках людей. Это дело требует постоянного внимания к себе партии, всех сознательных сил нашего общества»⁶⁵.

Указания В. И. Ленина, решения партии свидетельствуют о большом значении общественного мнения в борьбе с

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 29.

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 405, 408.

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 282.

⁶⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 205—206.

преступностью. Поэтому так важно принципиально отстаивать роль общественного мнения в осуществлении правосудия, в защите общественных интересов, а также прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе многие авторы обращают внимание на значение общественного мнения для правосудия. Правильно пишет В. М. Савицкий, что «теперь законом создана целая система каналов, по которым общественность оказывает влияние на исход производства по уголовным делам»⁶⁶. М. С. Строгович верно обращает внимание на то, что «постоянный и требовательный контроль общественности над деятельностью судей при правильном взаимоотношении между судом и общественностью не только не противоречит независимости судей и их подчинению только закону, но, наоборот, служит верной и важной гарантией независимости судей и их подчинения только закону»⁶⁷.

Говоря о сложности взаимосвязи системы уголовной юстиции с правосознанием населения и общественным мнением, В. Н. Кудрявцев отмечает, что воздействие различных форм общественного мнения о праве и правосудии «имеет положительное значение для повышения эффективности уголовной юстиции, так как активизирует ее, предостерегает против отрыва от жизни, от интересов населения»⁶⁸.

Рассмотрев в разных аспектах взаимосвязь общественного мнения и правосудия, Ю. М. Грошевой приходит к выводу, что общественное мнение выполняет в уголовном судопроизводстве две функции — консультационную и контрольную. Оно содержит определенные требования, обращенные к суду, и является средством, направленным на обеспечение социалистической законности⁶⁹.

В печати неоднократно отмечалось, как благодаря общественному мнению, вниманию к нему удавалось раскрыть преступления, исправить судебные ошибки, защитить права и законные интересы человека.

⁶⁶ В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 235.

⁶⁷ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 143.

⁶⁸ В. Кудрявцев, Эффективность системы уголовной юстиции, «Социалистическая законность», 1971, № 7, стр. 18.

⁶⁹ См.: Ю. М. Грошевой, Общественное мнение и приговор советского суда, Харьков, 1972, стр. 18.

Очень характерным в этом отношении является уголовное дело по обвинению В. Кузнецова. Ему было предъявлено обвинение в убийстве. Органы расследования и суд г. Стерлитамака, а также Верховный суд Башкирской АССР признали В. Кузнецова виновным, и он был осужден на длительный срок лишения свободы. С самого начала расследования уголовного дела комсомольцы организации, в которой работал В. Кузнецов, заняли непримиримую позицию, отстаивая невиновность своего товарища. После осуждения В. Кузнецова они написали письмо в «Комсомольскую правду», настаивая на том, что органы правосудия допустили тяжелую ошибку: отправили в исправительно-трудовую колонию ни в чем неповинного молодого человека. По их письму в г. Стерлитамак выехал корреспондент газеты В. Бабанов, который, пробыв там всего семь дней (расследование и судебное разбирательство длились несколько месяцев), сумел найти доказательства тому, что убийство совершил не В. Кузнецов. Дело против В. Кузнецова было прекращено. Он освобожден из-под стражи, восстановлен в комсомоле и вновь работает со своими прежними товарищами, которые сыграли такую роль в защите его чести и доброго имени⁷⁰.

В данном случае можно сожалеть о судебной ошибке, одобряя действия журналиста, помогшего раскрыть преступление и исправить судебную ошибку, но нельзя не заметить главного во всей этой истории — той роли, которую в данном деле играло общественное мнение, мнение комсомольской организации, членом которой был В. Кузнецов. Следовательно, прокурор, судьи не обратили внимания на общественное мнение и допустили судебную ошибку. Журналист прислушался к нему, и ошибка оказалась исправленной. Данный случай (а он далеко не единичен) свидетельствует о роли общественного мнения в защите прав и законных интересов подсудимого.

Рассматривая роль общественного мнения в осуществлении правосудия, можно отметить ряд аспектов его положительного влияния:

а) Общественное мнение влияет на соблюдение законности и нравственных начал в судебной деятельности. Стоит суду отклониться от требований законности и нравственности,

⁷⁰ См.: В. Бабанов, След, «Комсомольская правда», 7 апреля 1972 г.

как на это немедленно реагирует общественное мнение, и в этом его несомненная польза.

б) Велика роль общественного мнения в неотвратимости наказания⁷¹.

в) Общественное мнение влияет на исправление судебных ошибок, в чем бы такая ошибка ни заключалась, — в осуждении невиновного, в несправедливом приговоре и т. д.

г) Общественное мнение является определенным средством воспитания судей, предупреждая появление у них профессиональной деформации, заключающейся порой в развитии формализма в работе, в появлении бездушного, невнимательного отношения к людям, в потере чувства справедливости и т. д.

д) Общественное мнение влияет на всестороннее, полное и объективное исследование материалов дела. В этом его основное значение для правосудия. Было бы ошибкой полагать, что оно мешает объективному и всестороннему анализу доказательств. Общественное мнение информирует суд об определенных обстоятельствах. Проверить эти обстоятельства, учесть при осуществлении правосудия — служебный и нравственный долг судьи. Бывает, когда судьи перед общественным мнением теряют способность объективно анализировать материалы дела. Но в этом проявляется не отрицательная роль общественного мнения, а недостатки судьи, его нравственного сознания.

Учитывать общественное мнение — это значит тщательно проверять ту информацию, которая от него исходит, а не решать дело лишь по велению общественного мнения, забывая о доказательствах и всех прочих материалах дела.

Суждения общего характера, в которых в какой-то степени берется в целом под сомнение роль общественного мнения в осуществлении правосудия, неверны уже по одному тому, что многие из форм выражения общественного мнения предусмотрены законом и обязательно учитываются при осуществлении правосудия. Узаконенной формой выражения в суде общественного мнения является участие в судебном заседании общественных обвинителей и общественных защитников (ст. 250 УПК). Выражением общественного мнения являются также ходатайства общественных организаций о пе-

⁷¹ См.: Ю. Иванов, Неотвратимость наказания и общественное мнение, «Социалистическая законность», 1971, № 6, стр. 28—30.

редаче им на поруки лиц, виновных в совершении преступлений (ст. ст. 9, 10 УПК).

Общественное мнение, выраженное в этих и некоторых других, предусмотренных законом формах, должно непременно учитываться судом при осуществлении правосудия. Поэтому более правомерным мог бы быть вопрос не о роли вообще общественного мнения в осуществлении правосудия, а о роли тех или иных конкретных форм его выражения. Однако и такую постановку вопроса вряд ли можно признать правильной, так как общественное мнение независимо от форм его выражения, если оно имеет отношение к уголовному делу, должно учитываться при осуществлении правосудия.

Одной из наиболее эффективных форм выражения общественного мнения является печать, и, пожалуй, в юридической литературе больше всего высказано предложений ограничить влияние на правосудие именно этой формы выражения общественного мнения. Так, А. Ваксберг предлагает судьям расценивать как явное беззаконие уже сам факт публикации той или иной корреспонденции в газете до рассмотрения дела судом и реагировать на это своим частным определением, даже если информация в печати полностью подтвердилась⁷².

Предложения ограничить или даже запретить в печати выступления по судебным делам до их рассмотрения в суде обуславливаются стремлениями обеспечить независимость судей. Но это не тот путь укрепления действительной независимости судей как принципа их работы.

Прежде всего вряд ли что-нибудь существенно изменится от того, что печать будет выступать не до, а после приговора, накануне рассмотрения дела вышестоящим судом. Влияние ее на судей останется, а после отмены приговора вышестоящим судом это влияние будут испытывать и судьи

⁷² См.: А. Ваксберг, Достоинство суда, «Литературная газета», 21 июля 1971 г.

Крайность такого суждения очевидна. Подобные выступления газет никаких законов не нарушают, и, разумеется, не могут расцениваться как беззаконие. Не может быть у суда ни правовых, ни моральных оснований выносить частные определения, когда информация в газете полностью подтвердилась, и тем более в тех случаях, когда она была направлена против бездействия органов расследования и суда в борьбе с преступностью.

первой инстанции при повторном рассмотрении дела. Но главное не в этом.

Вряд ли можно посредством ограничений для печати обеспечить, «защитить» независимость судей. Независимость не в том, чтобы «уберечь» суд от общественного мнения и печати, как формы его выражения. Это просто нереальная задача. Независимость судьи — это его нравственное сознание, не позволяющее ему судить не по совести и внутреннему убеждению, а в угоду тому или иному влиянию. Независимость — это умение отличать общественное мнение от «общественных страстей», правильно понимать общественное мнение и правильно на него реагировать. Это, разумеется, не означает, что можно не обращать внимания на различные попытки оказать влияние на судей, полагаясь на нравственность последних. Решать эту проблему необходимо в двух направлениях: пресекая всякие попытки склонить судью к определенному решению и воспитывая у судей высоконравственное сознание. Но если судья легко поддается постороннему влиянию, необоснованному мнению, высказанному в печати, то это, как уже отмечалось, скорее беда правосудия, а не печати. Это свидетельствует об изъянах в нравственном воспитании судей. Это проблема судебных кадров. Поэтому, когда судья, осуществляя правосудие, руководствуется не доказательствами и материалами дела, а лишь заметкой в газете, или фельетоном, то в подобных случаях прежде всего следует воздействовать не на печать (хотя и это необходимо, когда информация не обоснована), а на судью, воспитывая в нем определенные нравственные принципы, не позволяющие ему отступать от совести и внутреннего убеждения при осуществлении правосудия.

Суждения об отрицательном влиянии печати на правосудие, как видно, питаются отдельными фактами необоснованных выступлений печати. Действительно, бывают случаи опубликования легких статей и фельетонов, которые искажают факты, содержат неверную информацию, допускают необоснованные обвинения лиц, а суд затем их оправдывает. Несомненно, это отрицательно отражается на интересах правосудия, особенно отдельных лиц, и требует улучшения работы газет, но не запрещения писать им о правосудии. Следовало бы установить такой порядок, согласно которому газета, поместив информацию об уголовном деле, была бы обя-

зана следить за его продвижением и немедленно информировать читателей об окончательном его рассмотрении, тем более если не подтвердилась первоначальная информация о нем.

Но единичные факты неудачных выступлений газет не могут свидетельствовать об отрицательном влиянии печати в целом на правосудие. Можно приводить многочисленные примеры, когда печать помогала предотвратить или исправить судебные ошибки, защитить права и законные интересы личности.

В одних случаях печать содействует разоблачению и справедливому наказанию лиц, совершивших преступления, в других случаях выступает в защиту лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, добиваясь их реабилитации. В этом, в частности, роль общественного мнения и печати в защите прав и законных интересов подсудимых.

Народным судом Железнодорожного района г. Воронежа был осужден к лишению свободы Святослав Н. за то, что он, защищая свою мать от пьяного хулигана, толкнул его, а тот, ударившись о кровать и получив телесное повреждение, умер. Судья, рассматривавший дело, рассуждал так: мне жаль Святослава, он действительно хороший человек, но пришлось осудить — другого ничего нельзя было сделать. Однако, оказывается, не только можно, но и должно было решать это дело иначе. Областная газета «Коммуна» выступила со статьей о несправедливом приговоре, она правильно отражала общественное мнение. В результате Воронежский облсуд изменил приговор, определив осужденному условную меру наказания⁷³. Народный суд г. Махачкалы необоснованно осудил к пяти годам лишения свободы гражданина И. по обвинению в хищении. Лишь после выступления газеты «Известия» справедливость в отношении необоснованно осужденного была восстановлена⁷⁴. Подобные примеры не единичны.

Защищая права и законные интересы личности, печать, выражая общественное мнение, содействует повышению эффективности правосудия. Нередко статьи, опубликованные до рассмотрения дела судом, содействуют раскрытию преступлений, справедливому наказанию виновных, защите интере-

⁷³ См.: «Коммуна», 27 марта и 14 мая 1970 г.

⁷⁴ См.: «Известия», 17 октября 1970 г.

сов лиц, пострадавших от преступления. Так, только после двукратного выступления областной газеты, а затем «Комсомольской правды» в г. Саратове привлекли к ответственности и осудили трех хулиганов, ранивших из ружья человека. Более семи месяцев длилось расследование и рассмотрение дела, которое то прекращалось, то направлялось в суд, то возвращалось на доследование, и никак окончательно не разрешалось, потому что некоторые должностные лица, по существу, взяв хулиганов под защиту, «спасали» их от правосудия. Газета резонно задавала вопрос: почему понадобилось вмешательство общественности для того, чтобы дело пришло к своему логическому завершению⁷⁵. Выступление в данном случае печати именно до разрешения дела судом следует признать полезным, поскольку волокита с расследованием и рассмотрением дела ничего общего не имела с подлинным правосудием.

Центральная и местная печать, разоблачая жуликов, взяточников и т. п., как правило, обоснованно ставит вопрос о привлечении виновных к ответственности и справедливом наказании⁷⁶. Это способствует борьбе с преступностью, успешноному осуществлению правосудия.

Нередко печать вынуждена выступать после вынесения приговора, выражая общественное мнение, которое свидетельствует о том, что по делу была допущена судебная ошибка. Так, газеты «Винницкая правда» и «Известия» выступили по поводу несправедливого решения суда, которым было прекращено дело о нападении и избииении работницы Павловского завода, вскрывшей приписки на производстве. За неправильные действия, связанные с расследованием данного дела, начальник райотдела милиции и прокурор района понесли взыскания. Выступление газеты обсуждалось во всех народных судах области, с тем чтобы предотвратить подобные ошибки в дальнейшем⁷⁷. Таких примеров немало⁷⁸. Но дело даже не в примерах, когда речь идет о положительном влиянии на правосудие печати, выражающей общественное мнение.

⁷⁵ См.: «Комсомольская правда», 19 февраля 1970 г.

⁷⁶ См., например: «Правда», 12 декабря 1971 г.; «Коммуна», 21 февраля 1971 г.; 7 мая 1971 г.

⁷⁷ См.: «Известия», 25 февраля и 4 апреля 1972 г.

⁷⁸ См., например: «Известия», 4 ноября 1971 г. и 3 января 1972 г.

В принципиальном решении данного вопроса первостепенное значение имеют суждения основоположников марксизма-ленинизма о взаимосвязи печати и общественного мнения, об их роли в общественном развитии.

К. Маркс писал: «В той же мере, в какой «свободная печать» является продуктом общественного мнения, она также и создает это общественное мнение»⁷⁹.

В. И. Ленин, подчеркивая большую роль печати в развитии общества, в просвещении, сплочении и перевоспитании масс⁸⁰, ставил перед прессой задачу вскрывать все язвы нашей жизни⁸¹.

Именно принципиальное значение по вопросу о возможности выступлений печати до рассмотрения дела судом имеет высказывание В. И. Ленина по уголовному делу о травле инженера Ольденборгера, покончившего жизнь самоубийством. В записке от 4 января 1922 г. В. И. Ленин писал: «Ввиду полной недостаточности (или недоговоренности?) заметки в «Правде» от 3. I. 1922 о самоубийстве *Ольденборгера* и расследовании этого дела

предлагаю Политбюро постановить:

1) поручить Московскому Совету ходатайствовать перед Президиумом ВЦИКа о предании всех, указанных в заключении комиссии, лиц *суду*;

<...>

3) — опубликовать об этом во *всей* советской прессе;

<...>

+6) Директива «Известиям» и «Правде»: осветить это возмутительное дело в ряде энергичных статей»⁸². Позже 8—14 марта 1922 г. дело о самоубийстве В. В. Ольденборгера разбиралось Верховным трибуналом при ВЦИК, и виновные были приговорены к разным видам наказания.

В. И. Ленин находил вполне возможным, в определенных случаях, выступление печати еще до того, как дело будет рассмотрено судом.

Каждое выступление печати, касающееся обстоятельств уголовного дела, независимо от того, когда оно было (до рас-

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 206.

⁸⁰ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 100; т. 36, стр. 149; т. 46, стр. 221.

⁸¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 147.

⁸² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 354.

смотрения дела или после), должно учитываться и проверяться соответственно судами первой или вышестоящих инстанций. На эту обязанность судов обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел». Отметив, что при рассмотрении уголовных дел «не всегда внимательно проверяются выступления печати; иногда они остаются без надлежащего реагирования, либо, наоборот, неправильно рассматриваются как основание для вынесения приговора или его отмены и изменения», Пленум Верховного Суда СССР обязал судей более внимательно относиться к сообщениям печати, тщательно их прозирать и принимать меры к восстановлению законности⁸³.

Учитывать и оценивать выступления в печати — это значит внимательно проверять ту информацию, которая в них содержится, и правильно на нее реагировать с точки зрения задач правосудия⁸⁴. В печати, к сожалению, еще бывают выступления, которые не отражают общественного мнения, искажают действующее законодательство, не воспитывают к нему уважения. Отмечая это, многие авторы вместе с тем правильно подчеркивают, что публикации в печати о судебных процессах играют заметную роль в укреплении нравственных основ нашего общества, в укреплении авторитета советского правосудия⁸⁵.

⁸³ См.: «Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 7, 261.

⁸⁴ Такое мнение автора этих строк В. И. Каминская находит явно ошибочным потому, что выступления в печати до рассмотрения дела судом будто могут принести большой вред правосудию (см.: «Социалистическая законность», 1972, № 1, стр. 93). В анализе влияния печати на правосудие вряд ли следует видеть только отрицательные последствия. Объективность требует учитывать и положительное влияние печати на правосудие. К тому же отрицание обязанности суда во всех случаях реагировать на выступления в печати, учитывать и тщательно их проверять не соответствует приведенным указаниям Пленума Верховного Суда СССР.

⁸⁵ См.: Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 149—150; Ю. М. Грошевой, указ. соч., стр. 33—40.

О роли печати в решении задач правосудия см.: Н. Жогин, Печать, право и законность, «Социалистическая законность», 1970, № 8, стр. 8—12; Н. Кондрашков, Использование средств массовой информации в правовом воспитании населения, «Социалистическая законность», 1971, № 12, стр. 18—23; А. Ваксян, Эффективнее использовать местную печать, «Советская юстиция», 1970, № 12, стр. 13—14.

Ошибки в работе печати возможны, но ее призвание точно фиксировать и отражать общественное мнение. В этом случае «картина событий и мнений, представляемая газетой, будет нести социально значимую информацию, с которой нельзя не считаться в любой сфере общественной деятельности»⁸⁶.

В оценке роли печати в освещении судебной деятельности следует полностью согласиться с Б. С. Никифоровым, который на собственный вопрос «Что же, может быть, «запретить» газетам писать о преступности, о преступлениях?» отвечает так: «Конечно, нет! Назначение печати — отражать, обсуждать и оценивать явления и события, имеющие общественное значение. Делать из этого правила исключения для уголовных дел на любой стадии их движения нет необходимости. Речь идет о другом — о том, чтобы делать это всегда и только на пользу и никогда во вред делу воспитания уважения к законности»⁸⁷. Однако несомненно, что даже при идеальной реализации этого положения не исключаются выступления в печати, которые, не отражая общественного мнения, могут отрицательно влиять на правосудие. Помешать этому, нейтрализовать отрицательное влияние таких выступлений на правосудие — обязанность судьи, ибо, как справедливо заметил И. Д. Перлов, «уметь отличать подлинное общественное мнение от мнимого, общественное мнение — от «общественных страстей», — не только профессиональный, но и нравственный долг судьи, прокурора, следователя»⁸⁸.

Значение общественного мнения и печати в защите прав и законных интересов подсудимого, таким образом, проявляется в том, что они направлены на обеспечение законности и нравственных принципов при осуществлении правосудия, влияют на предупреждение профессиональной деформации судей, содействуют предотвращению и исправлению судебных ошибок.

8. Среди всех проблем судебной этики, связанных с участием подсудимого в уголовном судопроизводстве, особое место занимают вопросы нравственных отношений защитника с подсудимым. Они составляют часть этических устоев дея-

⁸⁶ Е. И. Пронин, указ. соч., стр. 107.

⁸⁷ Б. Никифоров, Точка еще не поставлена, «Известия», 11 июля 1970 г.

⁸⁸ И. Перлов, Судебная этика, «Известия», 11 сентября 1971 г.

тельности адвокатуры и отличаются большой сложностью и многообразием.

Последовательное проведение общих нравственных принципов во взаимоотношениях защитника с подсудимым является необходимым условием обеспечения права на защиту. Особенности их нравственных отношений обуславливаются назначением защиты, тем, что защитник призван защищать лицо, обвиняемое в совершении преступления, призван защищать права и законные интересы подсудимого. Связанная с этим сложность правовых и нравственных отношений порождает и различные суждения о нравственно дозволенном и необходимом во взаимоотношениях защитника с подсудимым. Несмотря на всю специфику этих отношений, нравственно оправданным в них может быть лишь то, что отвечает общим нравственным принципам.

Проведению этих принципов во взаимоотношениях защитника с подсудимым в большей степени соответствует взгляд на защитника как на представителя подсудимого. Одной из основных нравственных черт этих отношений является доверие подсудимого к своему защитнику, который не должен подрывать его теми или иными своими действиями. Доверие к защитнику — это, в частности, и означает доверить, поручить ему защищать свои права, свои законные интересы, а действовать по поручению подсудимого — это и значит быть его представителем.

Взгляд на защитника как на представителя подсудимого нравственно оправдывает появление в уголовном судопроизводстве защитника только по воле подсудимого, с его согласия. Если защитника рассматривать не как представителя подсудимого, а в любом ином качестве, то это может означать допустимость его участия в суде независимо от мнения подсудимого, что вряд ли соответствовало бы нравственным принципам.

С точки зрения нравственных начал подсудимому во всех случаях должно принадлежать право персонального выбора защитника. Единственное отступление от этого правила могут вызвать обстоятельства, исключающие возможность для избранного подсудимым адвоката принять на себя защиту по конкретному делу. Но иногда не только суды, но и юридические консультации по разным причинам отступают от этого правила.

С точки зрения нравственных основ защитник (именно как представитель подсудимого) должен все свои основные процессуальные действия согласовывать с подсудимым, учитывать мнение последнего. Не всегда оно может стать для защитника решающим, но защитник всегда должен его знать и учитывать, выполняя свои профессиональные функции. Отступлением от нравственных начал во взаимоотношениях с подсудимым необходимо рассматривать такие действия и заявления защитника в суде, которые становятся неожиданными и непонятными для подсудимого.

Нравственной основой взаимоотношений защитника с подсудимым является обязанность защитника лишь защищать подсудимого. Своими действиями и заявлениями он никогда не должен ухудшать положение подсудимого. Все, что не соответствует этому в поведении защитника, нарушает право на защиту, противоречит нравственным принципам взаимоотношений защитника с подсудимым. Этим обуславливается и нравственное содержание правил об адвокатской тайне (ст. 72 УПК, ст. 33 Положения об адвокатуре РСФСР)⁸⁹.

Назначение защитника — защищать своего подзащитного, поэтому никогда не может быть нравственно оправдано поведение адвоката, так или иначе направленное на обвинение его подзащитного. Не только в своей речи, но и в ходе судебного следствия, заявляя ходатайства, участвуя в допросе и т. д., защитник не должен ни прямо, ни косвенно превращаться в обвинителя. Но подобное бывает. Иногда можно наблюдать, как в ходе судебного разбирательства адвокат «советует» подсудимому, отрицающему свою вину, признать ее, чистосердечно раскаяться, «разъясняет», что это является обстоятельством, смягчающим ответственность. Подобные действия адвоката, направленные на «пробуждение» совести у подсудимого, не признающего своей вины, недопустимы с точки зрения нравственных принципов защиты, так как они косвенно превращают защитника в обвинителя. Решать проблему пробуждения совести у подсудимого, не признаю-

⁸⁹ См.: И. Д. Перлов, Право на защиту, М., 1969, стр. 36; А. Бойков, Этические нормы деятельности советского адвоката, «Советская юстиция», 1966, № 10, стр. 16—17; он же, Проблемы адвокатской этики, сб. «Роль и задачи советской адвокатуры», М., 1972, стр. 185—190.

щего себя виновным, может прокурор, в известной мере суд, руководствуясь при этом презумпцией невиновности и прибегая лишь к нравственно оправданным способам.

Обвинительная деятельность адвоката может оказаться нравственно допустимой лишь в особых случаях. Одним из них является выполнение адвокатом в уголовном процессе обязанностей представителя потерпевшего от преступления. Защищая права и законные интересы потерпевшего, адвокат вынужден обвинять подсудимого, действиями которого нарушены интересы лица, пострадавшего от преступления.

Выполняя же обязанности защитника, адвокат лишь в исключительных ситуациях, в меру необходимой защиты прав и законных интересов своего подзащитного, может затрагивать вопросы виновности других подсудимых. Насколько же защитник одного подсудимого станет в определенном смысле обвинителем другого подсудимого — это уже касается нравственных отношений. Границы дозволенного здесь определяются нравственными критериями, и для того, чтобы адвокаты их не переходили, вероятно, есть один путь — совершенствовать свое профессиональное мастерство, воспитывать потребность всегда следовать определенным нравственным принципам.

С точки зрения нравственных принципов случаи обвинительного направления в деятельности защитника по отношению к подсудимым, которых он не защищает, могут быть оправданы, если это вызывается крайней необходимостью, если иным путем невозможно в полной мере защитить ему интересы своего подзащитного. В связи с этим нельзя согласиться с некоторыми авторами, слишком широко толкующими право адвоката на обвинение лиц, которых он не защищает. Так, В. Елесин пишет, что «при выявлении на судебном следствии взрослых подстрекателей и иных соучастников, вовлекших несовершеннолетнего в преступную деятельность и не привлеченных к уголовной ответственности, защитник ходатайствует о возбуждении против них уголовного преследования...»⁹⁰. Подобное возможно, но не всегда. Привлечение к ответственности других лиц может ничем не помочь в защите подсудимого, и тогда ходатайство адвоката о привлечении к уголовной ответственности лиц, которые, по

⁹⁰ В. Елесин, Участие защитника в судебном следствии по делам несовершеннолетних, «Советская юстиция», 1972, № 3, стр. 23.

его мнению, совершили преступление, становится нравственно неоправданным, так как оно в данном случае не согласуется с профессиональным долгом защитника и не вытекает из выполнения им своей процессуальной функции по конкретному делу.

По той же причине нельзя согласиться с А. Д. Бойковым, который полагает, что адвокат во всех случаях обязан заявлять ходатайства о привлечении к уголовной ответственности лиц, которые имели отношение к созданию условий, способствовавших совершению преступления, или непосредственно участвовали в преступлении, если это не противоречит интересам защиты обвиняемого и не связано с разглашением профессиональной тайны⁹¹.

Такие ходатайства со стороны защитника допустимы не при условии, что они не противоречат защите, а при условии, что без них невозможно обойтись с точки зрения интересов успешной защиты. Только в этом случае обвинительное направление в деятельности адвоката соответствует его назначению в процессе. В иных ситуациях ни профессиональные, ни нравственные требования не могут побудить адвоката стать в положение обвинителя — это не его долг.

Нравственный долг адвоката — быть последовательным и принципиальным в защите. Это должно стать нравственной основой отношений защитника с подсудимым, но так бывает не всегда. Суды часто не соглашаются с позицией адвоката о недоказанности обвинения, о квалификации преступления и мере наказания. Адвокаты же далеко не в каждом случае отстаивают в дальнейшем позицию, которую они занимали в суде первой инстанции. Так, по изученным автором делам адвокаты обжаловали лишь 54% приговоров, по которым их мнение не совпало с решением суда. Из них только 10% жалоб адвокатов кассационные инстанции признали обоснованными. В подавляющем большинстве остальных случаев адвокаты затем уже не отстаивали перед надзорными инстанциями свое мнение, изложенное в кассационных жалобах, отклоненных кассационными инстанциями. Происходит это, как видно, отчасти потому, что иногда первоначальное мнение адвоката, высказанное им в суде первой инстанции, бывает необоснованным, а отчасти и потому, что

⁹¹ См.: А. Д. Бойков, Роль защитника в предупреждении преступлений, М., 1971, стр. 53.

адвокаты не всегда последовательно, настойчиво и принципиально осуществляют защиту на всех стадиях процесса. Бывают даже случаи, когда, настаивая на оправдании подсудимого, адвокат затем не приносит кассационную жалобу на обвинительный приговор суда. Это нельзя расценить иначе как нарушение защитником этики адвоката.

Защитник может защищать лишь законные интересы подсудимого. Очень хорошо об этом писал А. Ф. Кони: «Он (защитник) не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия. Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен *вовсе* или *вовсе не так и не в том* виновен, как и в чем его обвиняют»⁹².

Защищать права и законные интересы подсудимого всеми возможными способами и средствами, указанными в законе, — профессиональный и нравственный долг защитника. Адвокат не вправе отказаться от выполнения этого своего долга, не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого. Недопустимо это ни по мотивам расхождения с подсудимым во мнениях на способы защиты, ни по мотивам обоснованности обвинения и бесперспективности защиты, ни по каким другим соображениям, кроме предусмотренных в законе и исключаяющих в определенных случаях для того или иного адвоката возможность выполнять функции защитника по конкретному уголовному делу (ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР). В том, что не защитник может отказаться от защиты, а только подсудимый — от услуг защитника, заложен глубокий нравственный смысл, определяющий нравственные отношения защитника с подсудимым. Это продиктовано заботой о правах и законных интересах человека, верой в него, поскольку нет такого преступного человека, в котором, по выражению А. Ф. Кони, «безвозвратно был бы затенен человеческий образ»⁹³.

С точки зрения нравственных начал должен решаться и такой частный вопрос отношений защитника с подсудимым, как обязательное участие защитника в уголовном процессе. Иметь защитника — это право подсудимого, которое рассматривается им как благо. Поэтому было бы нравственно не оправдано превращать право в обязанность, а благо во зло

⁹² А. Ф. Кони, Собр. соч., т. 4, стр. 64.

⁹³ См. там же.

и навязывать подсудимому защитника помимо его воли, да еще заставляя его оплачивать труд адвоката. Исключением из этого могут быть лишь особые случаи, предусмотренные законом.

Отношения защитника с подсудимым порождают и сложные нравственные проблемы и многочисленные на первый взгляд простые вопросы, но от решения которых зависит обеспечение нравственных начал и культуры судебного разбирательства. Так, в юридической литературе и на практике распространено мнение, что адвокат, когда рассматривается дело по обвинению нескольких подсудимых, не должен покидать зал судебного заседания на время исследования судом доказательств, не имеющих отношений к его подзащитному. Осуждая адвокатов, которые в этих случаях уходят из зала суда (разумеется, с разрешения председательствующего), Д. Шахов пишет: «Не говоря уже о том, что подобное поведение адвоката глубоко неэтично по отношению как к его подзащитному (доверителю), так и ко всем другим участникам процесса, оно является и неверным»⁹⁴. С этим нельзя согласиться. Конечно, если нет полной уверенности в том, что исследование определенных доказательств совершенно не коснется интересов того или иного подсудимого, его адвокат не вправе покидать зал судебного заседания. Но известны судебные разбирательства, которые длятся месяцами, по которым неделями исследуются доказательства, не имеющие абсолютно никакого отношения к определенному подсудимому. С какой целью все это время должен присутствовать в судебном заседании защитник такого подсудимого? Вряд ли можно нравственно оправдать его бесполезное «сидение». Вопрос о том, при каких условиях и в каком порядке некоторые участники процесса могут временно покидать зал судебного заседания, должен быть решен в процессуальном законе.

Нравственные отношения защитника с подсудимым очень сложные и многообразные, они нуждаются в глубоком исследовании с точки зрения требований общих нравственных принципов.

⁹⁴ Д. Шахов, О судебной этике, «Советская юстиция», 1965, № 1, стр. 22.

9. Обеспечение нравственных начал в ходе судебного разбирательства во многом зависит от того, насколько все участники процесса будут добросовестно пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности. Это, несомненно, касается и подсудимого, у которого, как и других участников процесса, наряду с правовыми обязанностями есть и нравственные обязанности.

В качестве основной нравственной обязанности подсудимого следует рассматривать требование о добросовестном отношении к своим процессуальным правам и обязанностям. Требование это является именно нравственной, а не правовой обязанностью, поэтому его неисполнение не может иметь для подсудимого отрицательных правовых последствий, если это одновременно не было связано с нарушением тех или иных правовых норм.

Исполнение нравственной обязанности добросовестно относиться к осуществлению своих процессуальных прав и обязанностей, безусловно, содействует более успешному решению задач правосудия. Но, как правильно пишет В. Н. Шпилев, к сожалению, эта нравственная обязанность не закреплена в нормах уголовно-процессуального законодательства, хотя суд и наделен различными процессуальными средствами по пресечению всякого рода злоупотреблений своими правами со стороны участников процесса, по пресечению попыток недобросовестно их использовать⁹⁵.

Удачнее этот вопрос решен в гражданском судопроизводстве. Статья 24 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 30 ГПК РСФСР предусматривают, что лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. В аналогичной норме нуждается и уголовно-процессуальное законодательство.

Подсудимым, как правило, не удается помешать правосудию своим недобросовестным отношением к процессуальным правам, которые им предоставлены законом, но вместе с тем такое их поведение отрицательно отражается как на интересах правосудия, так и на их собственных интересах. Для правосудия осложняется познание истины. Для подсудимых же их такое поведение, хотя и не влечет за собой

⁹⁵ См.: В. Н. Шпилев, Участники уголовного процесса, Минск, 1970, стр. 73.

каких-либо отрицательных правовых последствий, но вместе с тем может повлиять на формирование у судей отрицательного представления о личности подсудимых и в определенной степени отразиться на исходе дела.

Подсудимый должен добросовестно пользоваться и своим правом давать показания. Закон не установил в отношении подсудимого уголовной ответственности за ложные показания, но это совсем не означает, что за подсудимым признано право на ложь. Правдивость — нравственный принцип советского человека, и никакого исключения из этого для подсудимого закон не делает и не может сделать, так как это означало бы поощрение аморального поведения.

Верно пишет Я. О. Мотовиловкер, что «отсутствие у обвиняемого обязанности давать правдивые показания» и «право обвиняемого давать неправдивые показания» необходимо четко разграничивать⁹⁶, особенно при разъяснении подсудимому его права давать показания и того, что закон не предоставляет ему в уголовном процессе право на ложь.

Смысл освобождения подсудимого от уголовной ответственности за ложные показания не в том, чтобы предоставить ему право на ложь. Введение в отношении обвиняемого уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания означало бы возложение на него обязанности, под страхом уголовной ответственности, доказывать свою невиновность или самому изобличать себя и тем самым доказывать свою вину. Это противоречило бы нравственным принципам и прежде всего презумпции невиновности, гуманному отношению к человеку, его праву на защиту⁹⁷.

По тем же соображениям вряд ли допустимы и иные правовые последствия, а не только уголовная ответственность в отношении подсудимого за дачу им ложных показаний. Следует согласиться с И. Петрухиным и в том, что сам

⁹⁶ См.: Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 16—18.

⁹⁷ В юридической литературе высказаны и другие обоснованные соображения о причинах освобождения обвиняемого от уголовной ответственности за ложные показания (см.: Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, стр. 17; И. Петрухин, Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого, «Советская юстиция», 1965, № 7, стр. 15).

факт дачи таких показаний подсудимым не может, в частности, расцениваться как доказательство его вины⁹⁸.

Ложные показания подсудимого заслуживают лишь морального осуждения. Только в том случае, когда они заключаются в оговоре заведомо невиновного лица, они, как обстоятельство, отягчающее ответственность, могут повлечь за собой правовые последствия (ст. 39 УК РСФСР). Такое решение вопроса вполне нравственно оправдано, так как защищать свои интересы за счет грубого нарушения интересов других лиц безнравственно и социально опасно.

Нарушение подсудимым в ходе судебного разбирательства тех или иных норм нравственности не может проходить бесследно, но способы реагирования на них со стороны суда всегда должны соответствовать закону и нравственным требованиям. К сожалению, так бывает не всегда. По обобщенным автором делам в 7% случаев суды сослались в приговоре на недобросовестное поведение подсудимого как на обстоятельство, отягчающее его ответственность, хотя оно не отнесено законом к числу таковых (ст. 39 УК РСФСР). Иногда в ходе судебного разбирательства можно, например, услышать различного рода «замечания» в адрес подсудимого, который, по мнению прокурора или судьи, дает якобы ложные показания, хотя это совсем не бесспорно. Нередко подобного рода «замечания» носят характер необъективной «нотации», которая свидетельствует о сложившемся предубеждении к подсудимому.

Обеспечить нравственные начала в осуществлении правосудия можно лишь нравственно дозволенными и законными способами. Создать для этого все необходимые условия — профессиональный и нравственный долг судьи.

⁹⁸ См.: И. Петрухин, Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого, «Советская юстиция», 1965, № 7, стр. 15—17.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Подсудимый. Общие вопросы процессуального положения.	7
Процессуальные гарантии законности и обоснованности предания обвиняемого суду	7
Пределы судебного разбирательства как гарантия прав подсудимого	21
Презумпция невиновности и процессуальное положение подсудимого	30
Общая характеристика процессуальных прав и обязанностей подсудимого	41
Правосудие и законные интересы подсудимого	47
Судебные ошибки и вопросы реабилитации невиновного	56
Процессуальные права подсудимого	77
1 ✓ Право подсудимого знать, в чем его обвиняют и на основании каких материалов	77
4 ✓ Право подсудимого участвовать в судебном разбирательстве	82
Право подсудимого на гласный суд	85
Право подсудимого выступать в суде на родном языке	86
8 ✓ Право подсудимого на отвод судьи и других участников судебного разбирательства	90
5 ✓ Право подсудимого заявлять ходатайства	95
4 ✓ Право подсудимого участвовать в доказывании	101
2 ✓ Право подсудимого давать показания и объяснения	118
Право подсудимого участвовать в судебных прениях	136
Право подсудимого представить суду свои предложения по существу обвинения	139
10 ✓ Последнее слово подсудимого	141
Право подсудимого знать приговор	145
✓ Право подсудимого знакомиться с протоколом судебного заседания	148

	Право подсудимого на освобождение из-под стражи	153
	9 ✓ Право подсудимого на жалобу	155
3 ✓	Право подсудимого на защиту	172
	Общие положения	172
	Процессуальные взаимоотношения подсудимого и за- щитника	181
	Процессуальные обязанности подсудимого	199
	Общие положения. Процессуальные обязанности и про- цессуальное принуждение	199
	Содержание конкретных процессуальных обязанностей подсудимого	208
	Судебная этика и ее роль в обеспечении прав и законных инте- ресов подсудимого	218

Лев Дмитриевич Кокорев

ПОДСУДИМЫЙ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

Редактор издательства Н. Н. Потолова
Обложка художника Б. И. Кныша
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректор Н. С. Стукалова

ЛЕ 05168. Сдано в набор 8. XII 1972 г. Подп. в печ. 15. III 1973 г.
Форм. бум. 60 × 84¹/₁₆. Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 16,4.
Тираж 2000. Заказ 2208. Цена 98 к.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Типография издательства ВГУ